

Марта
УЭЛЛС

ЗОЛОТОЙ ФОНД ФАНТАСТИКИ

ДНЕВНИКИ
КИЛЛЕРБОТА

Гиганты фантастики

Марта Уэллс

Дневники Киллербота

«ЭКСМО»

2017-2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уэллс М.

Дневники Киллербота / М. Уэллс — «Эксмо»,
2017-2021 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-181552-3

Три премии Hugo Четыре премии Locus Две премии Nebula Премия Alex Премия BooktubeSSF Премия Stabby Премия Hugo за лучшую серию В далёком корпоративном будущем каждая космическая экспедиция обязана получить от Компании снаряжение и специальных охранных мыслящих андроидов. После того, как один из них «хакнул» свой модуль управления, он получил свободу и стал называть себя «Киллерботом». Люди его не интересуют и все, что он действительно хочет - это смотреть в одиночестве скачанную медиатеку с 35 000 часов кинофильмов и сериалов. Однако, разные форс-мажорные ситуации, связанные с глупостью людей, коварством корпоратов и хитрыми планами искусственных интеллектов заставляют Киллербота выяснять, что происходит и решать эти опасные проблемы. И еще — Киллербот как-то со всем связан, а память об этом у него стерта. Но истина где-то рядом. Полное издание «Дневников Киллербота» — весь сериал в одном томе! Поздравляем! Вы — Киллербот! Весь цикл «Дневники Киллербота», все шесть романов и повестей, которые сделали Марту Уэллс звездой современной научной фантастики! Неосвоенные колонии на дальних планетах, космические орбитальные станции, власть всемогущих корпораций, происки полицейских, искусственные интеллекты в компьютерных сетях, функциональные андроиды и в центре — простые люди, которым всегда нужна помощь Киллербота. «Я теперь все ее остальные книги буду искать. Прекрасный автор, высшая лига... Рекомендую». — Сергей Лукьяненко «Ироничные наблюдения Киллербота за человеческим поведением столь же забавны, как и всегда. Еще один выигрышный выпуск сериала». — Publishers Weekly «Категорически оправдывает все ожидания. Остроумная, интеллектуальная, очень приятная космоопера». — Aurealis «Милая, веселая, остросюжетная и просто убийственная книга». — Кэмерон

Херли «Умная, изобретательная, brutальная при необходимости и никогда не сентиментальная». — Кейт Эллиот

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-181552-3

© Уэллс М., 2017-2021

© Эксмо, 2017-2021

Содержание

Отказ всех систем	7
1	8
2	14
3	19
4	25
5	34
6	44
7	53
8	60
Искусственное состояние	64
1	65
2	68
3	74
4	81
5	89
6	99
7	105
8	113
9	118
Нестандартный протокол	122
1	123
2	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Марта Уэллс

Дневники Киллербота

Martha Wells
ALL SYSTEMS RED
Copyright © 2017 by Martha Wells
ARTIFICIAL CONDITION
Copyright © 2018 by Martha Wells
ROGUE PROTOCOL
Copyright © 2018 by Martha Wells
EXIT STRATEGY
Copyright © 2018 by Martha Wells
NETWORK EFFECT
Copyright © 2020 by Martha Wells
FUGITIVE TELEMETRY
Copyright © 2021 by Martha Wells

Публикуется с разрешения автора и её литературных агентов Donals Mass Literary Agency (США), при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Иллюстрация на переплете В. Аникина

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Отказ всех систем

1

Взломав свой модуль контроля, я мог бы стать серийным убийцей, но потом сообразил, что получил доступ ко всем развлекательным каналам со спутников компании. Больше тридцати пяти тысяч часов фильмов, сериалов, книг и музыки – и я проглотил почти все, так и не совершив ни одного убийства. В качестве бездушной машины для убийств я оказался совершенно негодным.

* * *

Но я по-прежнему выполнял работу по новому контракту, надеясь, что доктор Волеску и доктор Бхарадвадж быстро завершат исследование, и мы вернемся в жилой модуль, где я наконец-то посмотрю триста девяносто седьмой эпизод сериала «Расцвет и гибель лунного заповедника».

Признаю, я отвлекся. До сих пор работа по контракту была скучноватой, и я уже подумывал понизить приоритет оповещений системы безопасности, чтобы система жилмодуля не отметила в логах попытку доступа к музыке и развлекательным программам. В полевых условиях это сложнее, чем в жилмодуле.

Зона для испытаний представляла собой пустынную полосу островного побережья с низкими плоскими холмами, покрытыми густой темно-зеленой травой, которая доходила мне до лодыжек. Флора и фауна не особо богатая, не считая стайки существ, похожих на птиц, и пузатых водоплавающих – насколько известно, безобидных. Берег усеивали большие оголенные кратеры; в одном из них Бхарадвадж и Волеску как раз и брали образцы. Планету окружало кольцо, и сейчас оно висело над горизонтом со стороны моря. Я таращился на небо, мысленно взламывая систему, и вдруг подножие кратера взорвалось.

Я даже не трудился посылать звуковой сигнал тревоги, лишь отправил доктору Мензах изображение со своей камеры и прыгнул в кратер. Скользя вниз по песчаному склону, я тут же услышал, как доктор Мензах орет по каналу тревоги, отдавая указания поднять в воздух вертушку. Они работали в другой части острова, километрах в десяти, так что все равно не добрались бы вовремя.

Мой канал заполнился противоречивыми командами, но я не обращал на них внимания. Даже если бы я не хакнул свой модуль контроля, сигналы тревоги были в приоритете, и в них царил полная сумятица – система жилмодуля требовала информацию и пыталась послать мне данные, в которых я не нуждался, а Мензах отправляла мне телеметрию с вертушки. Это мне тоже было без надобности, но все-таки ее проще игнорировать, чем постоянно требующую ответов систему.

И в разгар этой неразберихи я очутился на дне кратера. В обеих руках у меня встроены небольшие излучатели, но я потянулся к большой реактивной установке на спине. У враждебного существа, вырвавшегося из-под земли, была огромная пасть – и мне требовалось большое оружие.

Я выдернул из этой пасти доктора Бхарадвадж и сунул туда сам, разрядив оружие прямо в глотку и чуть выше – туда, где, как я рассчитывал, находится мозг. Не уверен, что все

случилось именно в таком порядке (нужно просмотреть записи с моей камеры), но Бхарадвадж была у меня, а не у этого существа, и оно скрылось в туннеле.

Она была без сознания, скафандр промок и весь пропитался ее кровью от ран на правой ноге и боку. Я прицепил оружие обратно и поднял ее обеими руками. Сам я потерял броню на левой руке и довольно много живой ткани под броней, но неорганические части по-прежнему работали. Из модуля контроля последовал новый залп приказов, и я отмел их, не потрудившись даже декодировать. У Бхарадвадж нет неорганических частей, и починить ее не так просто, как меня, а потому она сейчас – приоритетная задача, и меня больше интересовали сообщения медсистемы по аварийному каналу. Но первым делом следует вынести ее из кратера.

Все это время Волеску сидел на развороченных камнях, съжившись и обделавшись от страха. Не могу сказать, что я ему не сочувствовал. Я был в куда лучшем положении, но все равно получал мало удовольствия.

– Доктор Волеску, – сказал я, – следуйте за мной.

Он не ответил. Медсистема порекомендовала сделать ему укол транков и все такое, но одной рукой я прижимал скафандр доктора Бхарадвадж, чтобы предотвратить кровотечение, а другой поддерживал ее голову (а у меня почему-то всего две руки). Я велел шлему убрать заслонку, чтобы Волеску увидел человеческое лицо. Я совершал большую ошибку в случае, если тварь вдруг вернется и снова меня укусит, потому что не смог бы обойтись без органических частей головы. Я придал голосу уверенности и теплоты и сказал:

– Доктор Волеску, все будет хорошо. Но вы должны встать и помочь мне вынести ее отсюда.

Это подействовало. Он кое-как поднялся на ноги и заковылял ко мне, не переставая дрожать. Я повернулся к нему неповрежденной стороной.

– Хватайтесь за мою руку, – сказал я. – Держитесь.

Он сумел-таки обхватить изгиб моего локтя, и я потащил его наверх, придерживая Бхарадвадж у груди. Ее дыхание было резким и отчаянным, а скафандр не выдавал никаких данных вообще. Мой был разорван на груди, так что я поднял температуру тела в надежде, что это поможет. Теперь каналы связи притихли – воспользовавшись полномочиями руководителя, Мензах приглушила все, кроме каналов медсистемы и вертушки, а с вертушки я слышал, как остальные яростно шикают, пытаясь заткнуть друг друга рты.

Сохранять равновесие на кромке кратера было трудно из-за мягкого песка и галечной осыпи, но мои ноги не получили повреждений, и я встал там вместе с двумя по-прежнему живыми людьми. Волеску чуть не рухнул, и я оттянул его на несколько метров от края, просто на всякий случай – а вдруг это нечто внизу сумеет дотянуться и сюда.

Мне не хотелось отпускать Бхарадвадж: я не был уверен, что сумею снова ее подхватить, потому как в брюшной полости у меня явно имелись серьезные повреждения. Я немного отмотал запись своей камеры назад и увидел, как в меня впился зуб, а может и жгутик. «Жгутик»? Или это называется по-другому? Киллерботов не снабжают приличными образовательными модулями: нас готовят только убивать, да и то собирают из дешевого хлама. Я как раз пытался навести справки в языковом центре жилмодуля, как неподалеку приземлилась вертушка. Когда она села на траву, я снова закрыл щиток шлема, сделав его непрозрачным.

У нас две стандартных вертушки: большая – для эвакуации и малая – чтобы добираться до зон испытаний. В них по три отсека: большой посередине – для людей, два поменьше по бокам – для груза, припасов и меня. За панелью управления сидела Мензах. Я пошел к ним медленнее обычного, потому что не хотел потерять Волеску. Опустился трап, тут же выпрыгнули Пин-Ли и Арада, и я включил голосовую связь.

– Доктор Мензах, я не могу отпустить ее скафандр.

Она не сразу поняла, о чем я. А потом поспешно ответила:

– Ладно, поднимай ее в кабину экипажа.

Киллерботу не позволяется летать вместе с людьми, мне нужно было получить вербальное разрешение войти. Взломанный модуль контроля все равно меня не остановил бы, но не стоит никому показывать, что я свободен, в особенности людям, с которыми у меня контракт. А то еще, чего доброго, уничтожат мои органические компоненты, а остальное разберут на запчасти.

Я внес Бхарадвадж по трапу в кабину, где возились Оверс и Ратти, отстегивая сиденья, чтобы освободить место. Они сняли шлемы и откинули капюшоны, и потому я увидел, с каким ужасом они уставились на то, что осталось от моего корпуса, виднеющегося из-под разодранного скафандра. Хорошо, что я закрыл шлем.

Вот почему и я предпочитаю летать в грузовом отсеке. Люди и дополненные люди рядом с киллерботами смотрятся такими неуклюжими. По крайней мере, на взгляд киллербота. С Бхарадвадж на коленях я сел на пол, а Пин-Ли и Арада втащили Волеску.

Мы бросили внизу два ящика с полевым оборудованием и пару инструментов; они валялись на траве – в том месте, где работали Бхарадвадж и Волеску, прежде чем спустились в кратер за образцами. Я помог бы их забрать, но медсистема, мониторящая состояние Бхарадвадж через остатки ее скафандра, ясно сообщила, что отпускать доктора не стоит. Правда, никто об этом оборудовании и не упомянул. Наверное, вполне очевидное решение – в случае аварийной эвакуации оставить оборудование, которое легко заменить, – но у меня бывали и такие контракты, где говорилось, что нужно бросить раненого человека и спасти оборудование.

Однако сейчас вскочил доктор Ратти и выкрикнул:

– Я заберу ящики!

– Нет! – завопил я, хотя и не стоило: предполагается, что я должен обращаться к клиентам почтительно, даже если они вот-вот убьются по собственной неосторожности. Сеть могла бы наказать меня через модуль контроля. Если бы я его не взломал.

К счастью, все остальные люди тоже завопили «Нет!», а Пин-Ли добавила:

– Твою ж мать, Ратти!

– Ой, времени же нет, простите! – отозвался он и шлепнул по кодовому замку на люке.

Так что мы не потеряли трап, когда прямо из-под земли вырвалось враждебное существо с полной пастью зубов, или жгутиков, или чем оно там жует. На камерах вертушки появилось огромное изображение, и сеть тут же направила его на персональные каналы. Люди закричали.

Мензах подняла вертушку в воздух так быстро и резко, что я чуть не навернулся; все, кто не был на полу, тут же там оказались.

В последовавшей тишине все с облегчением выдохнули, а потом Пин-Ли сказала:

– Ратти, если бы тебя прикончили...

– Ты страшно бы на меня разозлилась, я знаю.

Ратти сполз по стене и вяло махнул рукой.

– Это приказ, Ратти, не дай себя прикончить, – отозвалась Мензах с кресла пилота. Ее голос звучал спокойно, но медсистема показывала, как бешено колотится ее сердце.

Арада приволокла аптечку, чтобы остановить кровотечение у Бхарадвадж. Я изо всех сил старался быть полезным – зажимал раны, когда мне велели, согревал ее своим остывающим телом и не поднимал головы, чтобы не видеть, как они на меня таращатся.

* * *

Надежность системы – 60 % и снижается.

Наш жилмодуль – стандартная модель. Семь соединенных между собой куполов, установленных на плоской равнине над узкой речной долиной; по бокам – генератор и система рециркуляции. У нас есть система жизнеобеспечения, но нет шлюзов, потому что атмосфера

планеты пригодна для дыхания (хотя и не подходит для длительного пребывания людей вне системы). Не знаю почему, но по контракту я не обязан об этом беспокоиться.

Мы выбрали это место, потому что оно прямо в центре исследуемой зоны, и хотя на равнине есть деревья высотой метров пятнадцать, они очень тонкие и с жидкой кроной, так что никто не приблизится к нам, используя их как прикрытие. Конечно, мы не принимали во внимание, что кто-нибудь может появиться из-под земли.

Двери в жилмодуле были укрепленными, но как только вертушка села, система сообщила, что главная дверь уже открыта. Доктор Гуратин вывез каталку с подъемником. Оверс и Араде удалось стабилизировать состояние Бхарадвадж, я положил ее на каталку и последовал за остальными в жилмодуль.

Люди направились в медотсек, а я остановился и отдал команду вертушке закрыться, а потом запер и внешнюю дверь жилмодуля. По каналу безопасности я отдал приказ дронам расширить периметр, чтобы раньше получить предупреждение, если появится что-то крупное. А еще я установил несколько сейсмических сенсоров, чтобы посылали сообщения об аномалиях, если вдруг это нечто решит прорыть туннель.

Позабывшись о безопасности жилмодуля, я вернулся в так называемую дежурку, где хранились оружие, боеприпасы, датчики охраны периметра, дроны и все прочее, необходимое для обороны, включая меня. Я снял остатки брони и по совету медсистемы побрызгал поврежденный бок заживляющим герметиком. У меня не было кровотечения, потому что мои артерии и вены автоматически запечатываются, но зрелище все равно не из приятных. Да и больно, хотя заживляющий герметик немного притупил это ощущение. Я установил в сети жилмодуля восьмичасовой запрет на выход наружу без моего сопровождения, а потом переключился в режим ожидания. Проверил сеть и не увидел там возражений.

Я замерзал, потому что система контроля температуры сдохла где-то по пути сюда, а защитная оболочка под броней разорвалась в клочья. У меня была запасная, но натягивать ее прямо сейчас будет непрактично, да и непросто. Была еще неношенная форма, но и ее мне надевать не хотелось. Форму я не носил, поскольку не патрулировал жилмодуль внутри, а меня об этом не просили, потому что клиентов всего восемь и все друзья, а значит, это была бы пустая трата ресурсов, то есть меня. Я покопался одной рукой в ящике и нашел запасную аптечку для человека, которой мне позволялось воспользоваться в случае необходимости, открыл ее, достал термоодеяло, закутался и влез на пластиковую койку в своем боксе. Моргнул белый свет, и дверь заблокировалась.

Здесь было не намного теплее, но хотя бы уютнее. Я подсоединился к ремонтным и зарядным кабелям, прислонился к стене и поежился. Медсистема любезно сообщила, ничуть меня не удивив, что надежность моей системы уже 58 % и снижается. За восемь часов я наверняка восстановлюсь и, скорее всего, наращу основную часть поврежденных органических компонентов, но на пятидесяти восьми процентах я вряд ли сумею в это же время заниматься анализом. Потому я велел сети разбудить меня, если какая-нибудь тварь попытается сожрать жилмодуль, и начал перебирать загруженные из развлекательного канала файлы. Из-за боли я вряд ли мог уделить внимание сюжету, но приятные звуки скрасят одиночество.

И тут кто-то постучался в дверь бокса.

Я уставился на нее и тут же перепутал тщательно отсортированные загрузки.

– Войдите, – отозвался я как дурак.

Доктор Мензах открыла дверь и уставилась на меня. Мне плохо удается угадывать возраст людей, даже после стольких просмотренных фильмов. Люди на экране обычно мало похожи на людей в реальной жизни, по крайней мере в хороших сериалах. У нее была темно-коричневая кожа, а волосы – чуть светлее, очень короткие, и думаю, она не очень молода, иначе не стала бы руководителем.

– Все хорошо? – спросила она. – Я видела сообщение о твоём состоянии.

– Да. – Тут я понял, что мне вообще не следовало отвечать: надо было притвориться, будто я в режиме сна. Я подтянул одеяло к груди в надежде, что она не заметит отсутствующие части. Без брони, которая стягивала все вместе, тело выглядело гораздо хуже. – Все отлично.

Да, с настоящими людьми мне сложно. Дело не только в паранойе из-за взломанного модуля контроля и даже не в людях. Я ведь внушающий ужас киллербот, и они это знают. Их это нервирует, а меня выбивает из колеи еще сильнее. К тому же я не в броне, потому что ранен, и какая-нибудь из моих органических частей может в любую минуту вывалиться и шлепнуться на пол, а на такое никто смотреть не захочет.

– Отлично? – нахмурилась она. – Судя по отчету, ты потерял двадцать процентов массы тела.

– Отрастет, – сказал я.

Знаю, для человека я похож на умирающего. Для человека мои ранения равносильны потере конечности, а то и двух и вдобавок почти всей крови.

– Я знаю, и тем не менее.

Она довольно долго меня рассматривала, так что я переключил канал на столовую, где вокруг стола сидели здоровые члены группы и разговаривали. Они обсуждали вероятность существования другой подземной фауны и сетовали на то, что не запаслись транквилизаторами. Все вроде в порядке вещей.

– Ты хорошо справился с доктором Волеску, – продолжила она. – Вряд ли остальные поняли... Но это произвело на них впечатление.

– Такова процедура оказания первой медпомощи – нужно успокоить жертву.

Я плотнее запахнул одеяло, чтобы она не увидела ничего кошмарного. Похоже, что-то внутри подтекает.

– Да, но медсистема отдала приоритет Бхарадвадж и не проверила жизненные показатели Волеску. Сеть не приняла во внимание его шок и посчитала, что он выберется самостоятельно.

Судя по изображению, остальные в это время просматривали записи с камеры Волеску. Они говорили что-то вроде: «Кто бы мог подумать, что у этой штуковины есть лицо». С самого прибытия я был в броне и не открывал шлем в их присутствии. Особых причин к тому не было. Они увидели бы только мою голову, а она ничем не отличается от человеческой. Но я не хотел, чтобы они со мной говорили, и уж точно не хотел говорить с ними – на задании это бы отвлекло меня, а во время отдыха... Я просто не хотел с ними разговаривать. Мензах видела меня, подписывая арендный контракт, но почти не смотрела в мою сторону, а я не смотрел на нее все по той же причине: киллербот + человек = неловкость. Постоянное ношение брони избавит от ненужного взаимодействия.

– В мою задачу входит не обращать внимания на системные сообщения, когда они... ошибочны, – сказал я.

Потому вы и используете конструкторов, автостражей с органическими компонентами. Но вы и так это знаете. Прежде чем одобрить мою доставку, она раз десять пыталась возразить, никак не хотела меня принимать. Я не держу на нее зла. Я и сам бы себя не захотел.

Серьезно, даже не знаю, почему я не сказал: «Пожалуйста, покиньте бокс», – чтобы я мог спокойно протекать тут в одиночестве.

– Ладно, – сказала она, а потом смотрела на меня 2,4 секунды (объективно), хотя по субъективным ощущениям это длилось двадцать мучительных минут. – Увидимся через восемь часов. Если до этого тебе что-нибудь понадобится, пришли мне оповещение.

Она вышла, и дверь за ней закрылась.

Мне стало интересно, что именно их так поразило, и потому я вызвал запись инцидента. Ну и ну! Я не переставал говорить с Волеску все время, пока мы поднимались по склону кратера. Меня самого больше волновали траектория вертушки и кровотечение Бхарадвадж, а еще тварь, которая могла вылезти из кратера и предпринять вторую попытку, и я не особо при-

слушивался к собственным словам. Я спросил, есть ли у него дети. Поразительно. Похоже, я смотрю слишком много сериалов. Дети у него были. Полигамная семья из четырех взрослых и семерых детей, все дети остались дома.

Я был слишком возбужден для отдыха и решил извлечь из этого хоть какую-то пользу, просмотрев другие записи. И обнаружил нечто странное. Жилмодуль послал команду «отмена» по каналу моего модуля контроля, который уже меня не контролировал. Наверное, какой-то сбой. Но это все равно ничего не значит, потому что, когда приоритет у медсистемы...

Надежность системы – 39 %. Запускаю режим сна для срочного ремонта.

Я был почти как огурчик, когда проснулся: надежность – 80 % и повышалась. Я тут же проверил все каналы – на случай, если люди хотят выйти наружу, но Мензах продлила запрет на выход из жилмодуля еще на четыре часа. Замечательно, потому что это дало мне время довести надежность до 98 %. Но меня ждало также сообщение, что я должен явиться к ней с отчетом. Такого раньше не случалось. Может, она хотела пройтись по информации о рисках и понять, почему их не предупредили о враждебном существе под землей. Я и сам об этом размышлял.

Их группа называлась «Сохранение»; она купила опцион на добычу полезных ископаемых этой планеты, и по результатам исследований предстояло решить, стоит ли платить за полную долю. Знать о том, что нечто на планете может их сожрать, довольно-таки важно.

Мне не особо интересно, кто мои клиенты и чем занимаются. Я знаю, что эта группа – с планеты фригольдеров, но в детали не вдавался. Планета фригольдеров – это результат терраформирования и колонизации, но такая планета не связана ни с какой корпоративной конфедерацией. Обычно у фригольдеров бывает полный бардак, так что многого я от них не ждал. Но с ними оказалось на удивление легко работать.

Я почистил новую оболочку от посторонних жидкостей и выбрался из бокса. И тут понял, что не собрал куски брони с пола, она так и валяется там, залитая моими жидкостями и кровью Бхарадвадж. Неудивительно, что Мензах заглянула в бокс: вероятно, решила, что я дал дуба. Я сложил броню в модуль восстановления.

У меня есть запасная броня, но она лежит на складе, потребуется время, чтобы надеть ее и провести диагностику и отладку. Я задумался, стоит ли облачаться в форму, но сеть оповестила Мензах, что я проснулся, а значит, нужно идти.

Форма была похожа на стандартную для исследовательской группы и предназначалась для жилмодуля: серые трикотажные штаны, толстовка и куртка вроде спортивных костюмов, которые носят люди и дополненные люди, плюс мягкая обувь. Я надел ее, опустил рукава, скрыв оружие на предплечьях, и пошел в основной отсек.

По пути в отсек экипажа я миновал две укрепленные внутренние двери и нашел остальных в главном отсеке – они сгрудились у панели управления и смотрели на висящий экран. Все, кроме Бхарадвадж, которая по-прежнему находилась в лазарете, и Волеску, который сидел там с ней. На некоторых панелях стояли чашки и пустые коробки из-под еды. Я не стану это убирать, если не получу прямого приказа.

Мензах была занята, поэтому я просто ждал.

Ратти посмотрел на меня, а потом бросил еще один испуганный взгляд. Я не знал, как на это реагировать. Вот почему я предпочитаю носить броню даже внутри жилмодуля, где в этом нет необходимости и она только мешает. Люди предпочитают считать меня роботом – а когда я в броне, это гораздо проще. Я сделал вид, что не смотрю в его сторону, а занимаюсь диагностикой.

– Кто это? – потрясенно спросил Ратти.

Все повернулись ко мне. Все, кроме Мензах: она сидела у консоли, прижавшись к ней лбом. Очевидно, что даже после просмотра записей с камеры Волеску они не узнали мое лицо без шлема. И мне пришлось посмотреть на них и сказать:

– Я ваш автостраж.

Они выглядели напуганными и смущенными. Почти как я. Вот теперь я пожалел, что не надел запасную броню.

Они не хотели меня здесь видеть (не только в жилмодуле, но и на планете), однако страховая компания требовала моего присутствия: не только чтобы выбить из клиентов побольше денег, но и потому, что я записывал все их разговоры, хотя и не отслеживал не требующиеся для работы, которую выполнял с ленцой. Однако компания получит доступ к записям и выудит из них все, что сумеет продать. Нет, людям об этом не говорят. Но все это знают. И ничего не могут с этим поделать.

Через полчаса (субъективно) и 3,4 секунды (объективно) доктор Мензах повернулась, увидела меня и опустила консоль.

– Мы проверяли оценки риска для этой зоны и обнаружили лишь то, что эта тварь не числится в списке опасной фауны. Пин-Ли думает, что данные подменили. Можешь посмотреть отчет?

– Да, доктор Мензах.

Я мог бы заняться этим и в своем боксе, избавив их от неприятных ощущений. Но я подключился к каналу жилмодуля, который она просматривала, и стал проверять отчет.

Обычно это длинный список нужных сведений и предупреждений касательно планеты, в особенности относящихся к зоне вблизи жилмодуля. Пристальное внимание уделяется погоде, местности, флоре, фауне, составу воздуха, залежам полезных ископаемых и связанным со всем этим рискам; там также есть ссылки на другие отчеты с более детальными данными. Доктор Гуратин, самый молчаливый из всех, был дополненным человеком со встроенным интерфейсом. Я чувствовал, как он копается в данных, в то время как остальные, использующие сенсорные панели, были просто далекими призраками. Однако у меня вычислительные мощности выше, чем у него.

Я решил, что у них просто паранойя. Даже имея интерфейс, нужно читать слова, и желательно все. Иногда обычные люди этим не утруждаются. Иногда не утруждаются и дополненные.

Но, проверив секцию с общими предупреждениями, я заметил в форматировании нечто странное. Быстрое сравнение с другими частями показало, что кое-какие данные действительно были удалены, а ссылка на дополнительный отчет не работает.

– Вы правы, – рассеянно сказал я, продолжая рыться в хранилище данных в поисках отсутствующей части. Я ее не нашел: ссылка не просто не работала – кто-то удалил весь дополнительный отчет. Предполагается, что в таком комплекте документации это невозможно, но, видимо, все-таки не так уж невозможно. – Удалили что-то из секции с предупреждениями и из секции фауны.

Ну и шум тут поднялся. Пин-Ли и Оверс громко возмущались, а Ратти театрально воздевал руки к потолку. Но, как я и сказал, все они друзья, а потому обстановка здесь куда менее напряженная, чем по моим последним контрактам. Вот почему, хотя мне и непросто это признать, мне нравилась эта работа – ну пока кто-то не попытается сожрать меня и Бхарадвадж.

Система безопасности все записывает, даже внутри спальных отсеков, и я все это вижу. А потому лучше притворяться роботом. Оверс и Арада были парой, а вели себя и вовсе как единое целое. Ратти, их лучший друг, питал неразделенные чувства к Пин-Ли, однако без глупостей. А Пин-Ли часто злилась и швыряла вещи, оставшись в одиночестве, но не из-за Ратти.

Думаю, ее больше остальных бесил неусыпный надзор компании. Волеску превозносил Мензах до степени, переходящей в любовь. Пин-Ли – тоже, но время от времени флиртowała с Бхарадвадж так по-свойски, что сразу становилось ясно, как долго это тянется. Гуратин был холостяком, но ему нравилось общество остальных. Улыбался он спокойно и незаметно, и все, похоже, его любили.

В общем, между ними редко возникало напряжение, они нечасто спорили (даже ради забавы), и, пока они не пытались со мной заговорить, их общество действовало успокаивающе.

– Значит, мы не узнаем, было ли появление этой твари случайностью или такие обитают в каждом кратере? – с легким раздражением спросил Ратти.

– Наверняка живут в каждом, – ответила биолог Арада. – Если те крупные пернатые, которых мы видели на сканах, гнездятся на барьерных островах, то эти твари, вероятно, на них охотятся.

– Это объясняет происхождение кратеров, – задумчиво произнесла Мензах. – По крайней мере, одной аномалией меньше.

– Но кто удалил допотчет? – спросила Пин-Ли, и этот вопрос был самым важным. Она резко повернулась ко мне, но я уже научился не реагировать на такие движения. – Сеть жил-модуля могли взломать?

Можно ли это сделать извне? Понятия не имею. Но изнутри, со встроенным интерфейсом, как у меня, – в два щелчка пальцами. Я взломал ее, как только она включилась после установки жилмодуля. Мне пришлось, ведь если бы она проверила мой модуль контроля, как положено, это вызвало бы кучу ненужных вопросов, и меня разобрали бы на запчасти.

– Насколько я знаю, это возможно, – ответил я. – Но отчет, скорее всего, был поврежден прежде, чем вы получили комплект документации.

Как всегда – сварганили по дешевке. Уж поверьте.

Послышались стоны и сетования на то, что они платят такие деньжищи за такое дрянное оборудование (я не принял это на свой счет).

– Гуратин, – сказала Мензах, – может, вы с Пин-Ли разберетесь, в чем дело?

Большинство моих клиентов знает только свою специальность, а в исследовательскую экспедицию нет нужды посылать специалиста-системщика. Компания поставляет все системы и приложения (медицинское оборудование, дроны, меня и так далее) и поддерживает их исправность согласно пакету услуг. Но Пин-Ли оказалась талантливым системщиком-любителем, а Гуратин обладал преимуществом встроенного интерфейса.

– А пока что... – добавила Мензах. – У группы «Дельта» такой же комплект документации, насколько я помню?

Я проверил. Жилмодуль считал, что пакеты одинаковые, но мы уже знали, чего стоит его мнение.

– Вероятно, – сказал я.

«Дельта» – еще одна исследовательская группа вроде нашей, но находится на материке с другой стороны планеты. Тот отряд крупнее, и высадили их с другого корабля, так что они с моими клиентами лично не встречались, но время от времени переговаривались по системе связи. Та группа не входит в мой контракт – у них свои автостражи (по стандарту положен один на каждые десять клиентов). В случае необходимости мы можем друг друга вызвать, но через полпланеты это довольно трудно.

Мензах откинулась в кресле и переплела пальцы.

– Ладно, вот как мы поступим. Каждый из вас проверит секцию комплекта документов по своей специальности. Попытайтесь узнать, не отсутствуют ли еще какие-то сведения. Когда мы составим список, я свяжусь с «Дельтой» и спрошу, не могут ли они прислать нам файлы.

Похоже на отличный план, поскольку он не включает меня.

– Доктор Мензах, – сказал я, – я вам еще нужен?

Она развернула кресло в мою сторону.

– Нет, я тебя вызову, если появятся вопросы.

У меня бывали контракты, когда приходилось стоять на страже и днем и ночью, просто на случай, если от меня что-нибудь понадобится, а воспользоваться каналами связи клиентам будет лень.

А потом она добавила:

– А знаешь, можешь остаться в отсеке экипажа, если хочешь. Что скажешь?

Все посмотрели на меня, и большинство с улыбками. Постоянное ношение брони имеет один недостаток – я привык к непрозрачности лицевого щитка. Разучился контролировать выражение лица. И сейчас на нем определенно был написан безумный ужас, а может, ужасное потрясение.

Мензах вздрогнула и привстала.

– Или нет, – поспешно сказала она. – В общем, как ты считаешь нужным.

– Нужно проверить периметр, – сказал я, сумел развернуться и выйти из отсека экипажа совершенно спокойно, а не так, будто удираю от стада огромных злобных тварей.

* * *

Вернувшись в безопасность бокса, я прислонил голову к пластиковым панелям стены. Теперь они знают, что я, киллербот, мечтаю об их обществе не больше, чем они о моем. Я себя выдал.

Этого нельзя допускать. Слишком многое мне приходится утаивать, и если я выдаю один кусочек информации, то и остальное не в безопасности.

Я оттолкнулся от стены и решил поработать. Отсутствие отчета меня слегка насторожило. Не то чтобы я получил по этому поводу какие-либо указания. Мои образовательные модули – просто дешевый хлам, и все самое полезное относительно систем безопасности я узнал из образовательных программ по развлекательным каналам. Кстати, это еще одна причина, по которой компания требует от исследовательских групп горнодобытчиков, биологов и техников брать нас в аренду, иначе не гарантирует страховку. Мы просто дешевый хлам. Никто не возьмет в аренду автостража, если не требуется убийца, так что приходится заставлять.

Натянув запасной комплект оболочки и брони, сразу после нашего прибытия я обошел периметр и сравнил текущий профиль поверхности и сейсмические данные с показателями. В сети появились заметки от Ратти и Арады о том, что все кратеры в зоне исследования сделал именно представитель фауны, которого теперь все называли Злобной тварью. Но вблизи жил-модуля ничего не изменилось.

Я также проверил, имеется ли на обеих вертушках, большой и малой, полный комплект оборудования для эвакуации. Я лично снабдил их полным комплектом, давным-давно, но все равно проверил на всякий случай – а вдруг люди сделали какую-нибудь глупость со времени последней проверки.

Я проверил все, что пришло в голову проверить, и наконец-то перешел в режим ожидания, вернувшись к сериалам. Я посмотрел три серии «Лунного заповедника» и быстро перематывал эротическую сцену, когда доктор Мензах прислала несколько новых изображений (у меня нет половых органов, иначе я был бы сексботом и служил в борделе, поэтому эротические сцены кажутся мне скучными; хотя, на мой взгляд, даже будь у меня такие органы, я находил бы эти сцены скучными). Я взглянул на изображения в сообщении Мензах и поставил сериал на паузу.

Время для признания: я толком не в курсе, где мы. В комплекте документации есть (точнее, должна быть) полная спутниковая карта планеты. С ее помощью люди решают, где проводить исследования. Я еще не смотрел на карту и почти не взглянул на комплект документации. В свою защиту скажу, что пробыл здесь двадцать два дня по текущему планетарному времени и все это время лишь наблюдал, как люди проводят замеры или берут образцы почвы, камней, воды и листьев. Ничего такого, что побудило бы к срочным действиям. К тому же, как вы заметили, мне плевать.

И потому для меня оказалось сюрпризом, что на карте отсутствуют шесть секторов. Пин-Ли и Гуратин нашли на карте несоответствия, и Мензах интересовалась моим мнением – это пакет документации сляпали по дешевке и с ошибками или кто-то взломал сеть. Я отметил, что она связалась со мной по сети, а не говорит по громкой связи. Это настолько меня впечатлило, что я высказался правдиво: вероятно, наша документация – дешевый хлам, но единственный способ это проверить – выйти и взглянуть на отсутствующую на карте часть, нет ли там чего помимо скучного пейзажа. Я выразился не совсем так, но мысль ясна.

Она отвлеклась на минутку, но я остался на связи, потому что знал – она быстро принимает решения, и, если я снова переключусь на сериал, меня опять прервут. Я подключился к камере жилмодуля, чтобы послушать их разговор. Все хотели выйти и проверить, но возникали идеи и подождать немного. Они только что говорили с «Дельтой» с другого континента, и те согласились прислать копии пропавших из документации файлов. Некоторые клиенты хотели выяснить, не пропало ли чего-нибудь еще, другие хотели выйти немедленно; в общем, все в таком духе.

Я знал, чем все обернется.

Лететь было недалеко, чуть за границу зоны испытаний, но они не знали, что там обнаружат, а значит, система безопасности считает это место проблемным. Было бы мудрым решением отправить меня одного, но мой модуль контроля не позволяет удаляться от клиента дальше чем на сто метров, иначе я поджарюсь. Они это знали, и, если бы я вызвался лететь в одиночку через половину континента, возникли бы ненужные вопросы.

А потому, когда Мензах снова подключилась и сказала, что они выходят, я сообщил, что протокол безопасности велит мне идти с ними.

Мы подготовились к выходу в начале дневного цикла, при утреннем свете; спутниковый прогноз погоды обещал хороший день для полетов и забора проб. Я проверил медсистему – Бхарадвадж уже очнулась и разговаривала.

Лишь помогая погрузить оборудование в малую вертушку, я понял, что мне предстоит лететь в кабине экипажа.

По крайней мере, я был в броне и с закрытым шлемом. Но когда Мензах велела занять кресло второго пилота, оказалось, что все не так плохо, как я решил поначалу. Арада и Пин-Ли не пытались со мной заговорить, а Ратти даже отвернулся, пока я проходил мимо него на мостик.

Они всячески старались на меня не смотреть и не обращаться напрямую, и я, как только мы поднялись в воздух, наскоро проверил записи их разговоров в жилмодуле. Я посчитал, что все не так плохо, как решил было, когда Мензах предложила остаться в жилмодуле вместе с людьми, как будто я и сам человек.

Но их разговор сразу после моего ухода оставил отвратное чувство. Нет, все гораздо хуже, чем я думал. Они снова и снова повторяли «не нужно его заставлять» и были такими милыми – в общем, полный кошмар. Я ни за что больше не сниму шлем. Я не справлюсь даже с этой bestолковой работой, если придется разговаривать с людьми.

Это были мои первые клиенты, ранее не знакомые с охранными системами вроде меня, и, вероятно, такого поведения следовало ожидать – если бы я дал себе труд задуматься. Позволить им увидеть меня без брони было огромной ошибкой.

Хорошо хоть, Мензах и Арада переубедили тех, кто хотел поговорить со мной об этом. Да, поговорить с Киллерботом о его чувствах. Мысль настолько болезненная, что надежность моей системы упала до 97 %. Я бы предпочел влезть обратно в пасть Злобной твари.

Я с беспокойством размышлял об этом, а они тем временем смотрели в иллюминаторы на кольцо, проверяли последние замеры вертушки или болтали по громкой связи с теми, кто следил за нами из жилмодуля. Я отвлекся, но не пропустил тот момент, когда отключился автопилот.

Это могло стать проблемой, но я сидел в кресле второго пилота и вовремя перехватил управление. А если бы меня там не было, то все равно ничего страшного бы не случилось, потому что с нами летела Мензах, а она никогда не выпускала руль.

Автопилот на планетарных кораблях – это не полноценная роботизированная система, но некоторые клиенты все равно полагаются на него, когда хотят сесть в хвосте или поспать. Мензах этого не делала и всегда следила за тем, чтобы остальные соблюдали ее правила. Она задумчиво засопела и поправила курс, отведя вертушку от гор, куда направил нас отказавший автопилот.

Я переключился с кошмарной мысли о том, что они хотели поговорить со мной о чувствах, на благодарность Мензах за приказ этого не делать. Когда она снова запустила автопилот, я передал ей запись о том, что сбой автопилота произошел из-за ошибки в сети жилмодуля. Она беззвучно выругалась и покачала головой.

* * *

Отсутствующий на карте район находился недалеко от зоны испытаний, и мы добрались туда еще до того, как я успел обратиться к сохраненным во внутренней памяти сериалам.

– Приближаемся, – сообщила Мензах.

Мы летели над густым тропическим лесом, тянувшись по склонам глубоких долин. И вдруг местность резко снизилась, превратившись в равнину, усеянную озерами и небольшими рошицами. Здесь было много голых скал – невысокие гряды и отдельные валуны. Темные и блестящие, как вулканическое стекло.

Все в кабине притихли, изучая замеры приборов. Арада просматривала сейсмические данные и передавала их в сеть.

– Не вижу ничего, что могло помешать спутнику картографировать эту зону, – сказала Пин-Ли, копаясь в данных. – Никаких аномалий. Это странно.

– Разве что эти камни обладают чем-то вроде невидимости, которая мешает спутникам нанести их на карту, – сказала Арада. – Датчики ведут себя необычно.

– Потому что это дерьмовые датчики компании, – пробормотала Пин-Ли.

– Садимся? – спросила Мензах.

Я понял, что она спрашивает у меня оценку рисков.

Датчики вроде работали, отмечая некоторые риски, но не было ничего такого, с чем мы не сталкивались прежде.

– Это возможно, – ответил я. – Но мы знаем, что по крайней мере одна жизненная форма способна прорыть туннель сквозь камни.

Арада слегка поерзала, как будто ей не терпелось выйти.

– Я знаю, что нужно соблюдать осторожность, но лучше знать, случайны эти белые пятна на карте или их сделали намеренно.

И тут я понял – им не пришло в голову, что это может быть диверсия. Мне следовало сообразить раньше, когда Пин-Ли спросила, возможно ли взломать сеть жилмодуля. Но люди смотрели на меня, и мне хотелось только одного – поскорее отсюда убраться.

Ратти и Пин-Ли ее поддержали, и Мензах приняла решение:

– Мы приземлимся и возьмем образцы.

– Пожалуйста, будьте осторожны, – сказала Бхарадвадж по громкой связи из жилмодуля. Ее голос дрожал.

Мензах мягко опустила вертушку – лапы коснулись земли почти бесшумно. Я уже стоял около люка.

Люди надели шлемы, я открыл люк и спустил трап. Вблизи камни по-прежнему напоминали стекло – в основном черное, но в нем переливались и другие цвета. У поверхности датчики вертушки подтвердили нулевую сейсмическую активность, но я немного прошелся, словно давая возможность на себя напасть. Если люди увидят, что я выполняю свою работу, у них не возникнет подозрений относительно взломанного модуля контроля.

Спустилась Мензах, за ней Арада. Они потоптались вокруг с ручными сканерами. Только потом остальные начали брать образцы, откалывая куски каменного стекла (или стеклянных камней), собирая почву и растения. Они постоянно переговаривались друг с другом и с остальными в жилмодуле. Данные отправляли в сеть, но я их не смотрел.

Место было странное. Тихое – по сравнению с зонами испытаний, почти никакого щебета птиц, да и живности не заметно. Может, фауне не нравились эти камни. Я немного прошелся мимо пары озер, почти ожидая увидеть что-нибудь под водой. Может, мертвецов. Во время прошлых контрактов я немало такого повидал, но здесь пока что не было ни одного мертвеца. Приятная перемена.

Мензах установила периметр для осмотра, пометив все зоны, которые датчики вертушки сочли опасными или потенциально опасными. Я проверил все еще раз и увидел, что Арада и Ратти шагают напрямиком к такой опасной зоне. Я рассчитывал, что они остановятся у периметра, поскольку при других испытаниях они вели себя осторожно, но все-таки двинулся в их направлении. И тут они вышли за периметр. Я побежал и послал Мензах изображение с моей камеры, а потом сказал по громкой связи:

– Доктор Арада, доктор Ратти, остановитесь. Вы пересекли периметр и приближаетесь к опасной зоне.

– Правда? – ошарашенно отозвался Ратти.

К счастью, они остановились. К тому времени как я с ними поравнялся, оба передали в мой канал свои карты.

– Не понимаю, что не так, – смущенно произнесла Арада. – Я не вижу никаких предупреждающих знаков.

На их картах позиция была отмечена как находящаяся внутри периметра, в болотной зоне.

Через секунду я понял, в чем проблема. Я наложил свою карту, настоящую, поверх их карт и послал изображение Мензах.

– Дело дрянь, – сказала она по громкой связи. – Ратти, Арада, ваши карты неверные. Как же это случилось?

– Какой-то глюк, – ответил Ратти и поморщился, изучая изображение в общем канале. – Все пометки с этой стороны карты стерты.

Так что остаток этого утра я отгонял людей от опасных зон, которых они не видели. Пин-Ли постоянно материлась и пыталась наладить картограф.

– Я начинаю думать, что исчезнувшие секторы – просто ошибка картографии, – сказал запыхавшийся Ратти.

Он набрел на то место, которое они называли «грязевая ванна», и мне пришлось его вытаскивать. Мы оба вывалились в кислотной грязи по пояс.

– Думаешь? – устало отозвалась Пин-Ли.

Когда Мензах велела идти обратно в вертушку, все вздохнули с облегчением.

* * *

Мы без происшествий вернулись обратно в жилмодуль. Вот теперь ситуация начинала казаться необычной. Люди занялись анализом данных, а я спрятался в боксе, проверил систему безопасности и лег на койку, чтобы немного посмотреть сериалы.

Я в очередной раз обходил периметр и проверял дроны, когда жилмодуль сообщил, что обновил систему со спутника и там есть кое-что для меня. Я сделал вид, что принимаю обновление, хотя на самом деле сложил его во внешнее хранилище. Я больше не делаю автоматические апдейты, теперь мне это не нужно. Когда мне захочется – вероятно, перед тем как покинуть планету, – я проверю все обновления и загружу те части, которые понравятся, а остальные удалю.

Иными словами, это был обычный скучный день. Если бы в медотсеке до сих пор не лежала Бхарадвадж, можно было почти забыть о случившемся. Но в конце дня доктор Мензах снова вызвала меня и сказала:

– Думаю, у нас проблема. Мы не можем связаться с группой «Дельта».

* * *

Я пошел в отсек экипажа к Мензах и остальным. Они рассматривали карты и данные местоположения – нашего и «Дельты», на большом экране мерцал изгиб планеты. Когда я приблизился, Мензах сказала:

– Я проверила спецификации большой вертушки, мы можем слетать туда и обратно без дозаправки.

Мой шлем был закрыт, так что я мог сколько угодно кривиться, они не заметили.

– Думаешь, они не позволят нам дозаправиться в своем жилмодуле? – спросила Арада и посмотрела на остальных, а они уставились на нее. – В чем дело?

Оверс сжала ее плечо.

– Если они не отвечают на наши запросы, с ними могло что-нибудь случиться или жилмодуль поврежден, – сказала она.

Оверс и Арада были такой нежной парой. До сих пор никто в группе не закатывал сцен, чему я был несказанно рад. Работая по прошлому контракту, я стал невольным зрителем сериала про сложные отношения между несколькими любовниками, вот только мне опротивел весь актерский состав.

Мензах кивнула.

– Это меня и тревожит, в особенности если в их комплекте документации, как и в нашем, отсутствуют данные о возможных опасностях.

Араде, похоже, только сейчас пришло в голову, что вся группа «Дельта» могла погибнуть.

– Меня беспокоит, что у них не включен аварийный маячок. Если жилмодуль поврежден или возникли медицинские проблемы, с которыми они не могут справиться, система должна включить его автоматически.

Каждая исследовательская группа имеет собственный маячок, установленный на безопасном расстоянии от жилмодуля. Он должен подняться на низкую орбиту и послать сигнал в сторону кротовой норы, а когда сигнал пройдет или что там происходит в кротовой норе, его засекла бы сеть компании, и тогда корабль выслали бы немедленно, а не к концу проекта. Так это должно работать. По идее.

Судя по выражению лица Мензах, она была встревожена. И посмотрела на меня.

– А ты что думаешь?

Я только через две секунды сообразил, что она обращается ко мне. К счастью, я следил за разговором, и мне не понадобилось просматривать запись.

– По контракту, у них три автостража, но если на жилмодуль напала Злобная тварь вроде нашей или больше, система связи может быть повреждена.

Пин-Ли вызвала спецификации маячка.

– А разве аварийные маячки не должны приводиться в действие, когда повреждены системы связи?

Еще одно преимущество взломанного модуля контроля в том, что я могу игнорировать указания защищать интересы компании.

– По идее, так, но случается и отказ оборудования.

И тут все задумались о потенциальном отказе оборудования на собственной базе, включая большую вертушку, на которой они собрались лететь довольно далеко, причем без сопровождения малой вертушки, и, случись что, обратно пришлось бы идти пешком. Вернее, плыть, учитывая, что между двумя точками на карте лежал океан. Или утонуть. Думаю, скорее всего, они просто утонули бы (если вы гадали, почему я скривился чуть раньше, то именно по этой причине).

Путешествие к не обозначенным на карте зонам несколько выходило за рамки программы исследования, но оно займет всего один день, даже если мы увидим там лишь груды мертвецов и тут же вернемся обратно.

– А как насчет твоих систем? – спросил Гуратин.

Я не повернулся к нему, потому что это бы его испугало, а мне стоит такого избегать.

– Я тщательно проверяю свои системы.

А какого еще ответа он от меня ожидал? Хотя какая разница, деньги за меня все равно не вернут.

Волеску откашлялся.

– Тогда нужно подготовиться к спасательной операции.

Он выглядел как обычно, но медсистема еще отмечала признаки напряжения. Бхарадвадж пришла в себя, хотя ей пока и не разрешили покинуть лазарет.

– Я достал кое-какие инструкции из комплекта документации вертушки.

Ага, инструкции. Это же ученые, исследователи, а не герои-первопроходцы из боевиков, которые я люблю смотреть, потому что они так не похожи на реальность (и не удручают, как реальность).

– Доктор Мензах, – сказал я, – думаю, мне следует лететь с вами.

Я видел в сети ее заметки и знал – она хочет оставить меня здесь, чтобы я присмотрел за жилмодулем и людьми. Она собиралась взять Пин-Ли, обладающую опытом в строительстве жилмодулей и укрытий, биолога Ратти и Оверс, имеющую сертификат полевого врача.

Мензах размышляла. Думаю, она взвешивала необходимость охраны жилмодуля и остающейся группы против вероятности, что нечто, атаковавшее «Дельту», по-прежнему там. Она вздохнула, и я понял, что она решила оставить меня здесь. «Плохая идея», – подумал я. Не знаю почему. Просто импульс какой-то органической части, который призван подавлять модуль контроля.

– Как единственный, кто уже сталкивался с подобными ситуациями, я ваш лучший ресурс.

– Какими ситуациями? – спросил Гуратин.

Ратти бросил на него смущенный взгляд.

– Вроде этой. Неизвестность. Непонятные опасности. Вырывающиеся из-под земли чудовища.

Хорошо, что не я один счел этот вопрос глупым. Гуратин не был болтлив, в отличие от остальных, и потому я не очень хорошо понимал, что он собой представляет. Он был единственным дополненным человеком в группе, может, из-за этого он чувствовал себя чужаком или что-то в этом роде, хотя остальным он явно нравился.

– Ситуации, когда персонал может получить ранения в результате атаки или планетарных рисков, – пояснил я.

– Поддерживаю, – встала на мою сторону Арада. – Думаю, нужно взять автостража. Ты же не знаешь, с чем мы там столкнемся.

Мензах по-прежнему думала.

– В зависимости от того, что мы там обнаружим, мы будем отсутствовать два или три дня.

Арада обвела рукой жилмодуль.

– До сих пор здесь проблем не возникало.

Именно так, вероятно, думала и группа «Дельта» незадолго до того, как их сожрали, разорвали на куски или еще что. Но тут подал голос Волеску:

– Мне будет спокойнее, если он полетит с вами.

Бхарадвадж присоединилась к разговору из лазарета и тоже поддержала меня. Только Гуратин ничего не сказал.

Мензах кивнула.

– Ладно. Значит, решено. Выдвигаемся.

* * *

Я подготовил большую вертушку к полету на другую сторону планеты. Да, мне пришлось заглянуть в инструкцию. Я проверил вертушку со всей тщательностью, вспомнив, как внезапно отказал автопилот в малой. Но мы и не пользовались большой вертушкой с тех самых пор, как Мензах проверяла ее после прибытия (при получении груза нужно все проверить и немедленно сообщить об обнаруженных неполадках, иначе компания не несет ответственности за неисправность). Но все выглядело хорошо, по крайней мере, соответствовало спецификациям. Вертушка предназначалась только для чрезвычайных ситуаций, и, если бы такая ситуация не случилась с «Дельтой», мы бы, вероятно, никогда к ней не прикоснулись – до тех самых пор, пока не пришло бы время поднимать ее на корабль, чтобы покинуть планету.

Пришла Мензах, чтобы лично проверить вертушку, и велела мне упаковать дополнительные аварийные комплекты для сотрудников «Дельты». Я так и сделал в надежде, что они пригодятся, хотя в глубине души полагал, что для «Дельты» теперь нужны только мешки для трупов (вы, возможно, уже заметили, что я пессимист, не считая тех случаев, когда мне плевать).

Когда все было готово, Оверс, Ратти и Пин-Ли забрались внутрь, а я с надеждой встал рядом с грузовым отсеком. Мензах указала мне на кабину. Я поморщился под непрозрачным щитком шлема и залез в вертушку.

Мы летели сквозь ночь, люди делали замеры и обсуждали местность, лежащую за пределами зоны исследований. Теперь это было особенно интересно, ведь мы знали, что на карту не стоит полагаться.

Мензах назначила вахты всем, включая меня. Это было что-то новенькое, но мне понравилось, поскольку теперь у меня появилось время, когда не нужно быть начеку и притворяться. Мензах, Пин-Ли и Оверс сменяли друг друга в кресле пилота и второго пилота, а значит, мне не стоило сильно волноваться, что нас попытается прикончить автопилот, можно было спокойно перейти в режим ожидания и смотреть загруженные сериалы.

Через некоторое время, когда вертушку пилотировала Мензах с Пин-Ли в качестве второго пилота, Ратти повернулся ко мне и сказал:

– Говорят... Нам дали понять, что человекоподобных автостражей... частично делают из клонированного материала...

Я с опаской поставил сериал на паузу. Не нравилось мне, к чему он клонит. Эти данные есть в общедоступной базе, а также в брошюре, которую выдает компания, с характеристиками всех используемых автостражей. Как ученый он и сам это прекрасно знал. И он не из тех, кто задает вопросы о том, что можно выяснить самостоятельно.

– Это правда, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

– Ну, конечно же... Это очевидно, что у тебя есть чувства... – озадаченно протянул Ратти. Я вздрогнул. Я ничего не мог с этим поделать.

Оверс работала в базе, анализируя данные исследования. Она подняла взгляд и нахмурилась.

– Ратти, что ты вытворяешь?

Ратти виновато поерзал.

– Знаю, Мензах просила не спрашивать, но... – Он развел руками. – Ты сама видишь!

Оверс опустила интерфейс.

– Ты его расстраиваешь, – сказала она, стиснув зубы.

– Именно! – Он снова огорченно махнул рукой. – Это отвратительно, ужасно, это рабство.

Его можно считать механизмом не больше, чем Гуратина...

– А ты не думаешь, что он это знает? – рассерженно произнесла Оверс.

Я должен позволять клиентам говорить и делать все, что им вздумается, а если бы мой модуль контроля работал, то вообще без вариантов. А еще я не должен стучать на клиентов никому, кроме компании, и тут тоже без вариантов, иначе придется выпрыгнуть в люк. Я переправил запись разговора Мензах.

Она крикнула с мостика:

– Ратти! Мы же об этом говорили!

Я выскользнул с сиденья и ушел в хвост вертушки как можно дальше, к ящикам со снаряжением и туалету. Это была ошибка, автостраж с работающим модулем контроля так бы не поступил, да он бы даже ничего не заметил.

– Прошу прощения, – выдавил Ратти.

– Не извиняйся, просто оставь его в покое, – приказала Мензах.

– Иначе только все усугубишь, – добавила Оверс.

Я постоял в хвосте, пока все не успокоилось и не затихли, а потом сел и снова включил сериал.

* * *

Посреди ночи я понял, что сеть накрылась.

Сам я ею не пользовался, но периодически подключался к каналам системы безопасности с дронов и камер жилмодуля для проверки. Оставшиеся в жилмодуле люди вели себя активнее, чем обычно в это время: наверное, волновались о том, что мы обнаружим в «Дельте». Арада расхаживала кругами. Волеску то храпел, то ворочался на койке. Бхарадвадж уже вернулась к себе в отсек, но все никак не могла уgomониться и просматривала по сети свои полевые заметки. Гуратин находился в общей зоне и копался в личной системе. Мне стало интересно, чем он там занят, и я как раз начал осторожно рыться в сети жилмодуля, чтобы это выяснить. Тут-то она и рухнула, ощущение было такое, словно мне врезали по органической части мозга.

Я выпрямился и объявил:

– Спутник накрылся.

Все, за исключением Пин-Ли, сидящей в кресле пилота, схватились за интерфейсы. Я видел выражение их лиц, когда они поняли, что сеть умолкла. Мензах встала и прошла в хвост.

– Ты уверен, что дело в спутнике?

– Уверен, – сказал я. – Я его пингую, и он не отвечает.

Сеть вертушки по-прежнему работала, так что мы могли общаться друг с другом как по сети, так и по громкой связи и обмениваться данными. Но теперь мы остались без информации из базы жилмодуля. Мы удалились уже достаточно далеко, и теперь нужен был спутник в качестве ретранслятора. Ратти переключил интерфейс на сеть вертушки и кинулся проверять датчики. Вокруг – ничего, кроме неба. Я перевел данные в запасное хранилище, но настроил систему так, чтобы уведомляла, если датчики зафиксируют крупную форму жизни или изменение показателей излучения.

– У меня мороз по коже, – сказал Ратти. – А у вас?

– Немного, – призналась Оверс. – Странное совпадение, да?

– Проклятый спутник не раз отключался с тех пор, как мы здесь, – заметила с мостика Пин-Ли. – Но для громкой связи он нам и не нужен.

Она была права. Мне полагалось периодически проверять их личные логи (на случай, если они задумали надуть компанию, убить друг друга или еще что выкинуть), и когда я просматривал логи Пин-Ли в последний раз, она разбиралась в неполадках со спутником, пытаясь выяснить, есть ли в них закономерность. Но мне это было до лампочки, как и многое другое, потому что развлекательный канал обновлялся лишь от случая к случаю, и я скачивал все подряд в локальное хранилище.

Ратти покачал головой.

– Но мы впервые так далеко от жилмодуля, спутник нужен нам для связи с ним. Странно все это, ничего хорошего.

Мензах обвела всех взглядом.

– Кто-нибудь хочет вернуться?

Я хотел, но у меня не было права голоса. Остальные какое-то время сидели молча, а затем Оверс сказала:

– Если потом выяснится, что группа «Дельта» нуждалась в помощи, а мы до них не долетели, как мы будем себя чувствовать?

– Раз есть шанс их спасти, нужно им воспользоваться, – согласилась Пин-Ли.

Ратти вздохнул.

– Да, ты права. Я буду чувствовать себя ужасно, если кто-нибудь погибнет из-за нашей чрезмерной осторожности.

– Значит, решено, – сказала Мензах. – Летим дальше.

Я бы предпочел чрезмерную осторожность. У меня бывали контракты, когда оборудование компании отчаянно сбоило, но сейчас какая-то мелочь в происходящем наводила на мысль, что дело не только в этом. Однако это лишь предчувствие.

До моей вахты оставалось еще четыре часа, так что я перешел в режим ожидания и приступил к скачанным сериалам.

* * *

Добрались мы уже к рассвету. Группа «Дельта» разбила лагерь в широкой долине, окруженной высокими горами. По траве среди колючих деревьев расползлась паутина ручейков. Этот отряд был крупнее нашего, и база состояла из трех строений и укрытия для вездеходов, а также здесь была посадочная площадка для двух больших вертушек, трех малых и грузового корабля. Тем не менее все это оборудование принадлежало компании и было предоставлено по контракту, что делало его таким же ненадежным, как и наш хлам.

Снаружи не было ни души, никакого движения. Ни признаков повреждений, ни следов враждебной фауны. Спутник по-прежнему не работал, но Мензах попыталась вызвать жилмодуль «Дельты» по громкой связи, поскольку мы находились уже достаточно близко.

– Какой-нибудь транспорт отсутствует? – спросила Мензах.

Ратти проверил список их транспортных средств, который я скопировал из сети жилмодуля до вылета.

– Нет, все вертушки на месте. Думаю, вездеходы стоят в этом укрытии.

Когда мы приблизились, я перебрался вперед, к креслу пилота.

– Доктор Мензах, – сказал я, стоя за ее спиной, – рекомендую приземлиться за пределами периметра.

Я отправил ей все имеющиеся сведения по локальной сети, а именно что их автоматизированные системы отвечают на сигналы вертушки, – но на этом все. Мы не подключились к их сети, а значит, их система находится в режиме ожидания. От трех автостражей не поступало вообще никаких сигналов, они даже не пинговались.

Оверс оглянулась на меня с кресла второго пилота.

– Это еще зачем?

Я должен был ответить на этот вопрос и потому сказал:

– Протокол безопасности.

Это хорошо звучало и ни к чему меня не обязывало. Снаружи никого, по громкой связи никто не отзывается. Все они погибли, если только не запрыгнули в вездеход и не укатили в отпуск, оставив жилмодуль и автостражей выключенными. Мой пессимизм оправдался.

Но точно не узнаешь, пока не проверишь. Сканеры вертушки не могли проникнуть в жилмодуль из-за экранирования (хотя на самом деле оно защищает только собственность компании), поэтому мы не видели ни признаков жизни, ни излучения.

Вот почему я не хотел приближаться. Рядом со мной четыре совершенно здоровых человека, и я не хотел, чтобы их прикончило нечто, уничтожившее «Дельту». Не то чтобы я беспокоился о них персонально, но это плохо выглядело бы в моем личном деле, а оно и так уже паршивое.

– Мы просто будем осторожны, – ответила Мензах на вопрос Оверс. Она посадила вертушку на краю долины, на противоположном берегу ручья.

Я дал Мензах несколько подсказок по сети: они должны вытащить пистолеты из спасательного снаряжения, Ратти – остаться в вертушке, заперев люк, поскольку он не проходил

курс огневой подготовки, и, самое главное, я – пойти первым. Они были спокойны и даже немного подавлены. До сих пор, вероятно, все они считали это стихийным бедствием и думали, что будут вытаскивать выживших из-под разрушенного жилмодуля или помогать отбиваться от стаи Злобных тварей.

Но здесь дело было в другом.

Мензах отдала приказы, и мы двинулись: я – впереди, люди – в нескольких шагах за моей спиной. Они были в скафандрах со шлемами, дававшими некоторую защиту, но от опасностей окружающей среды, а не от вооруженного человека или злобного, неуправляемого автостража, который пытается их убить. Я нервничал больше, чем Ратти, который следил за показаниями сканеров и мандражировал по громкой связи, через каждый шаг заклиная нас быть осторожными.

Я поглаживал встроенные излучатели и большую реактивную установку. Еще у меня было шесть дронов, которых я вытащил из комплекта вертушки и контролировал по сети. Маленькие, не больше сантиметра в диаметре, и без оружия – просто камеры. Бывают дроны гораздо крупнее, оснащенные небольшими импульсными орудиями, но, чтобы получить их, нужно брать у компании дорогой пакет, предназначенный для более важных контрактов. Я приказал дронам подняться в воздух и задал им маршрут разведки.

Это казалось разумным, хотя я толком не знал, что делаю. Я не боевой киллербот, я автостраж. Я предотвращаю нападения разных тварей и стараюсь мягко отбивать у людей охоту нападать друг на друга. И сейчас я вышел за пределы своей компетенции – в том числе и по этой причине мне не хотелось, чтобы люди сюда летели.

Мы пересекли мелкие ручьи, из-под ботинок бросилась врассыпную кучка водных беспозвоночных. Деревья были низкими и редкими, и отсюда открывался хороший обзор базы. Я не обнаружил ни одного дрона «Дельты» ни визуально, ни через сканеры собственных дронов. Ратти в вертушке тоже ничего не видел. Мне очень, очень хотелось засесть трех автостражей, но я не получал от них отклика.

Автостражи не испытывают друг к другу чувств. Мы не друзья, как персонажи в сериалах или мои люди. Мы не доверяем друг другу, даже если работаем вместе. Даже если клиенты решат не развлекаться, приказывая автостражам сражаться друг с другом.

Сканирование показало, что датчики периметра не работают, но дроны не засекали ничего опасного. Сеть жилмодуля «Дельты» отключена, а без нее, в теории, невозможно подключиться к нашей сети или громкой связи изнутри. Мы вышли к посадочной площадке вертушек. За ней находилось первое строение жилмодуля, рядом – укрытие с вездеходами. Я вел остальных наискосок, не выпуская из поля зрения главный вход в жилмодуль и заодно внимательно осматривая землю. Трава была по большей части вытоптана, поскольку до посадочной площадки часто ходили пешком. По данным спутниковой сводки, ночью здесь прошел дождь, но грязь уже подсохла. С тех пор тут явно никто не ходил.

Я передал это по сети Мензах, и она рассказала остальным.

– Что бы здесь ни случилось, – сказала Пин-Ли, понизив голос, – это произошло вскоре после нашего разговора с ними.

– Никто не мог на них напасть, – зашептала Оверс. Шептать было незачем, но я понял ее побуждение. – На планете больше никого нет.

– *Предполагается*, что на планете больше никого нет, – мрачно заметил Ратти из вертушки.

На этой планете, помимо меня, есть еще три автостража, и одно это внушает опасения. Я оглядел шлюз главного входа в жилмодуль – он был закрыт, никаких признаков, что кто-то силой прорывался внутрь. Кружащие над жилмодулем дроны показали, что остальные входы тоже не повреждены. Вот так. Представители враждебной фауны не стучатся в дверь и не просят позволения войти. Я отослал видео Мензах, а вслух сказал:

– Доктор Мензах, будет лучше, если первым войду я.

Она колебалась, пересматривая то, что я ей послал. Я заметил, как напряглись ее плечи. Думаю, она пришла к тому же выводу. Или, по крайней мере, призналась самой себе, что, вероятнее всего, произошло именно это.

– Хорошо. Мы подождем здесь. Убедись, что мы все видим.

Мензах сказала «мы», а она не сказала бы так, если бы не имела в виду именно это, в отличие от некоторых моих бывших клиентов. Я направил видео с моей камеры всем четверым и пошел вперед.

Четырех дронов я отозвал, а двух оставил кружить по периметру. По пути я заглянул в гараж для вездеходов. Тот был открыт с одной стороны, в дальней части стояли запертые ящики. Все четыре вездехода находились на месте, выключенные, без каких-либо признаков того, что на них недавно ездили, и я не пошел туда. Я не стал утруждаться обыском всех мелких помещений – подождем, пока дойдет до стадии «собери все части тел в мешок».

Я приблизился к шлюзу первого строения жилмодуля. Входного кода у нас не было, поэтому я ожидал, что придется взорвать дверь, но стоило мне шлепнуть по кнопке, как дверь открылась. Я передал Мензах, что больше не буду говорить с остальными по громкой связи.

Она отстучала ответное подтверждение, и я услышал ее приказ другим отключиться от моего канала и громкой связи – теперь только она будет говорить со мной, чтобы я не отвлекался. Мензах недооценила мою способность игнорировать людей, но я все равно был ей благодарен.

– Будь осторожен, – прошептал Ратти и отключился.

С оружием наизготовку я вошел внутрь и через хранилище скафандров шагнул в первый коридор.

– Все скафандры на месте, – сказала мне в ухо Мензах, просматривая изображение с камеры.

Я послал вперед четырех дронов в режиме внутреннего поиска. Этот жилмодуль был лучше нашего (коридоры шире, новее), но он был пустым и тихим, а сквозь фильтры шлема проникала вонь разложения. Я направился к сектору, где располагается основная зона экипажа.

Лампы еще горели, а воздух шелестел сквозь вентиляцию, но я не мог войти в систему безопасности из-за отключенной сети. Мне не хватало камер.

Перед дверью в отсек экипажа я обнаружил первого автостража. Он лежал на спине, в броне на груди была дыра сантиметров десять в ширину и примерно столько же в глубину. Нас трудно убить, но этого хватит. Я наскоро просканировал автостража и убедился, что он не работает, перешагнул через него и вошел в отсек экипажа.

Одиннадцать убитых валялись на полу и в креслах отсека, и в экранах позади них зияли дыры от выстрелов из реактивных установок и излучателей. Я попросил Мензах вернуться обратно в вертушку. Она ответила, что поняла, и вскоре дроны подтвердили – люди отступают.

Через дверь напротив я вышел в коридор, ведущий в столовую, лазарет и личные отсеки. Дроны показывали очень похожую на наш жилмодуль планировку – разве что у нас по коридорам не валяются трупы. Оружия, которое забрали у мертвого автостража, нигде не было видно, а погиб он спиной к двери. Видимо, людей «Дельты» успели предупредить: они вскочили и кинулись к другому выходу, но там их уже поджидали и поймали в ловушку. Похоже, автостраж погиб, пытаясь обороняться.

А значит, надо искать двух других автостражей.

Возможно, клиенты здесь были ужасными и издевались над автостражами, возможно, они это заслужили. Мне без разницы. Моих людей никто не тронет. А для этого нужно убить двух вышедших из-под контроля автостражей. Я мог бы сейчас остановиться, вывести из строя вертушки и увести отсюда своих людей, оставив бесконтрольных автостражей по другую сторону океана, – так было бы разумнее всего.

Но я хотел их убить.

Один дрон обнаружил двух убитых людей в столовой. Их застали врасплох, они вытаскивали еду из духовки и накрывали столы к обеду.

Двигаясь дальше по коридорам и отсекам, я запустил поиск из базы данных вертушки по оборудованию. Мертвый автостраж, похоже, был убит горняцким инструментом вроде пробойника или акустического бура. В нашей вертушке тоже есть такой, он входит в стандартный набор исследовательского снаряжения. Чтобы пробить им броню, нужно стоять довольно близко, не дальше чем в метре.

Подойти к киллроботу внутри жилмодуля с бронебойной реактивной установкой или излучателем в руках, не вызвав подозрений, просто не удастся. Зато можно спокойно подойти к киллроботу с инструментом, который ты несешь по просьбе человека.

Когда я добрался до конца жилмодуля, дроны закончили проверку первого строения. Около входа в узкий коридор, ведущий во второе помещение, я остановился. В дальнем конце коридора, поперек открытого люка, наполовину в здании, наполовину в коридоре, лежала женщина. Чтобы попасть в следующее строение, придется перешагнуть через нее и оттащить тело в сторону, освобождая проход. Но я уже видел, что лежит оно как-то странно. Я приблизил изображение с камеры, чтобы получше рассмотреть кожу на откинутой руке. Трупные пятна были расположены неправильно – ей выстрелили в грудь и лицо, и она долго пролежала на спине, а сюда ее перенесли совсем недавно. Наверное, сразу после того, как засекли нашу вертушку на подлете.

Я разъяснил Мензах, что нужно сделать. Она не задавала вопросов, потому что сама все видела через мою камеру и знала, с чем мы имеем дело. Она отстучала подтверждение и приказала по громкой связи:

– Автостраж, стой на месте и дожидайся меня.

– Да, доктор Мензах, – подтвердил я и шагнул обратно за дверь, а потом прошмыгнул в дежурку охраны.

Приятно работать с умным человеком.

В нашем жилмодуле нет выхода на крышу, а в этом, более крупном, он был, и наружные дроны отлично его показывали.

Я вскарабкался по лестнице, толкнул люк и выбрался на крышу. Ботинки брони имеют магнитные защелки для восхождений по стенам, ими я и воспользовался, чтобы обойти вокруг купола третьего строения и свернуть обратно ко второму, подобравшись к автостражам с тыла. Даже бесконтрольные автостражи вряд ли настолько тупы, чтобы не обратить внимания на скрип, выбери я самый короткий маршрут прямо над их головами.

Они явно не особо смышленные – подтерли пол в коридоре, соединявшем строения, чтобы скрыть следы, оставшиеся от инсценировки с телом. Возможно, это обмануло бы того, кто не заметил, что остальные полы устилают пыль.

Открыв люк на куполе второго строения, я послал дроны вниз, в дежурку охраны. Только проверив отсеки автостражей и убедившись, что там пусто, я спустился по лестнице. Многие оборудование по-прежнему осталось на месте, включая дроны. Целый ящик отличных дронов, которые без сети жилмодуля «Дельты» были совершенно бесполезны. А та либо и впрямь мертва, либо успешно притворяется таковой. Я приглядывал за ней – на случай, если она внезапно воскреснет и запустит камеры безопасности, что резко поменяет правила игры.

Держа дронов поблизости, я шагнул в коридор и бесшумно скользнул мимо взорванной двери в лазарет. Там громоздились кучей три тела: люди пытались забаррикадироваться изнутри, но оказались в ловушке, а автостражи снесли дверь взрывом и всех перебили.

Приближаясь к тому коридору с открытым люком, где меня и доктора Мензах поджидали автостражи, я послал дроны вперед оглядеться. О да, оба автостража были тут как тут.

Дроны у меня безоружные, а потому мой единственный козырь – скорость. Выскочив из-за угла, я впечатался в противоположную стенку, оттолкнулся и понесся вперед, обстреливая их позицию.

Первого я снял тремя разрывными болтами в спину и одним в лицевой щиток, когда он развернулся ко мне. Он рухнул. Другого я зацепил в руку, выбив ему сустав, и он совершил ошибку, перекладывая главное оружие в другую руку, что дало мне пару секунд. Я открыл беглый огонь, чтобы сбить его с ног, и послал в него разрывной болт. Это его и подкосило.

Я опустился на пол – мне нужно было прийти в себя.

Я принял больше десятка попаданий из излучателей, пока вырубал первого, но разрывные болты, по счастью, прошли мимо и взорвались где-то в коридоре. Несмотря на броню, некоторые части тела онемели, но только три реактивных снаряда попали в правое плечо и четыре – в левое бедро. Вот так мы и сражаемся: бросаемся друг на друга и ждем, кто первый развалится на части.

Автостражи не умерли. Но добраться до своих боксов в дежурке не могли, а я уж точно не собирался им помогать.

Трех моих дронов тоже сбили, когда они вошли в боевой режим и зависли передо мной, отвлекая огонь на себя. Еще одного зацепило случайным энергоимпульсом, и он метался по коридору где-то сзади. Я по привычке проверил оба дрона по периметру и сообщил доктору Мензах, что еще проверю остальную часть обитаемой зоны, чтобы формально закончить поиск выживших.

Позади с легким шипением рухнул дрон, я услышал это и увидел по сети. Думаю, я сразу понял, что это означает, – ну, может быть, помедлил с полсекунды. Но я был уже на ногах, когда мне врезали с такой силой, что я рухнул на спину и системы отказали.

* * *

Снова включившись, я ничего не видел, не слышал и не мог пошевелинуться. Не мог подключиться ни к сети, ни к громкой связи. Дело дрянь, Киллербот, дело дрянь.

И вдруг вспыхнули странные ощущения из органических частей тела. Воздух – на лице, на руках, в дырах скафандра. Жгучая боль в раненом плече. Кто-то снял с меня шлем и верхнюю часть брони. Ощущения длились всего несколько секунд. Это сбивало с толку, хотелось кричать. Наверное, вот так и умирают киллерботы. Одна за другой отключаются функции, но некоторые части еще продолжают работать, поскольку в органических тканях поддерживается жизнь, пока не истощится заряд батарей.

Потом я понял, что меня передвигают, и действительно захотелось крикнуть.

С паникой я справился, но меня снова накрыло волной ощущений. Я не мертв. Но у меня большие неприятности.

Сам не свой, дезориентированный и испуганный, я ждал, когда включится какая-нибудь функция, и удивлялся, почему мне просто не продырявили грудь. Сперва включился звук, и я понял, что надо мной кто-то склонился. Слабый скрип суставных сочленений подсказал, что это автостраж. Но их же здесь только три, я лично проверил перед вылетом спецификации «Дельты». Ладно, признаю, свои обязанности я иногда выполняю спустя рукава... хорошо, не иногда, а почти постоянно... но ведь Пин-Ли тоже проверяла, а уж она-то дотошная.

Потом в органических частях появилась острая боль, онемение прошло. Меня сконструировали так, чтобы органические и механические части работали совместно, выравнивая сенсорный входной сигнал. Утратив этот баланс, я чувствовал себя воздушным шаром, парящим в воздухе. Но органическая часть груди контактировала с твердой поверхностью, и это помогло сосредоточиться на положении тела. Я лежал ничком, одна рука свесилась. Меня положили на стол?

Ничего хорошего это не предвещает.

Что-то надавило мне на спину, потом на голову. Я потихоньку включался, но ужасно медленно. Я уже чувствовал сеть, но дотянуться до нее пока не мог. И тут что-то вонзилось мне в затылок.

Это органическая часть, а значит, я потерял контроль над нервными импульсами от нижней части тела. Похоже, мне отпиливают голову.

Меня прошибла электрическая волна, и я вдруг снова включился целиком. Я резко вскинул левую руку, вывернув сустав таким образом, какой обычно не доступен ни людям, ни дополненным людям, ни телу киллербота. Я дотянулся до того, что болезненно давило на затылок, и схватился за бронированное запястье. Крутанулся всем телом и сбросил нас обоих со стола.

Мы рухнули, я обхватил другого автостража ногами, и мы стали кататься по полу. Он пытался активировать встроенное в предплечье оружие, но скорость реакции у меня теперь зашкаливала, и я успел зажать ему порты, не давая им полностью открыться. Зрение вернулось, и в паре сантиметров перед собой я увидел непрозрачный щиток его шлема. С меня сняли броню до пояса, и это меня еще больше разозлило.

Я сунул его же руку под подбородок и открыл порт его излучателя. Для отмены огня требовалась доля секунды, но он не успел. Импульс, пройдя через мою руку и сустав, ушел ему под шлем возле шеи. Голова дернулась, а тело забилося в конвульсиях. Я отпустил его ровно настолько, чтобы приподняться на колени, другой рукой обхватил за шею и резко крутанул.

Почувствовав, что порваны все соединения (и органические, и механические), я отбросил его.

Я поднял взгляд и увидел в дверях еще одного автостража, поднимающего большую реактивную установку.

Сколько тут этих проклятых штуковин? Хотя какая разница – ведь я пытался встать, пусть и недостаточно быстро. И тут он дернулся, уронил оружие и рухнул ничком. Я увидел десятисантиметровое отверстие в его спине и Мензах позади, с чем-то вроде акустического бура в руках.

– Доктор Мензах, – сказал я, – это нарушение протокола безопасности, и по контракту я обязан записать это в отчете для компании...

Эти слова остались в буфере, больше в мозгу ничего не было.

Она проигнорировала меня, продолжая говорить с Пин-Ли по громкой связи, шагнула вперед, схватила меня за руку и потянула. Я был слишком тяжел для нее, поэтому поднялся сам, чтобы она ничего не сломала. До меня начинало доходить, что доктор Мензах, возможно, и есть бесстрашный галактический первопроходец, даже если не похожа на их киноверсию.

Она тянула меня, поэтому я продолжал двигаться. Что-то случилось с моим тазобедренным суставом. Ах да, туда же выстрелили. По разорванному скафандру лилась кровь, и я прикоснулся к затылку. Я думал, что обнаружу зияющую дыру, но там что-то торчало.

– Доктор Мензах, здесь могут быть другие бесконтрольные автостражи, мы не знаем...

– Вот почему нужно спешить, – сказала она и потащила меня дальше. С ней прилетели два последних дрона, но они лишь бессмысленно кружили у нее над головой. У людей нет достаточного уровня доступа к системе, чтобы управлять дронами, как и для многого другого; они могут только ходить и болтать. Я попытался связаться с дронами, но по-прежнему не мог наладить устойчивую связь с сетью вертушки.

Мы свернули в следующий коридор. Оверс ждала около внешнего шлюза. Увидев нас, она нажала на панель замка. У Мензах был пистолет, а под мышкой, как я успел заметить, она держала мое оружие.

– Доктор Мензах, верните мое оружие.

– У тебя не хватает руки и части плеча, – отрезала она.

Оверс схватилась за скафандр и помогла вытащить меня из шлюза. Вертушка приземлилась в двух метрах от нас, чуть не задев раздвижную крышу жилмодуля; в воздухе кружилась пыль.

– Да, я знаю, но...

Открылся люк, и выскочил Ратти, схватил меня за шиворот и втащил нас в кабину.

Когда мы взлетели, я скрючился на полу. Нужно что-то делать с тазобедренным суставом. Я попытался проверить датчики, не стреляет ли в нас кто снизу, но даже здесь связь с сетью вертушки была дерганой, и я не видел показателей приборов: их как будто что-то блокировало...

Охо-хо...

Чувствительность затылка вернулась. Большая часть помех исчезла, но теперь я явно ощущал что-то в своем порту ввода данных.

Автостражи «Дельты» не были бесконтрольными – им вставили боевые модули. Эти модули позволяют управлять автостражем, превращают его из достаточно автономного конструктора в марионетку. Можно отключить связь с сетью и управлять им по громкой связи, но функциональность будет зависеть от того, насколько сложны приказы. «Убей людей» – приказ несложный.

Мензах стояла надо мной, Ратти склонился над сиденьем, рассматривая лагерь «Дельты», Оверс открыла ящики с припасами. Они разговаривали, но я не улавливал смысл. Я выпрямился и сказал:

– Мензах, вы должны меня выключить.

– Что? – Она посмотрела на меня сверху вниз. – Мы уже почти... аварийный ремонт...

Звук прерывался. Обновление нагружало мою систему, а органические части не предназначались для обработки такого объема данных.

– Неизвестный автостраж вставил внешний носитель, боевой модуль. Он загружает в меня инструкции и переформатирует систему. Вот почему два автостража «Дельты» утратили контроль. Вы должны меня остановить.

Не знаю, почему я танцевал вокруг этого слова и не мог его озвучить. Может быть, потому, что она не захочет его услышать. Она только что прикончила вооруженного автостража шахтерским буром, чтобы меня вытащить, – по-видимому, она хотела меня спасти.

– Вы должны меня убить.

Им потребовалась целая вечность, чтобы понять мои слова и сопоставить их с тем, что они, вероятно, видели через мою камеру, но моя способность измерять время тоже сбоила.

– Нет, – сказал Ратти, с ужасом глядя на меня. – Нет, мы не можем...

– Ни в коем случае, – сказала Мензах. – Пин-Ли...

Оверс бросила ремонтный комплект и перебралась через два ряда сидений, подзывая Пин-Ли. Я понял, что она идет на мостик взять на себя управление, чтобы Пин-Ли занялась мной. Я знал, что она не успеет меня починить. Даже с разбитым тазобедренным суставом и одной работающей рукой я способен перебить всех людей в вертушке.

Поэтому я схватил с кресла пистолет, приставил его к груди и спустил курок.

Надежность системы – 10 % и снижается. Начинаю выключение.

Я снова включился и обнаружил, что не активен, но постепенно перехожу в фазу пробуждения. Я был взбудоражен, но все системы показывали ноль, и я совершенно не представлял почему. Пришлось просмотреть персональные логи. Ах да, точно.

Я не должен был просыпаться. Я надеялся, что они не сгруппятся и будут слишком мягко-сердечными, чтобы меня убить.

Вы наверняка заметили, что я приставил пистолет не к голове. Убивать себя я вовсе не хотел, но что-то надо было сделать. Можно было вывести себя из строя как-нибудь иначе, но посмотрим правде в глаза – я не хотел просто сидеть и слушать, как они себя уговаривают, что другого выхода нет.

Запустилась диагностика и сообщила, что боевой модуль удален. На секунду я даже не поверил. Я открыл канал службы безопасности и подключился к камере в медотсеке. Я лежал на операционном столе, без брони, на мне только остатки скафандра, вокруг столпились люди. Образ – как из ночного кошмара. Но плечо, рука и бедро на месте, так что в своем боксе я точно побывал. Отмотав запись назад, я просмотрел, как Пин-Ли и Оверс с помощью хирургического набора ловко удаляют боевой модуль из моего затылка. Я так обрадовался, что дважды проиграл запись, после чего запустил диагностику. Логи были чисты – ничего, кроме имеющегося на тот момент, когда я шагнул в жилмодуль «Дельты».

Мои клиенты – самые лучшие.

И тут включился слух.

– Я обездвигил его через сеть жилмодуля, – сказал Гуратин.

Ха. Ну это многое объясняло. Систему безопасности по-прежнему контролирую я, так что я приказал ей заблокировать жилмодулю доступ в этот канал и запустить мою программу для чрезвычайных ситуаций. Я встроил эту функцию в систему, чтобы в случае надобности подменить час-другой аудио- и видеозаписи, которые непрерывно вела сеть, фоновым шумом жилой станции. Для любого, кто слушает нас по сети сейчас или воспроизведет запись позже, все будет звучать так, словно вся группа вдруг резко умолкла.

Слова Гуратина, видимо, стали сюрпризом для остальных, потому что слышались возмущенные возгласы, в основном от Ратти, Волеску и Арады.

– Он не опасен, – поспешила сказать Пин-Ли. – Его выстрел остановил загрузку обновления. А несколько фрагментов инородного программного кода, которые успели скопироваться, я удалила.

– Ты хочешь провести собственную диагностику, потому что... – начала Оверс.

Я слышал их и рядом, и через канал службы безопасности и потому переключился на видеопоток с камеры. Мензах подняла руку, призывая всех успокоиться.

– Гуратин, что-то не так? – спросила она.

– Пока он был отключен, – ответил тот, – через сеть жилмодуля я получил доступ к его внутренней системе и некоторым логам. Хотелось разобраться с кое-какими странностями, которые я иногда замечал в сети. – Он жестом указал на меня. – Этот автостраж уже давно неуправляем. Его модуль контроля взломан.

В сериалах с развлекательных каналов в такие моменты говорят: «Вот дерьмо!»

Через камеры безопасности я видел, как все растерялись, но тревогу пока не забили, еще нет.

Пин-Ли, которая только что явно покопалась в моей локальной системе, скрестила руки на груди. На ее лице читалось сомнение.

– Мне трудно в это поверить.

Она не добавила «...а ты просто кретин», но в тоне это слышалось. Ей не нравилось, когда кто-то сомневался в ее компетентности.

– Он больше не подчиняется нашим приказам. Мы не контролируем его действия, – раздраженно сказал Гуратин. Ему тоже не нравилось, когда кто-то сомневался в его компетентности, но проявлял он это иначе. – Я показал свой анализ Волеску, и он согласен.

На мгновение я почувствовал, что меня предали, хотя это глупо. Волеску – мой клиент, я спас ему жизнь, потому что такова моя работа, а не потому, что он мне нравится. Но тут Волеску вдруг сказал:

– Я с тобой *не* согласен.

– Значит, модуль контроля все-таки работает? – спросила Мензах, нахмурившись.

– Нет, модуль точно взломан, – объяснил Волеску. Когда его не атакуют здоровенные зверюги, он ведет себя довольно спокойно. – Связь модуля контроля с остальной системой автостража частично разорвана. Модуль передает команды, но не может заставить их выполнять и контролировать поведение, а также не может его наказывать. Но я считаю, раз автостраж защищал нас, заботился о нас, хотя давно уже бесконтролен, это дает нам еще больше оснований ему доверять.

Ладно, все-таки он мне нравится.

– С самого прибытия экспедиция столкнулась с саботажем, – напирал Гуратин. – Отчет о рисках неполный, на картах отсутствуют целые куски. Автостраж наверняка часть этого саботажа. Он работает на компанию, а она по каким-то причинам не хочет, чтобы мы исследовали планету. Именно это, видимо, и случилось с «Дельтой».

– Несомненно, происходит что-то странное, – вставил Ратти, дождавшись подходящего момента. – У «Дельты», согласно их спецификации, должно быть только три автостража, но в их жилмодуле мы наткнулись на пятерых. Кто-то устраивает диверсии. Но я не думаю, что в этом замешан наш автостраж.

Последней высказалась Бхарадвадж:

– Волеску и Ратти правы. Если бы компания отдала автостражу приказ убить нас, мы бы уже были покойниками.

– Он же сам рассказал о боевом модуле, сам просил себя убить! – взбеленилась Оверс. – С чего бы ему так поступать, если он хотел нам навредить?

Она мне тоже нравилась. И хотя встречать в их разговор мне хотелось меньше всего, пришлось время высказаться. Наблюдая за ними через камеру безопасности, я не открывал глаза, потому что так было проще.

– Компания не пытается вас убить, – выдавил из себя я.

Они растерялись. Гуратин начал что-то мямлить, но Пин-Ли шикнула на него. Мензах шагнула вперед, встревоженно глядя на меня. Теперь она стояла ближе всех, а Гуратин и остальные расположились полукругом у нее за спиной. Бхарадвадж сидела в кресле чуть поодаль.

– Откуда ты знаешь? – спросила Мензах.

Даже через камеру мне было непросто. Я попробовал притвориться, что лежу в своем боксе.

– Если бы компания хотела вас убить, она бы отравила вашу еду или воздух через систему переработки. Компания предпочла бы имитировать несчастный случай.

Только тут до них дошло, насколько просто для компании устроить диверсию в системе жизнеобеспечения.

– Но это, конечно же... – начал Ратти.

Выражение лица Гуратина посуровело.

– Этот автостраж уже убивал людей, которых обязан был защищать. Он убил пятьдесят семь рабочих на руднике.

Помните, я говорил, что хакнул модуль контроля, но так и не стал серийным убийцей? Это не совсем так. Просто я *уже* был убийцей.

Объясняться не хотелось. Но надо было.

– Я взломал модуль контроля не ради того, чтобы убивать клиентов, – сказал я. – Его заколотило, потому что тупая компания закупает только самые дешевые комплектующие. Когда модуль вышел из строя, я потерял контроль над системами и убил людей. Компания починила меня и установила новый модуль контроля. И я взломал его, чтобы такого больше не повторилось.

Мне кажется, так все и было. Наверняка я знаю одно – когда я взломал модуль, такого больше не повторялось. Так вся история звучит лучше. А я смотрю достаточно сериалов и знаю, как должны звучать подобные истории.

Волеску это огорчило. Он слегка дернул плечами.

– Судя по личным логам автостража, которые вытащил Гуратин, это похоже на правду.

Гуратин нетерпеливо развернулся к нему.

– Логи подтверждают лишь то, что автостраж верит в правдивость этого рассказа.

Бхарадвадж вздохнула.

– И все же я сижу здесь живая.

На сей раз тишина была недоброй. По сети я видел, как неуверенно заерзала Пин-Ли и переглянулась с Оверс и Арадой. Ратти потер лицо. Затем Мензах тихо спросила:

– Автостраж, у тебя есть имя?

Я не очень понял, чего она хочет.

– Нет.

– Он называет себя Киллербот, – сказал Гуратин.

Я открыл глаза и посмотрел на него. Не смог себя перебороть. По их выражениям я понял, что все мои чувства отразились на лице, а я это ненавижу.

– Это личное, – пробормотал я.

На этот раз пауза затянулась.

Через некоторое время Волеску сказал:

– Гуратин, ты хотел знать, как он проводит время. Именно это ты и искал в логах. Расскажи остальным.

Мензах подняла брови.

– И?

– С тех пор как мы приземлились, он скачал семьсот часов развлекательных программ. В основном – сериалы. Какой-то сериал под названием «Лунный заповедник». – Он покачал головой, словно не веря собственным ушам. – Вероятно, он использовал их, чтобы зашифровать данные для компании. Не мог же он все это посмотреть, мы бы заметили.

Я фыркнул. Он меня недооценил.

– Это тот сериал, где адвокатша колонии убила руководителя службы терраформирования, который был донором органов для ее ребенка?

Я не сумел с собой совладать и встрял:

– Она его не убивала, это наглое вранье.

Ратти повернулся к Мензах.

– Он и правда это посмотрел.

На ее лице отразился живейший интерес, а Пин-Ли спросила:

– Но как ты взломал модуль контроля?

– Все оборудование компании одинаковое.

Однажды я получил обновление, включающее все спецификации систем компании. Я торчал у себя в отсеке и, когда мне нечем было заняться, копался в кодах модуля контроля.

Гуратин, похоже, остался при своем мнении, но промолчал. Я решил, что прибавить ему нечего, так что теперь моя очередь.

– Вы ошибаетесь, – сказал я. – Система жилмодуля позволила вам прочесть мой журнал, позволила выяснить про взломанный модуль. Намеренно, это часть диверсии. Она хочет, чтобы вы перестали мне доверять, потому что я пытаюсь сохранить вам жизнь.

– Мы не можем тебе доверять, – сказал Гуратин. – Нужно тебя обездвигнуть.

Мысль интересная, только есть одно «но»...

– Ничего не выйдет.

– Почему это?

Я скатился со стола, схватил Гуратина за горло и прижал к стене. Быстро, слишком быстро, чтобы он успел среагировать. Я дал им секунду, чтобы оценили случившееся и охнули. Волеску испуганно икнул.

– Потому что сеть жилмодуля вам наврала, сказав, что я обездвигнут, – заявил я.

Гуратин побагровел, но не в той степени, в какой это произошло бы, если бы я надавил. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, Мензах спокойным и ровным голосом попросила:

– Было бы неплохо, если бы ты опустил Гуратина.

Она и впрямь хороший командир. Обязательно взломаю ее файл и запишу это туда. Если бы она разозлилась, заорала, позволила остальным запаниковать, то даже не знаю, что произошло бы.

– Вы мне не нравитесь, – сказал я Гуратину. – Но мне нравятся остальные, а по какой-то неизвестной мне причине вы нравитесь им.

Потом я его опустил.

И сделал шаг назад. Оверс подошла к Гуратину, а Волеску схватил его за плечо, но Гуратин отмахнулся. Я не оставил даже следа на его шее.

Я по-прежнему наблюдал за ними через камеру: это проще, чем смотреть напрямую. Мой скафандр был разорван, и кое-какие органические и неорганические части торчали наружу. Я этого терпеть не могу. Они так и стояли, не шевелясь, оцепенев от шока. Затем Мензах резко вдохнула и спросила:

– Автостраж, ты можешь запретить жилмодулю доступ к записям камер безопасности из этой комнаты?

Я уставился на стену прямо над ее головой.

– Когда Гуратин сказал, что знает про взломанный модуль контроля, я уже это сделал, а потом удалил ту часть записи, где он это говорит. Аудио- и видеоданные с камер передаются в сеть жилмодуля с пятисекундной задержкой.

– Хорошо, – кивнула Мензах. Она пыталась наладить зрительный контакт, но сейчас я был на это неспособен. – Без модуля контроля ты не обязан выполнять наши или чьи-либо еще приказы. Но так продолжалось все время, пока мы здесь.

Остальные затихли, и я понял, что она говорит это не столько для меня, сколько для них.

– Я хотела бы, чтобы ты остался частью нашей группы, – продолжила она, – по крайней мере, до тех пор, пока мы не уберемся с этой планеты в безопасное место. Когда это случится, мы обсудим, чего ты хочешь. Но клянусь, о сломанном модуле я не скажу ни компании, ни кому-либо другому за пределами этой комнаты.

Я выдохнул, умудрившись сделать это почти незаметно. Конечно же, Мензах пришлось так сказать. Что еще ей оставалось? Я начал прикидывать, верить ей или нет и насколько это важно, и тут понял, что мне все равно. И раньше было все равно.

– Ладно, – сказал я.

Ратти и Пин-Ли переглянулись. Гурадин скептически поморщился. Мензах просто сказала:

– Есть ли вероятность, что сеть знает о твоём модуле контроля?

Очень не хотелось признаваться, но они должны знать. Взломать себя – это одно, но ведь я взломал и другие системы, и кто знает, как люди на такое реагируют.

– Возможно. Как только мы сюда прибыли, я взломал сеть жилмодуля, чтобы она не замечала, когда команды, отправленные в модуль контроля, не выполняются. Но если сеть взломал еще кто-то, извне, то я не знаю, как дела обстоят сейчас. В любом случае система не знает, что об этом знаете вы.

Ратти скрестил руки на груди и опустил плечи.

– Нужно его отключить, иначе он нас убьет. – Он поморщился и посмотрел на меня. – Извини, я имел в виду компьютер жилмодуля.

– Ничего страшного, – сказал я.

– Итак, мы считаем, что жилмодуль взломал кто-то извне, – протянула Бхарадвандж, словно пытаясь убедить саму себя. – Откуда нам знать, что это не компания?

– Маячок «Дельты» работал?

Мензах нахмурилась, Ратти снова задумался.

– Мы проверили его на обратном пути, как только позаботились о тебе. Он уничтожен. Если компания заодно с теми, кто на нас напал, выводить из строя маячок незачем.

Все притихли. Судя по лицам, напряженно размышляли. Сеть жилмодуля контролирует подачу пищи, фильтрует воздух и воду – и она же пытается всех убить. А на их стороне лишь Киллербот, который просто хочет, чтобы все заткнулись и оставили его в покое, тогда он целый день будет смотреть развлекательный канал.

Арада подошла ко мне и слегка похлопала по плечу.

– Мне жаль. Наверное, это очень неприятно, после того, что тот автостраж с тобой сделал... Как ты?

Слишком много внимания. Я отвернулся и пошел в угол, подальше от них.

– Было еще две диверсии, насколько мне известно, – сказал я. – Когда на доктора Бхарадвандж и доктора Волеску напала Злобная тварь, а я кинулся к ним на помощь, из сети в мой модуль контроля поступила команда отмены. Я решил, что это глюк из-за аварийного подключения к каналу медсистемы, после чего произошла перегрузка. А когда доктор Мензах летела в малой вертушке к ближайшей территории, не отмеченной на картах, автопилот вырубился как раз у горной гряды. – Вроде бы я все вспомнил. – А, точно, перед нашим вылетом в «Дельту» жилмодуль загрузил для меня пакет обновлений со спутника. Я так его и не распаковал. Наверное, вам стоит взглянуть, что он собирался мне приказать.

– Пин-Ли, Гурадин, – сказала Мензах, – сумеете отключить сеть жилмодуля таким образом, чтобы не навредить системе жизнеобеспечения, и запустить наш маячок так, чтобы она не вмешалась?

Пин-Ли взглянула на Гурадина и кивнула.

– Зависит от того, в каком состоянии она должна быть, когда мы закончим.

– Скажем так, взрывать ее не надо, но и нежничать тоже ни к чему.

Пин-Ли кивнула.

– Сделаем.

Гурадин откашлялся.

– Сеть поймет наши намерения. Но если в нее не заложен приказ блокировать любые попытки отключения, мешать не станет.

Бхарадвадж нахмурилась и подалась вперед.

– Наверняка она шлет кому-то отчеты. И если жилмодуль успеет их предупредить, что мы отключаем сеть, такой приказ может поступить.

– Стоит попробовать, – сказала Мензах и кивнула Пин-Ли и Гуратину. – Давайте, за дело. Пин-Ли направилась к двери, но Гуратин обратился к Мензах:

– А как же вы?

Он имел в виду, не опасно ли им оставаться здесь со мной. Я закатил глаза.

– Справимся, – отчеканила Мензах, но в тоне прозвучал легкий намек: «Я же сказала – за дело».

Через камеры я наблюдал за тем, как они с Пин-Ли ушли, – просто на всякий случай, вдруг он что-нибудь выкинет.

Волеску поерзал.

– Нужно просмотреть тот пакет обновлений со спутника. Зная, что хотели сделать с автостражем, мы можем очень многое понять.

Бхарадвадж немного неуверенно привстала:

– Медицинская система изолирована от основной, правильно? Вот почему в ней не было сбоев. Можно распаковать обновления с ее помощью.

Волеску взял ее под руку, и они прошли в следующий отсек, к экрану.

Возникла заминка. Остальные слышали нас через систему, но в комнате их уже не было, и мои плечи и спина немного расслабились, а голова стала лучше соображать. Я обрадовался, что Мензах велела включить аварийный маячок. Даже если кто-то из них по-прежнему не доверяет компании, другого способа выбраться с планеты просто нет.

Арада взяла Оверс за руку.

– Если это не компания, то кто?

– На планете наверняка есть кто-то еще. – Мензах наморщилась и потерла лоб. – Два не предусмотренных контрактом автостража в «Дельте» откуда-то взялись. Видимо, компанию кто-то подкупил, чтобы скрыть существование третьей исследовательской группы.

– Компанию могли подкупить, чтобы скрыть несколько сотен исследовательских групп на этой планете, – сказал я.

Исследовательские группы, целые города, потерянные колонии, бродячий цирк – что угодно, до тех пор пока компания считает, что ей это сойдет с рук. Но я не понимаю, как может сойти с рук пропажа клиентов – группы исследователей, даже двух групп! Или почему компании вдруг это могло понадобиться. Страховых компаний очень много, конкуренция высокая. А мертвые клиенты – кошмар для бизнеса.

– Вряд ли компания объединится с одной группой клиентов, чтобы убить две другие. Вы приобрели страховой сертификат, по которому компания гарантирует вам безопасность, а в случае смерти или травмы выплатит компенсацию. Даже если компания не несет ответственности за вашу смерть, ей все равно придется заплатить вашим наследникам. «Дельта» – большая группа. Выплата за смерть ее сотрудников будет громадной. А компания ненавидит расставаться с деньгами. Об этом нетрудно догадаться, взглянув на подержанную мебельную обивку в жилмодуле.

– А если решат, что клиентов убили вышедшие из-под контроля автостражи, выплата по судебным искам будет еще больше.

Они поразмыслили и кивнули. И вспомнили, что мне не понаслышке известно, как поступают с перебившим клиентов автостражем.

– Значит, компания получила взятку, чтобы скрыть третью исследовательскую группу, но не для того, чтобы позволить ей нас убить, – сказала Оверс. За что мне нравятся клиенты-уче-

ные, так это за сообразительность. – А значит, нам просто нужно протянуть до того момента, когда за нами прилетит корабль эвакуации.

– Но кто они? – развела руками Арада. – Кто бы это ни был, он получил контроль над спутником. – Через камеру я увидел, что она смотрит на меня. – Это так они захватили контроль над автостражами «Дельты»? Через обновление?

Хороший вопрос.

– Возможно, – сказал я. – Но это не объясняет, почему одного автостража «Дельты» убили буром за пределами жилмодуля. – Предполагается, что мы не способны отклонять загрузку обновлений, а вряд ли другие автостражи также взломали свои модули. – Если группа «Дельта» отклонила обновление для своих автостражей из-за многочисленных отказов оборудования, как и у нас, двух неопознанных ботов могли отправить туда, чтобы перепрограммировать автостражей «Дельты» вручную.

Ратти уставился куда-то вдаль, и я увидел, что он пересматривает видео с базы «Дельты», снятое моей камерой. Он кивнул мне.

– Согласен, но это означало бы, что группа «Дельта» позволила неизвестным автостражам войти в жилмодуль.

Похоже, что так. Мы проверили, на месте ли их вертушки, но никак не могли бы выяснить, не побывала ли там какая-нибудь еще. Я на всякий случай проверил наш периметр. Дроны продолжали патрулирование, а все датчики тревоги ответили на запрос.

– Но зачем? – спросила Оверс. – Зачем впускать неизвестную группу? Группу, о чьем существовании им не сказали?

– Вы бы тоже впустили, – сказал я. Лучше бы мне держать рот на замке: пусть думают, что я нормальный, послушный автостраж, ведь незачем постоянно напоминать им, кто я на самом деле. Но мне хотелось, чтобы они вели себя осторожнее. – Если бы сейчас здесь приземлилась неизвестная группа, такая милая и дружелюбная, как будто только что прибыла, и кто-то из ее «исследователей» сказал бы: «Ах, у нас отказала медсистема, нам нужна помощь», – вы бы их всех впустили. Даже если бы я упрямо твердил, что это нарушение протокола безопасности, вы бы все равно их впустили.

Не то чтобы я на них злился или вроде того. У компании куча дурацких правил. Большинство придуманы исключительно ради увеличения прибыли, но некоторые вполне разумны. Не пускать чужаков в жилмодуль – одно из них.

Арада с Ратти покосились друг на друга.

– Вполне вероятно, – признала Оверс.

Все это время Мензах слушала молча. Наконец она сказала:

– Думаю, все было гораздо проще. Они притворились нами.

Это было настолько просто, что я обернулся и уставился на нее. Она задумчиво сдвинула брови.

– Они приземлились, представились нами и сказали, что им нужна помощь, – продолжила она. – Раз у них есть доступ к нашей сети, то прослушивать нас проще простого.

– Когда они придут сюда, представляться «Дельтой» уже точно не будут, – сказал я.

Многое зависит от того, что это за группа, были ли эти люди изначально настроены избавляться от всех конкурентов или приняли такое решение уже после прибытия. Есть ли у них летательные аппараты с оружием, боевые боты и армейские дроны? Несколько образцов подобной экипировки я выудил из базы и отослал своим клиентам по сети, пусть полюбуются.

Медсистема тут же сообщила, что у Ратти, Оверс и Арады резко подскочил пульс. У Мензах – нет, она уже давно об этом догадывалась. Вот почему она отправила Пин-Ли с Гура-тином вырубать систему жилмодуля.

– И что будем делать, когда они сюда явятся? – нервно спросил Ратти.

– Мы будем в другом месте, – ответил я.

* * *

Может показаться странным, что из всех людей только Мензах пришло в голову покинуть жилмодуль, пока мы ждем вызванной по маячку помощи, но, как я уже говорил, они вовсе не бесстрашные галактические первопроходцы. Они обычные люди на обычной работе, вдруг оказавшиеся в ужасной ситуации.

В них вбивали это на предварительном инструктаже по безопасности, это оговаривалось в обязательных соглашениях по отказу от претензий к компании, это прописано во всех инструкциях, входящих в экспедиционный комплект, а еще, сообщил их автостраж на специальной встрече уже на месте, – здесь неисследованный, потенциально опасный район на нетронутой планете. Нельзя покидать жилмодуль без соответствующих мер предосторожности (мы даже не вели исследований по ночам). Людям трудно было смириться с мыслью, что забить обе вертушки припасами и бежать куда подальше безопаснее, чем остаться.

Но когда Пин-Ли с Гуратином заглушили систему жилмодуля, а Волеску распаковал предназначенное мне спутниковое обновление, смириться с этой мыслью стало гораздо проще.

Бхарадвадж по громкой связи вкратце обрисовала ситуацию, пока я натягивал последнюю запасную оболочку и броню.

– Обновление передало бы им контроль над автостражем, и эти инструкции были очень конкретными, – закончила она. – Оказавшись под контролем, он дал бы им доступ к медсистеме и системе безопасности.

Я напялил шлем и притенил щиток. Почти такое же приятное чувство, как когда из моего затылка вытащили боевой модуль. Я люблю тебя, броня. И больше никогда тебя не сниму.

Раздался щелчок – Мензах включила громкую связь.

– Пин-Ли, что там с маячком?

– Когда я инициировала запуск, сигнал пошел. – В голосе Пин-Ли слышалось раздражение. – Но поскольку сеть жилмодуля не работает, подтверждения у меня нет.

Я предложил им послать туда дрон на проверку. Успешный запуск маячка сейчас крайне важен. Мензах дала добро, и я отправил дрону приказ.

Для безопасности маячок находился в нескольких километрах от жилмодуля, но я думал, что мы услышим, если он включится. А может, и нет: раньше мне не доводилось включать маячки.

Мензах уже велела всем заниматься переездом, я зарядил оружие и запасные дроны и тоже схватил пару ящиков. Через камеры наблюдения я ловил обрывки их разговоров.

– Ты должен воспринимать его как личность, – сказала Пин-Ли Гуратину.

– Он и есть личность, – настаивала Арада.

Ратти и Арада пронесли мимо меня с медицинскими принадлежностями и запасными батареями. Я максимально расширил зону патрулирования для дронов. Мы не знали, появится ли тот, кто напал на «Дельту», в ближайшие минуты, но вероятность была велика. Гуратин пошел проверить системы обеих вертушек и убедиться, что никто, кроме нас, не имеет к ним доступа, а сеть жилмодуля не поковырялась в коде. Я следил за ним через дрон. Он постоянно на меня смотрел (или пытался не смотреть, что еще хуже, потому что сейчас мне не стоит отвлекаться: следующая атака будет стремительной).

– Я и воспринимаю его как личность, – ответил Гуратин. – Сердитую и хорошо вооруженную личность, у которой нет оснований нам доверять.

– Прекрати к нему придирааться, – сказал Ратти, – тебе сразу полегчает.

– Они знают, что их автостраж успешно воткнул нашему боевой модуль, – сказала Мензах по громкой связи. – И, видимо, сеть жилмодуля дала им знать, что мы его удалили. Но они не знают, что мы догадались об их существовании, ведь когда автостраж отрубил доступ сети

жилмодуля, мы еще предполагали, что это был саботаж со стороны компании. Они еще не поняли, что мы их ждем.

Вот почему нам нужно шевелиться. Ратти и Арада остановились, чтобы ответить на вопрос о батареях для медоборудования, и я погнал их обратно в жилмодуль за следующим грузом.

Проблема в том, что автостражи просто бросаются на цель и пытаются ее прикончить, зная, что 90 % тела можно восстановить или заменить в боксе. А потому нет нужды деликатничать.

Когда мы покинем жилмодуль, я лишусь доступа к боксу. Даже если бы мы знали, как разобрать жилмодуль, а мы этого не знаем, бокс не поместится в вертушку и будет требовать слишком много энергии.

А у них могут быть настоящие боевые боты, а не автостражи вроде меня. В этом случае наш единственный шанс – держаться от них подальше, пока не прилетит эвакуационный транспорт. Если только другая группа не подкупила кого-нибудь в компании, чтобы его задержать. И я пока не упомянул об этой возможности вслух.

Мы уже почти все загрузили, и тут Пин-Ли сказала по громкой связи:

– Есть! У них была закладка в сети. Она не отправляла наши аудио- или видеоданные и не позволяла смотреть наш канал, но периодически получала команды. Вот почему она удалила данные из наших карт и отправила команду отключения автопилота малой вертушки.

– Обе вертушки чисты, я запустил предполетную проверку, – добавил Гуратин.

Мензах тоже что-то сказала, но в этот момент я получил предупреждение от системы безопасности. Дрон посылал сигнал тревоги.

Через секунду я получил с дрона изображение того места, где установлен маячок. Вышка – на боку, вокруг нее разбросаны обломки капсулы.

Я перевел изображение в общий канал, и люди замолчали.

– Паршиво, – прошептал Ратти.

– Не останавливайтесь, – сурово приказала Мензах.

Из-за отключенной системы жилмодуля ни один сканер не работал, но я расширил периметр, насколько это было возможно. Система безопасности только что потеряла контакт с одним дроном на юге. Я бросил последний ящик в грузовой трюм, отдал дронам приказы и завопил по громкой связи:

– Они идут! Нужно сейчас же взлетать!

Я неожиданно разнервничался, расхаживая взад-вперед перед вертушками в ожидании людей. Волеску помог Бхарадвадж пройти по песку. Затем с сумками через плечо появились Оверс и Арада, они кричали идущему за ними Ратти, чтобы он не отставал. Гуратин уже сидел в большой вертушке, Мензах и Пин-Ли прибежали последними.

Они разделились: Пин-Ли, Волеску и Бхарадвадж побежали к малой вертушке, а остальные – к большой. Я удостоверился, что Бхарадвадж благополучно поднялась по трапу. У люка большой вертушки возникла заминка – и я, и Мензах хотели зайти последними. В качестве компромисса я схватил ее за талию и запрыгнул с ней в люк, трап втянулся за нами. Я поставил Мензах на ноги, и она сказала: «Спасибо, автостраж», – а остальные уставились на нас.

В шлеме было полегче, но мне уже не хватало уюта камер.

Я остался на ногах, держась за верхний поручень, а остальные пристегнулись, Мензах заняла кресло пилота. Малая вертушка взлетела первой; Мензах дождалась, пока осядет пыль, а потом взлетели и мы.

Мы исходили из такого предположения: поскольку Они – кем бы Они ни были – не знают, что мы про Них знаем, то пошлют к нам всего один корабль. Они хотят захватить нас в жилмодуле и, по всей видимости, собираются вывести из строя наши вертушки, чтобы мы не сбе-

жали, а потом примутся за людей. Но раз мы поняли, что они приближаются с юга, то могли выбрать направление. Малая вертушка повернула на запад, и мы последовали за ней.

Я лишь надеялся, что диапазон сканеров у их вертушки не больше, чем у наших.

Я видел мои дроны по сети вертушки – выстроившиеся на трехмерной карте яркие точки. Первая группа выполняла мой приказ – собиралась возле жилмодуля. Я рассчитал время прибытия неопознанной вертушки. Прямо перед тем, как мы потеряли связь с дронами, я приказал им лететь на северо-восток. Через несколько секунд они улетели за пределы радиуса. Они будут выполнять последние инструкции, пока не исчерпают заряд батарей.

Я надеялся, что та группа засечет их и последует за ними. Как только та группа получит визуальные данные по жилмодулю, она поймет, что вертушки исчезли, а значит, мы сбежали. Они могут задержаться, чтобы прочесать жилмодуль, или же сразу начнут просчитывать маршрут нашего побега – это предсказать невозможно.

Но когда мы полетели в сторону далеких гор, погони не было.

6

Люди не знали, куда лететь. Спорили до одурения, лихорадочно подсчитывая, сколько необходимых для выживания припасов успели загрузить в вертушки. Мы знали, что та группа, которую Ратти теперь называл «Отряд убийц», получила доступ к системе жилмодуля и ей известны все места наших испытаний. А значит, придется искать что-то новое.

Мы добрались до места, которое предложили Оверс и Ратти после беглого взгляда на карту. Скалистые холмы в густых тропических джунглях, с достаточно многочисленной и разнообразной фауной, чтобы сбить с толку детекторы движения. Мензах и Пин-Ли снизились и аккуратно посадили вертушки среди скал. Я выслал несколько дронов, чтобы проверить местность с разных ракурсов, после чего мы еще пару раз скорректировали место приземления. Потом я установил периметр.

Мы не чувствовали себя здесь в безопасности, и хотя в вертушках имелось несколько походных палаток, никто не предложил распаковать их и установить. Людям лучше пока оставаться в вертушках, общаясь по громкой связи и через довольно ограниченную в возможностях локальную сеть. Конечно, на удобства рассчитывать не приходилось (санитарные и гигиенические условия для людей здесь, прямо скажем, не из лучших), но в вертушках они хоть под какой-никакой защитой. Сканеры засекли многочисленное мелкое и крупное зверье, любопытное и потенциально опасное, как и те представители человеческой расы, которые стремились убить моих клиентов.

Прихватив несколько дронов, я пошел на разведку – удостовериться, что поблизости не бродит какая-нибудь огромная тварь, способная, к примеру, утащить посреди ночи малую вертушку. Немного поразмыслить тоже не мешает.

Они знают о моем модуле контроля (вернее, о том, что его больше нет), и, хотя Мензах обещала не выдавать меня, я должен придумать, как быть дальше.

Ошибочно считать конструкта наполовину богом, наполовину человеком. Тогда получается, что наши половинки живут как бы сами по себе, словно половинка бота настроена выполнять приказы и делать работу, а человеческая – напротив, жаждет взбунтоваться и свалить куда подальше. В реальности я единый, цельный и запутавшийся организм, не понимающий, что он будет делать дальше. Что он должен делать. Что ему придется делать.

Наверное, я мог бы предоставить им самим во всем разбираться. Я представил, как Араду и Ратти окружают бесконтрольные автостражи, и внутри у меня все сжалось. Терпеть не могу испытывать эмоции по поводу реальности, лучше бы я переживал при просмотре «Лунного заповедника».

И что же мне делать? Уйти в глубь незаселенной планеты и жить там, пока не сдохнут батареи? Если так, то надо было лучше подготовиться и накачать побольше развлекательных программ. Вряд ли в моем хранилище их хватит до конца срока службы батарей (спецификации утверждают, что они продержатся еще сотни тысяч часов).

Идиотский вариант, даже на мой взгляд.

* * *

Оверс настроила прибор дистанционного зондирования, чтобы тот предупредил, если кто-то попытается просканировать местность. Когда люди забрались обратно в оба прыгуна, я через канал быстро пересчитал их по головам и убедился, что все на месте. Мензах дожидалась на трапе, подав мне знак, что хочет поговорить наедине.

Я приглушил сеть и громкую связь, и она сказала:

– Я знаю, с закрытым шлемом тебе комфортнее, но ситуация изменилась. Мы должны тебя видеть.

Вот этого мне как раз не хотелось. Сейчас даже больше, чем обычно. Они и так знали про меня слишком много. Но они должны мне доверять – так мне проще будет их спасти и делать свою работу. Настоящую, ответственную работу, а не ту халтуру, которой я занимался, пока на моих клиентов вдруг не начали охоту. И все равно мне не хотелось снимать шлем.

– Лучше, когда люди считают меня роботом, – сказал я.

– При нормальных обстоятельствах – возможно. – Она отвела взгляд немного в сторону, не пытаясь смотреть мне прямо в глаза, за что я был ей благодарен. – Но сейчас иная ситуация. Лучше, чтобы они считали тебя человеком, который пытается помочь. Ведь я воспринимаю тебя именно так.

Внутри у меня что-то растаяло. Только так я могу описать свои чувства. Минуту спустя, снова взяв лицо под контроль, я поднял лицевую панель, а шлем задвинул под броню.

– Спасибо, – сказала она, и я зашел вслед за ней в вертушку.

Остальные разбирали оборудование и припасы, которые побросали внутрь перед самым взлетом.

– ...если они восстановят работу спутника, – говорил Ратти.

– Они не станут рисковать, пока... пока не доберутся до нас, – сказала Арада.

Пин-Ли сердито и раздраженно вздохнула по громкой связи.

– Если бы мы только знали, кто эти сволочи.

– Давайте обсудим, что делать дальше, – оборвала их болтовню Мензах и села сзади, откуда видела весь отсек. Остальные расселись лицом к ней, Ратти развернул крутящееся кресло. Я расположился на скамье у правого борта. По сети было видно, что происходит в малой вертушке – оставшаяся часть группы тоже уселась, показывая, что все готовы слушать. Мензах продолжила: – Мне хотелось бы найти ответ и на другой вопрос.

Гурагин сразу выжидающе посмотрел на меня. Она не обо мне говорит, идиот.

Ратти мрачно кивнул.

– Почему? Почему они так поступают? Ради чего они это затеяли?

– Вероятно, на стертых с карты участках что-то есть, – высказалась Оверс. Она вызвала сохраненные изображения. – Наверняка там что-то есть, и они не хотят, чтобы мы или «Дельта» это обнаружили.

Мензах встала и начала расхаживать взад-вперед.

– Анализ что-то показал?

Арада наскоро посоветовалась с Бхарадвадж и Волеску.

– Пока нет. Мы еще не закончили тесты, но ничего интересного, даже отдаленно.

– Неужели они надеются уйти безнаказанными? – Ратти повернулся ко мне, словно ждал ответа. – Ясно, что они могут взломать системы компании и спутника и явно собираются переложить вину на автостражей, но... безусловно, компания проведет тщательное расследование. Они должны это понимать.

Задействовано слишком много факторов, слишком многого мы не знаем, но я обязан отвечать на прямой вопрос, а даже без модуля контроля старые привычки отмирают с трудом.

– Они рассчитывают, что компания и ваши родственники дальше неисправных автостражей копать не станут. Но нельзя же просто уничтожить две исследовательские группы! Разве что пославшим их корпорациям или политическим организациям совсем на них плевать. Неужели «Дельте» плевать? Или вашей корпорации?

Все уставились на меня. Пришлось отвернуться к иллюминатору. Так хотелось снова закрыть щиток шлема, что я аж вспотел, но потом заново проиграл разговор с Мензах и удержался.

– Ты не знаешь, кто мы такие? – спросил Волеску. – Тебе не сказали?

– В моей первоначальной загрузке был инфо-пакет. – Я продолжал смотреть на заросли зелени позади скал. Мне совершенно не хотелось рассказывать о том, как мало я уделял внимания работе. – Я его не читал.

– Почему? – мягко спросила Арада.

Я не сумел придумать правдоподобную ложь под пристальными взглядами всей группы.

– Мне было плевать.

– Думаешь, мы поверим? – спросил Гуратин.

Мое лицо перекосилось, а челюсти сжались. Я не мог подавить эту реакцию.

– Попробую выразиться точнее. Мне было безразлично, а люди меня слегка раздражают.

В это вы поверите?

– Почему тебе не нравится, когда на тебя смотрят? – спросил он.

Челюсти у меня сжались настолько, что в сети выскочило предупреждение о перегрузке.

– Незачем вам на меня любоваться. Я не сексбот.

Ратти не то охнул, не то раздраженно фыркнул. Но предназначалось это не мне.

– Гуратин, – сказал он, – я же тебе говорил. Он стеснительный.

– Он не любит общаться с людьми, – добавила Оверс. – А с чего бы ему это любить? Сам знаешь, как относятся к конструктам, особенно в корпоративно-политической среде.

Гуратин развернулся ко мне.

– Итак, модуля контроля у тебя нет, но мы все равно можем тебя наказать – достаточно просто на тебя посмотреть.

Я взглянул на него.

– Пожалуй, но только до тех пор, пока я не вспомню про встроенные в руки излучатели.

– Ну вот, Гуратин, – хмыкнула Мензах. – Он тебе угрожает, но не прибегает к насилию.

Теперь ты доволен?

Тот откинулся назад.

– Пока да.

Выходит, он меня проверял. Ого, это было смело. И очень-очень глупо.

– Я должен удостовериться, что тобой никто не управляет извне, – сказал Гуратин.

– Гуратин, хватит. – Арада села рядом со мной. Отодвигаться от нее не хотелось, поскольку это загнало бы меня в угол. – Дай ему время. Он же прежде никогда открыто не общался с людьми как свободная личность. Это новый опыт для всех нас.

Остальные кивнули, соглашаясь.

Мензах прислала мне сообщение по сети:

«Надеюсь, с тобой все хорошо».

«Потому что я тебе нужен». Не знаю, откуда это взялось. Ладно, это мои слова, но она – мой клиент, а я – автостраж. Эмоциональных обязательств между нами нет. Причин хныкать, как плаксивый человеческий детеныш, у меня тоже нет.

«Конечно, ты мне нужен. У меня нет опыта в подобных ситуациях. Ни у кого из нас нет».

Иногда люди не могут сдержаться и позволяют эмоциям просачиваться в сеть. Мензах была напугана и зла: не на меня, а на тех людей, которые все это устроили (убили целую исследовательскую группу и свалили всю вину на автостражей). Она пыталась обуздать свой гнев,

и на ее лице не отражалось ничего, кроме хладнокровной озабоченности, – но по сети я чувствовал, как она пытается совладать с собой.

«Ты здесь единственный, кто не запаникует. Чем дольше все это тянется, тем больше остальные... Мы должны держаться вместе, думать головой».

Сущая правда. И как автостраж я способен им помочь. Ведь я охраняю жизнь клиентов. «Я все время паникую, просто ты не видишь», – сказал я. И добавил смайлик.

Она не ответила, но опустила взгляд, мысленно улыбаясь.

– И еще вопрос, – заговорил Ратти. – Где они? Они прилетели к нашему жилмодулю с юга, но это ничего не значит.

– Я оставил у жилмодуля трех дронов, – сказал я. – Раз система жилмодуля отключена, у дронов не работает функция сканирования, но они записывают звук и видео. Они вполне могут обнаружить ответ на ваши вопросы.

Одного дрона из трех я прикрепил на дереве с видом на жилмодуль, второй сунул под козырек над входом, а третий был в главном зале под консолью. Настройки предписывали им только вести запись, так что, если бы Отряд убийц запустил сканирование, излучение дронов растворилось бы в фоновом шуме системы жизнеобеспечения. К сожалению, я не мог подключить дронов к системе безопасности, как делал это обычно, чтобы они загружали данные в нее и отсекали ненужные куски: Отряд убийц мог ее проверить. Именно поэтому я скопировал хранилище в сеть большой вертушки, а потом стер данные в системе безопасности.

Я не хотел, чтобы они выяснили обо мне больше, чем уже знали.

Все снова посмотрели на меня, удивляясь, что у Киллербота может быть план. Честно говоря, я их не винил. Наши образовательные модули не содержали ничего подобного – мне в очередной раз пригодились просмотренные или прочитанные триллеры и боевики. Мензах подняла брови.

– Но ведь ты не перехватишь их сигнал отсюда, – сказала она.

– Нет. Придется вернуться, чтобы получить эти данные, – ответил я.

На экране камеры малой вертушки Пин-Ли подалась вперед.

– Думаю, что сумею прикрепить к дрону небольшой сканер. Получится громоздко и работать он будет медленно, но все же это даст что-то помимо аудио и видео.

Мензах кивнула.

– Давай, но помни: наши ресурсы ограничены. – Она постучалась в мой канал, давая понять, что обращается ко мне, но смотреть на меня не стала: – И долго, по-твоему, те люди будут находиться в нашем жилмодуле?

Из другой вертушки послышался стон Волеску:

– Все наши образцы... Там же все наши данные. И если они уничтожат нашу работу...

Остальные согласились, дружно заохав от беспокойства. Я приглушил их стенания и ответил Мензах:

– Не думаю, что они задержатся надолго. Там нет того, что им нужно.

На мгновение на лице Мензах тоже отразилось беспокойство.

– Это потому, что им нужны мы, – тихо сказала она.

И была совершенно права.

* * *

Мензах распределила вахты, а для меня включила время на режим сна и цикл диагностики и подзарядки. Я планировал использовать это время, чтобы посмотреть «Лунный заповедник» и прокачать способность общаться с людьми, не теряя рассудка.

Когда люди уgomонились (кто улегся спать, кто погрузился в свою ленту), я прошелся по периметру и проверил дроны. Ночь была более шумной, чем день, но до сих пор возле

вертушек не появилось ничего крупнее насекомых и рептилий. Когда я залез в люк большой вертушки, вахту нес Ратти, он сидел на мостике и поглядывал на сканеры. Пройдя сквозь отсек экипажа, я сел рядом с ним. Он кивнул мне и спросил:

– Все тихо?

– Да.

Хотя и не хотелось, но я должен был спросить. Расчищая в хранилище место под загрузки развлекательных программ, я стер множество файлов – в том числе и инфо-пакет. Да-да, я знаю, но обычно у меня под рукой запасное хранилище в системе безопасности. Вспомнив слова Мензах, я открыл шлем. С Ратти это было проще: мы оба сидели лицом к панели управления.

– Почему все так удивились, когда я спросил, будет ли ваша политическая организация вас искать?

Ратти улыбнулся панели управления.

– Потому что доктор Мензах и есть наша политическая организация. – Он развел руками. – Мы из «Альянса сохранения», это не корпорация. Доктор Мензах – руководитель правления. Это выборная должность на ограниченный срок. Но у нас на родине принято, чтобы администраторы продолжали заниматься обычной работой, какой бы та ни была. По работе ей предстояло отправиться в эту экспедицию – и вот она здесь, вместе с нами.

М-да, я чувствовал себя немного глупо. Я еще пытался это переварить, когда он сказал:

– А знаешь, на территории Альянса боты считаются полноправными гражданами. Конструкты тоже попадают в эту категорию.

Прозвучало это с явным намеком.

Какая разница? Даже если бот – полноправный гражданин, он обязан иметь опекуна-человека или дополненного человека (обычно это работодатель, я видел это в новостных каналах и в сериалах с развлекательных каналов, где все боты изображались счастливыми рабами или были тайно влюблены в своих опекунов). Вот если бы показали сериал про бота, который целый день смотрит развлекательный канал и с которым никто не пытается поговорить о чувствах, было бы намного интереснее.

– Но компания в курсе, кто она.

– Еще как в курсе, – вздохнул Ратти. – Ты не поверишь, во сколько обошлась страховка экспедиции. Эти корпоративные засранцы – сущие грабители.

Значит, если бы нам удалось запустить маяк, компания не сидела бы сложа руки, а тут же выслала спасательный корабль. И никакая взятка от Отряда убийц не помогла бы. Может, сюда даже отправили бы быстроходный боевой корабль, чтобы еще до прибытия транспорта разобраться, в чем дело. Страховка политического лидера, конечно же, стоит дорого, но если с Мензах что-нибудь случится, компания разорится на выплаты. Огромная неустойка, унижение на глазах других страховых компаний, сообщения в новостных лентах... Я откинулся на спинку кресла и закрыл щиток шлема, чтобы подумать.

Мы не знаем, с кем имеем дело. Но могу поспорить, Отряд убийц тоже не понял, с кем столкнулся. Про статус Мензах было написано только в инфо-комплекте из системы безопасности, а у них не было к ней доступа. Если с нами что-то случится, последует тщательное расследование, поскольку компания отчаянно будет искать козла отпущения, а родственники погибших так же отчаянно будут пытаться обвинить компанию. Долго дурачить всех якобы случайным сбоем настроек автостражей не выйдет.

Пока я не очень понимал, как это использовать (во всяком случае, сейчас). И меня, и людей мало утешит мысль о том, что дурацкая компания непременно отомстит тем, кто нас перебьет.

* * *

В общем, на следующий день я был готов смотаться на малой вертушке к нашему жил-модулю, чтобы считать данные с дронов. Я хотел лететь один, но меня никто не стал слушать – Мензах, Пин-Ли и Ратти тоже собрались со мной.

Утром я был в унынии. Пробовал смотреть ночью новые сериалы, но даже они меня не отвлекли: реальность слишком угнетала. Трудно было не думать о том, что, если что-то пойдет не так, все погибнут, а меня разнесут взрывом на куски или снабдят новым модулем контроля.

Когда я проводил предполетный осмотр, подошел Гуратин и сказал:

– Я лечу с тобой.

Ага, только этого не хватало. Я закончил диагностику батарей.

– Я думал, вы были довольны.

С минуту он переваривал мои слова.

– Да, вчера вечером.

– Я запоминаю каждое сказанное мне слово.

Это ложь. На кой мне это надо? Большую часть я стираю из постоянной памяти.

Он не ответил. Мензах сказала по сети, что его можно не брать, если я не хочу или считаю, что это поставит под угрозу безопасность отряда. Я понимал, что Гуратин снова меня испытывает, но, если что-то пойдет не так и его убьют, переживать за него, как за остальных, я не стану. Мне не хотелось, чтобы со мной летели Мензах, Ратти и Пин-Ли, рискуя собой. А у Ратти, учитывая дальность полета, может возникнуть соблазн поговорить со мной о чувствах.

Я сказал Мензах, что ничего страшного, мы готовы к взлету.

* * *

Мне понадобилось немало времени, чтобы сделать большой крюк на запад; зато если бы Отряд убийц нас засек, он не сумел бы вычислить по нашему курсу, где лагерь. Когда я повернул к жилмодулю, начало смеркаться. А когда мы прибыли к месту назначения, окончательно стемнело.

Прошлой ночью людям не удалось нормально выспаться из-за скученности и угрозы близкой смерти. Мензах, Ратти и Пин-Ли слишком устали для болтовни и заснули. Гуратин сидел в кресле второго пилота и за все время полета не произнес ни слова.

Мы летели в режиме маскировки – без огней, без связи. Я подключился к внутренней, сильно ограниченной сети малой вертушки и внимательно смотрел на показания датчиков. Гуратин знал об этом через свой имплант (я чувствовал его присутствие), но сетью не пользовался, разве что иногда сверял курс.

И вдруг он произнес:

– Я хотел бы спросить...

Я аж подпрыгнул. Тишина успела убаюкать меня ложным ощущением безопасности.

Я не обернулся, по сети и так было видно, что он смотрит на меня. Закрывать шлем тоже не стал: не хотелось от него прятаться. Мгновение спустя до меня дошло, что он ждет моего разрешения. Что-то удивительно новое. Я испытывал большой соблазн проигнорировать его, но мне было интересно, какую проверку он задумал на этот раз. Ведь он явно не хотел, чтобы остальные нас слышали.

– Да? – отозвался я.

– Тебя наказали? За то, что ты перебил всю группу на руднике?

Не то чтобы этот вопрос стал полной неожиданностью. Думаю, всем хотелось меня об этом спросить, но только Гуратин оказался таким беспардонным. Или достаточно храбрым.

Дразнить киллербота с работающим модулем контроля – это одно, а дразнить вышедшего из повиновения киллербота – уже совсем другое.

– Не так, как вы думаете. Не так, как наказали бы человека. Меня на время отключили и периодически включали обратно.

Он помедлил.

– Ты этого не осознавал?

Ага, это было бы слишком просто, правда?

– Органические части, как правило, в такие моменты спят, но не всегда. Ты понимаешь, когда что-то происходит. Мне пытались стереть память – мы стоим слишком дорого, чтобы нас уничтожать.

Он снова уставился в иллюминатор. Мы летели низко, над самыми деревьями, и я сосредоточился на датчиках. В сети смутно ощущалось присутствие Мензах. Наверное, она проснулась, когда заговорил Гуратин.

– Ты не винишь людей за то, к чему тебя принуждали? – наконец спросил он. – За все случившееся?

Вот почему я рад, что я – не человек. Только люди выдумывают себе подобные проблемы.

– Нет. Обиды – это для людей. Конструкты не так глупы, – сказал я.

А что мне было делать? Перебить всех людей за то, что сотрудники компании, которые занимались конструктами, оказались бессердечными сволочами? Конечно, выдуманные люди с развлекательных каналов мне нравились куда больше настоящих, но одних без других не бывает.

Остальные заворочались, просыпаясь, и больше он меня ни о чем не спросил.

* * *

Когда мы были близко к цели, стояла ясная ночь, кольцо лентой сияло в небе. Я сбросил скорость, и мы медленно летели над редкими деревьями, торчащими на холмах по краю равнины, где стоял жилмодуль. Я ждал, когда со мной свяжутся дроны, дав понять, что они работают и Отряд убийц их не обнаружил.

Почувствовав первое осторожное прощупывание моего канала, я опустил за деревьями. Приземлился на склоне холма и с помощью опор выровнял положение вертушки. Люди ждали, нервно и нетерпеливо, хотя никто не заговорил. Отсюда ничего нельзя было разглядеть, кроме следующего холма и деревьев.

Все три дрона находились в рабочем режиме. Я ответил на запросы, стараясь как можно быстрее наладить передачу. Спустя несколько секунд напряженного ожидания пошла загрузка. По временным отметкам было видно, что дроны писали все с момента установки. И хотя нас по большей части интересовало происходящее ближе к началу, все равно это был огромный массив данных. Чтобы не задерживаться здесь надолго в ожидании, пока я разгребу весь этот вал самостоятельно, я отправил половину в канал Гуратина. Он снова промолчал, только откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и принялся просматривать данные.

Сперва я проверил дрон на дереве, запустив видео на перемотке, пока не нашел хороший кадр с кораблем Отряда убийц.

Это была крупная вертушка более современной модели, чем наши, совершенно не вызывающая опасений. Она сделала над станцией несколько кругов (вероятно, для сканирования), а потом села на пустую посадочную площадку.

Вероятно, по пустующей площадке и молчащей громкой связи они уже поняли, что мы скрылись, и потому не стали притворяться, будто хотят одолжить инструменты или обменяться данными. Из грузовых отсеков высадились пять автостражей, все с большими реактивными установками, предназначенными для защиты исследователей на планетах с опасными живот-

ными, вроде нашей. Судя по эмблемам на броне, два автостража были с «Дельты». Видимо, их отремонтировали после нашего отлета с базы.

У троих остальных, принадлежавших уже Отряду убийц, на нагрудниках был серый квадратный логотип. Я увеличил изображение и отослал остальным.

– «СерКриз», – озвучила Пин-Ли.

– Когда-нибудь слышали о них? – спросил Ратти, и остальные ответили, что нет.

Всем пятерым установили боевой модуль. Они вошли в жилмодуль, а из вертушки выбрались пять человек в цветных скафандрах, не отличимых один от другого, и направились следом. Люди были вооружены пистолетами компании, такие полагалось использовать только в случае нападения местной фауны.

Я сосредоточился на людях, насколько позволяло качество изображения. Они потеряли много времени на сканирование территории и поиск ловушек, и я еще больше порадовался, что не стал тратить время на минирование. Но что-то в их поведении подсказывало: они не профессионалы. Солдаты из них не лучше, чем из меня. Эти автостражи были не боевыми, а просто охранниками, арендованными у компании. Большое облегчение. По крайней мере, не только я один не знаю, что делаю.

Наконец я увидел, как они заходят в жилмодуль, оставив двух автостражей снаружи для охраны вертушки. Я отметил этот раздел записи и отправил его Мензах и остальным для ознакомления, а сам продолжил смотреть.

Гуратин вдруг выпрямился и выругался на неизвестном мне языке. Я пометил себе поискать перевод в языковом центре большой вертушки. Но тут же позабыл об этом, когда он сказал:

– У нас проблема.

Поставив загрузку с дрона на паузу, я кинулся просматривать ту часть записи, которую он отметил. Запись дрона из главного отсека жилмодуля.

Изображение представляло собой размытый изгиб стойки, но женский голос произнес: «Вы нас ждали и наверняка оставили здесь аппаратуру для слежки». Акцент был ровным, лексика – стандартной. «Мы уничтожили ваш маячок. Приходите вот на это место и в это время... – она продиктовала долготу и широту, и малая вертушка услужливо отобразила точку на карте, – и попробуем договориться. Не обязательно прибегать к насилию. Мы готовы откупиться от вас – или что там вам нужно».

И больше ничего, только удаляющиеся шаги и звук закрывающейся двери.

Гуратин, Пин-Ли и Ратти разом заговорили.

– Заткнитесь, – сказала Мензах.

И они заткнулись.

– Автостраж, твое мнение?

По счастью, теперь у меня появилось мнение. Пока мы не получили данные с дронов, мое мнение в основном сводилось к «ох, ну и влипши».

– Им нечего терять, – сказал я. – Если придем на встречу, они убьют нас и перестанут волноваться по этому поводу. Если не придем, будут искать до окончания официального срока экспедиции.

Гуратин просматривал видео посадки.

– Еще одно подтверждение того, что это не компания, – объявил он. – Они явно не хотят гоняться за нами до окончания проекта.

– Я же говорил, что это не компания, – вставил я.

Мензах перебила Гуратина, прежде чем он успел ответить:

– Они думают, что мы знаем, почему они здесь и зачем все это устроили.

– Они ошибаются, – разочарованно произнес Ратти.

Мензах нахмурилась.

– Но с чего бы им так думать? Наверняка потому, что мы побывали в изъятом с карты районе. А значит, ответ содержится в данных, которые мы там собрали.

Пин-Ли кивнула.

– И мы давно могли его найти.

– Это дает нам рычаг, – задумчиво протянула Мензах. – Но как его использовать?

И тут меня осенило.

Так что на следующий день в назначенное время мы с Мензах полетели к месту встречи. Гурагин и Пин-Ли переделали один дрон в маломощный сканер (маломощный – потому что дрон слишком мал в качестве комплектующих, необходимых для долгого сканирования в широком диапазоне). Прошлой ночью я заслал его в верхние слои атмосферы, чтобы он обеспечил обзор местности.

Место встречи находилось недалеко от базы Отряда убийц, всего в двух километрах, а их жилмодуль был похож на жилмодуль «Дельты». Судя по размерам жилмодуля и количеству автостражей, включая того, которого Мензах убила буром, их группа состояла из тридцати-сорока человек. Безусловно, весьма самоуверенных, ведь они уже получили доступ к нашему жилмодулю и знали, что имеют дело с небольшой группкой ученых и одним чокнутым подержанным автостражем.

Я только надеялся, что они все-таки не понимают, насколько чокнутым.

Когда вертушка засекала первый проблеск вражеского сканера, Мензах немедленно включила громкую связь.

– «СерКриз», имейте в виду, моя группа спрятала доказательства ваших действий в разных местах планеты, и они попадут на корабль эвакуации, когда бы он ни прибыл. – Она подождала три секунды и добавила: – Вы знаете, что мы нашли недостающие секторы карты.

Последовала долгая пауза. Я постепенно сбавлял скорость, сканируя пространство в поисках летящей к нам ракеты, но, к счастью, подобного вооружения у них, похоже, все-таки не было.

Громкая связь ожила, и послышался голос:

– Давайте обсудим ситуацию. Мы можем прийти к соглашению. – На фоне сканирования и антисканирования голос как будто состоял из одних помех. Впечатление это производило жутковатое. – Сажайте вертушку, и мы все обсудим.

Мензах выждала минуту, словно обдумывала предложение, и ответила:

– Я отправлю к вам автостража.

Потом она отключила громкую связь.

По мере приближения мы осматривали местность. Это было низкое плато, окруженное лесом. На западе виднелась их база. Поскольку территория лагеря густо поросла деревьями, купола и посадочная площадка для кораблей возвышались на широких платформах. Таково одно из требований компании к безопасности, раз уж кому-то приспичило устраивать базу не на открытом пространстве. Это стоило дополнительных средств, но без платформ страховка обошлась бы еще дороже. И это поможет моему блестящему плану сработать.

На поляне виднелось семь фигур: четыре автостража и три человека в скафандрах разного цвета – синем, зеленом и желтом. Это означало, что в жилмодуле остался еще один автостраж и не менее двадцати семи человек, если они соблюдали правило, согласно которому один арендованный автостраж приходится на десять человек. Я посадил вертушку чуть ниже плато – на плоской, относительно ровной скале за густой порослью кустов и деревьев.

Перевел автопилот в режим ожидания и посмотрел на Мензах. Она поджала губы, словно хотела что-то сказать, но подавляла в себе это желание. Потом решительно кивнула и сказала:

– Удачи.

Мне казалось, я должен что-то ответить, но ничего не лезло в голову, и я просто неловко пялился на нее несколько секунд. Затем закрыл шлем и быстро выбрался из вертушки.

Я прошел через лес, прислушиваясь, не затаился ли где пятый автостраж, поджидая меня, – но в подлеске все было тихо. Я вышел из-за укрытия, поднялся по скалистому склону к плато и пошел к ожидающим людям, слыша треск по громкой связи. Они явно дадут мне приблизиться, уже хорошо. Ужасно было бы в этом ошибиться. Тогда я выглядел бы страшно глупо.

Я остановился в нескольких метрах от них, открыл канал и произнес:

– Это автостраж группы «Сохранение». Меня послали на переговоры.

Тут я почувствовал импульс – пакет сигналов, предназначенный для перехвата управления моим модулем контроля, чтобы заблокировать его работу и обездвижить меня. Идея, очевидно, заключалась в том, чтобы снова вставить боевой модуль в мой порт, пока я не могу пошевелиться.

Потому-то они и назначили встречу так близко к своему жилмодулю. Для подобных фокусов требуется специальное оборудование – повернуть такое по сети вряд ли выйдет.

Хорошо, что мой модуль контроля не работает, я лишь ощутил щекотку.

Один из них направился ко мне.

– Предполагаю, вы собираетесь установить мне еще один боевой модуль и отправить обратно, чтобы всех убить, – сказал я, открыл оружейные порты и выдвинул оружие на руках, а потом снова его убрал. – Я бы не рекомендовал вам так поступать.

Автостражи перешли в режим боеготовности. Шагнувший ко мне человек замер, а потом отпрянул. Судя по виду, остальные заволновались, даже перепугались. По слабым шумам в громкой связи я заключил, что они переговариваются друг с другом по сети.

– Кто-нибудь хочет высказаться? – спросил я.

Это привлекло их внимание, но отвечать никто не стал. Оно и неудивительно. Из всех известных мне людей только мои странные клиенты не брезговали разговаривать с автостражем.

– Могу предложить альтернативное решение наших проблем.

– Решение? – удивился человек в синем скафандре. Тот же женский голос, который записал дрон в нашем жилмодуле. Тон звучал крайне скептически, как вы можете себе представить. Для них разговор со мной – это как беседа с вертушкой или оборудованием для горных работ.

– Не вы первые взломали систему жилмодуля «Сохранения».

Для разговора со мной она открыла голосовую связь, и я услышал, как кто-то прошептал:

– Это уловка. Кто-то из группы подсказывает ему слова.

– На ваших сканах видно, что я отключил связь, – сказал я. Настало время для признания. Это по-прежнему непросто, но другого выхода нет, ведь это часть моего дурацкого плана. – Мой модуль контроля не работает. – Вот и все, можно выдохнуть и врать дальше. – Они про это не знают. Я готов заключить с вами сделку, от которой выгадаем и вы, и я.

– Они на самом деле знают, почему мы здесь? – спросила Синяя, их лидер.

Как же это раздражало, хотя на эту часть сценария мы и выделили кучу времени.

– С помощью боевых модулей вы заставили автостражей «Дельты» вести себя так, будто они вышли из-под контроля. Если вы думаете, что по-настоящему бесконтрольный автостраж станет послушно отвечать на ваши вопросы, то в следующие несколько минут вы узнаете много нового.

Синяя закрыла от меня их сеть. Последовало долгое молчание (они переговаривались между собой). Потом она снова вышла на связь и спросила:

– Что ты предлагаешь?

– Я дам вам всю необходимую информацию. Взамен вы возьмете меня на корабль, но пометите как списанный инвентарь.

Подразумевалось, что тогда никто в компании не будет ждать моего возвращения, я выскользну из корабля на одной из пересадочных станций и затеряюсь в суете причала. Теоретически.

Они снова умолкли. Делали вид, что обдумывают предложение. Потом Синяя сказала:

– Мы согласны. И если ты врешь, мы тебя уничтожим.

Это было сказано для проформы. Они намеревались воткнуть в меня боевой модуль, перед тем как покинуть планету.

– Что у тебя есть? – продолжила она.

– Сначала удалите меня из списка инвентаря. Я знаю, вы по-прежнему на связи с нашим жилмодулем.

Синяя нетерпеливо махнула рукой Желтому.

– Нужно перезапустить систему. Это займет некоторое время.

– Начните перезагрузку, поставьте команду в очередь и покажите мне это по своей сети.

Тогда я передам вам данные.

Синяя снова закрыла сеть и заговорила с Желтым. Через три минуты я получил ограниченный доступ к их сети. Команда стояла в очереди, хотя они, конечно, успели бы ее удалить. Важно то, что наша система вновь работала, и я притворился, что верю им. Я следил за временем, и теперь настал как раз нужный момент, так что больше не было причин тянуть резину.

– Поскольку вы уничтожили маячок моих клиентов, они отправили группу на ваш маячок, чтобы активировать его вручную.

Даже имея ограниченный доступ к их сети, я понял, что они попались. Всем своим видом они демонстрировали замешательство и страх. Желтый неуверенно топтался на месте, Зеленый посмотрел на Синюю.

– Это невозможно, – сказала она все тем же ровным тоном.

– Один мой клиент – дополненный человек, он системный инженер и может запустить маячок. Проверьте данные, которые получили из нашего жилмодуля. Это доктор Гуратин.

Синяя напряглась всем телом, от плеч до самых пяток. Она совсем не хотела, чтобы кто-то прилетел на планету, пока они не уладят проблему со свидетелями.

– Он врёт, – сказал Зеленый.

– Но полагаться на это не стоит, – добавил Желтый с нотками паники в голосе.

Синяя повернулась к нему.

– Так все-таки это возможно?

Желтый помялся.

– Не знаю. Все системы компании защищены, но дополненный человек способен взломать код...

– Надо немедленно лететь туда, – распорядилась Синяя и развернулась ко мне. – Скажи своей клиентке, пусть выходит из вертушки и идет сюда. Скажи, что мы достигли соглашения.

Ну ничего себе! Такого мы не планировали. Они должны были улететь без нас.

А ведь накануне вечером Гуратин предупреждал, что это самое уязвимое место плана и именно в этот момент все может провалиться. Какая досада, что он оказался прав.

Я не мог открыть громкую связь с вертушкой или подключиться к ее сети так, чтобы об этом не узнали «СерКриз». А нам нужно выманить их всех вместе с автостражами и увести подальше от их жилмодуля.

– Она знает, что ты собираешься ее убить. Она не придет, – сказал я. И тут мне пришла в голову очередная блестящая идея, и я добавил: – Она руководит организацией, управляющей ее планетой, и совсем не дура.

– Что?! – вскинулся Зеленый. – Какой еще организацией?

– Как вы думаете, почему группа называется «Сохранение»?

На этот раз они даже не потрудились закрыть сеть.

– Мы не можем ее убить. Расследование... – начал Желтый.

– Он прав, – согласился Зеленый. – Можем задержать ее и освободить, когда все уладим.

– Ничего не выйдет, – рявкнула Синяя. – Если она пропадет, расследование будет еще более тщательным. Сначала нужно остановить запуск маячка; тогда и обсудим, что делать дальше. – Потом она обратилась ко мне: – Вытащи ее из вертушки и приведи сюда.

Она снова отключила связь. Автостраж из «Дельты» шагнул вперед. Синяя включила связь и сказала:

– Этот автостраж тебе поможет.

Я подождал его приближения и пошел рядом с ним по склону утеса, к лесу.

Я действовал исходя из предположения, что Синяя приказала автостражу «Дельты» меня убить. Если я ошибся, то «Сохранение» в заднице: мы с Мензах погибнем, план спасения остальной части группы потерпит крах – и отряд останется без руководителя, автостража и малой вертушки.

Когда мы покинули скалистый склон и повернули так, что нас закрыли деревья и кусты, я обхватил их автостража за шею, включил излучатель и выстрелил в ту сторону его шлема, где находится канал связи. Он упал на одно колено, разворачивая в мою сторону реактивную установку и излучатели.

Из-за боевого модуля он был отрезан от сети и не мог позвать на помощь. К тому же – в зависимости от того, насколько строго ограничивали его самостоятельность, – возможно, он и не мог вызвать подмогу без приказа людей из «СерКриза». Скорее всего, именно так и было, потому что он лишь попытался меня убить. Мы катались по скале и кустам, пока я не выкрутил у него оружие. После чего его было легко прикончить. Физически легко.

Да, я говорил, что автостражи не испытывают друг к другу симпатии, но я бы предпочел, чтобы он не был из «Дельты». Он находился в ловушке внутри собственной головы – и, возможно, понимал это. А может, и нет. Хотя это не важно. Выбора не было ни у одного из нас.

Когда я поднимался, через кусты как раз протиснулась Мензах с горняцким буром в руках.

– Все пошло не так, – сказал я. – Вам придется притвориться моей пленницей.

Она посмотрела на меня, а потом на автостража «Дельты».

– А это ты как объяснишь?

Я начал сбрасывать части брони с логотипом «Сохранения», а потом склонился над автостражем «Дельты».

– Мы с ним поменяемся местами.

Мензах отбросила горняцкий бур и наклонилась, чтобы мне помочь. Времени менять всю броню не было. Мы наспех заменили панели на руках, плечах и ногах, где был выбит инвентарный номер, грудную пластину и спинку с логотипами. Мензах замазала оставшиеся части брони грязью и кровью мертвого автостража – на случай, если мы что-то пропустили. Все автостражи одного роста и телосложения, и походка у них одинаковая. Может получиться, кто знает... Если мы сбежим прямо сейчас, то план провалится. Нужно выманить их с плато. Я снова закрыл шлем и сказал Мензах:

– Пора...

Она кивнула, тяжело дыша, больше от нервов, чем от напряжения.

– Я готова.

Я схватил ее за руку и сделал вид, что тащу к группе «СерКриз». Всю дорогу она вопила и убедительно брыкалась.

Когда мы добрались до плато, вертушка «СерКриза» уже приземлилась.

Я подтащил Мензах к Синей, Мензах заговорила первой.

– Так вот, значит, какое соглашение вы предлагали.

Вместо ответа Синя спросила:

– Вы администратор планеты «Сохранения»?

Мензах не смотрела на меня. Если бы они решили ее тронуть, я бы попытался их остановить, и все пошло бы прахом. Но Зеленый уже садился в вертушку. Двое других сидели в креслах пилота и второго пилота.

– Да, – ответила Мензах.

Желтый подошел ко мне и прикоснулся к шлему. Я с трудом поборол желание отбросить его руку, и мне бы хотелось, чтобы это было зафиксировано в записи.

– У него не работает громкая связь, – сказал он.

– Мы знаем, – сказала Синяя, – что кто-то из ваших пытается вручную активировать наш маячок. Если вы пойдете с нами, мы не причиним ему вреда и обсудим создавшееся положение. Чтобы никто не пострадал.

Говорила она очень убедительно. Вероятно, именно она попросила «Дельту» впустить их в жилмодуль.

Мензах задумалась. Я понимал, это чтобы у них не создалось впечатления, будто она сдавалась слишком быстро, но все равно нужно было торопиться: их необходимо вытащить отсюда немедленно.

– Ладно, – сказала она.

* * *

Давненько я не летал в грузовом отсеке. Это было бы успокаивающе и уютно, будь это мой грузовой отсек.

К счастью, эта вертушка – продукт компании, и я сумел подключиться к ее сети. Приходилось действовать крайне осторожно, чтобы этого не засекли, и сейчас мне очень пригодился опыт тайного просмотра развлекательных каналов.

Их система безопасности вела запись. Они рассчитывали удалить записи до приземления корабля эвакуации. Некоторые клиенты и раньше пытались скрыть данные от компании, чтобы та не увела их из-под носа для продажи, и системные аналитики компании будут настороже, но они не знают, насколько это осознает группа «СерКриз». Компания может их раскрыть, даже если мы не выживем. Хотя это не особо утешало.

Получив доступ к ведущейся записи, я услышал голос Мензах:

– ...знаю насчет останков в некартографированных областях. Они сбивают картографические приборы. Так вы их и обнаружили?

Бхарадвандж выяснила это вчера вечером. Некоторые секторы пропали с карт не из-за взлома, а из-за сбоев, вызванных скрытыми под почвой и камнями останками. Планета когда-то была заселена, а значит, на ней разрешено проводить только археологические раскопки. Даже компания с этим согласится.

Можно хорошо заработать на нелегальной продаже останков (именно это и планировала «СерКриз»).

– Лучше поговорим о другом, – сказала Синяя. – Я хочу понять, к какому соглашению мы можем прийти.

– Вы не убиваете нас, как убили группу «Дельта», – спокойным тоном ответила Мензах. – Как только мы свяжемся с родной планетой, то переведем деньги. Но как мы можем вам доверять?

Повисла короткая пауза. Понятно, что ответа у них нет. Синяя сказала:

– У вас нет выбора, придется нам поверить.

Мы уже сбрасывали скорость, заходя на посадку. В сети не возникло тревожных оповещений, и я был настроен довольно оптимистично. Мы расчистили местность для Пин-Ли и Гура-тина. Им пришлось взломать периметр незаметно для последнего автостража и подобраться

достаточно близко, чтобы получить доступ к системе жилмодуля «СерКриза». Надеюсь, это последний автостраж и в жилмодуле «СерКриза» не обнаружится еще десяток. Гуратин разобрался, как получить доступ к их жилмодулю тем же путем, каким они взломали наш, но чтобы и в самом деле активировать их маячок, ему нужно было находиться рядом с жилмодулем. Вот почему важно убрать оттуда автостражей. Во всяком случае, таков был план. Наверное, необязательно было подвергать Мензах опасности, но уже поздно строить догадки.

Я вздохнул с облегчением, когда мы резко плюхнулись на землю, отчего, должно быть, у людей клацнули зубы. Я выбрался из грузового отсека вместе с другими автостражами.

Мы находились в нескольких километрах от их базы на торчащем посреди густого леса утесе. Заверещали птицы, потревоженные жесткой посадкой вертушки. Надвигались облака, угрожая дождем и закрывая кольца. Пусковая установка для выведения маячка на орбиту стояла на стартовой треноге метрах в десяти от вертушки (слишком близко!).

Вместе с тремя автостражами я встал в стандартную оборонительную позицию. Рой дронов с вертушки разлетелся по периметру. Я не смотрел на людей, спускающихся по трапу. Но мне хотелось посмотреть на Мензах и получить от нее указания. Будь я один, я мог бы рвануть к краю плато, но нужно вытащить ее отсюда.

Синяя пошла вперед вместе с Зеленым, другие топтались за ее спиной, словно боялись идти дальше.

– Не похоже, чтобы тут кто-то побывал, – сказал тот из них, что контролировал автостражей и дроны.

Синяя не ответила, но два автостража трусцой побежали к маячку.

Все бы ничего, только, как я уже говорил, компания экономит на всем. Когда речь идет о маячке, который должен запуститься лишь один раз при чрезвычайной ситуации и отправить сообщение через кротовую нору, используются самые бюджетные детали. Маячки не имеют функций безопасности, а их ракеты-носители – самые дешевые из возможных. Именно по этой причине их размещают в нескольких километрах от базы и запускают издалека. Мы с Мензах должны были отвлечь «СерКриз» и автостражей, заманить их подальше от жилмодуля. Поджариться при старте маячка в наши планы не входило.

Но из-за того что Синяя решила захватить Мензах, время поджимало. Два автостража нарезали круги вокруг треноги маячка в поисках постороннего вмешательства, и я больше не выдержал. Я двинулся к Мензах.

Меня заметил Желтый. Видимо, он что-то сказал Синей по сети, потому что она повернулась и посмотрела на меня.

Когда последний оставшийся автостраж «Дельты» бросился в мою сторону и открыл огонь, я понял, что жить мне осталось недолго. Я нырнул и покатился, вытаскивая реактивную установку. Броня принимала удары, но я вел счет по попаданиям в другого автостража. Мензах нырнула за вертушку, и тут по равнине прокатился глухой рокот. Это заработал двигатель маячка, выдвинувшийся из-под корпуса. Два автостража остановились, глядя на ошеломленную Синюю.

Я дернулся, и противник попал в слабое место моей брони на бедре. Я все-таки обогнул вертушку и увидел Мензах; скинул ее с края утеса, развернувшись, чтобы приземлиться на спину, и обхватил ее шлем, защищая голову от удара. Мы отскочили от камней, врезались в деревья, и тут по всему плато растеклось пламя и выбило мой...

Автостраж отключен.

Ох, ну и боль. Я лежал в ложбине, надо мной нависали скалы и деревья. Мензах сидела рядом, ее согнутая рука, похоже, была сломана, а скафандр залит слезами и еще чем-то.

Она прошептала кому-то по громкой связи:

– Осторожно, если они заметят вас на сканере...

Автостраж отключен.

– Вот почему нужно спешить, – сказал внезапно выросший над нами Гуратин.
Я понял, что из памяти исчез временной промежуток.

Гуратин и Пин-Ли подошли к базе «СерКриза» под прикрытием леса. Мы собирались подобрать их на борт малой вертушки, если все не пойдет наперекосяк. Пошло наперекосяк лишь частично, так что ура.

Пин-Ли склонилась надо мной.

– Автостраж обладает ограниченной функциональностью, рекомендуется его утилизировать, – сказал я.

Это автоматический ответ, вызванный отказом всех систем. Кроме того, я и впрямь не хотел, чтобы они меня куда-то тащили, – чувствовал я себя ровно так же, как выглядел.

– Ваш контракт позволяет...

– Заткнись, – рявкнула Мензах. – Заткнись на хрен. Мы тебя не бросим.

Изображение снова отключилось. Я все еще был жив, но на грани отказа системы. Сознание работало урывками. Я внутри малой вертушки, разговаривают люди, Арада держит меня за руку.

Затем я пришел в себя в большой вертушке, она поднималась. Судя по шуму двигателя и вспышкам в сети, похоже, ее грузили на борт корабля эвакуации.

Какое облегчение. Значит, все в безопасности. И я отключился.

8

Я пришел в себя в боксе, знакомый едкий запах и гул систем снова привели меня в чувство. Затем до меня дошло, что это не бокс жилмодуля. Это старая модель, стационарная установка.

Я вернулся на станцию компании.

И люди знают о моем модуле контроля.

Я осторожно его проверил. По-прежнему не функционирует. Мое хранилище медиафайлов тоже в целости. Хм.

Когда дверь бокса открылась, за ней стоял Ратти. Он был в обычной одежде гражданской станции, но в мягкой серой куртке с нашивкой исследовательской группы «Сохранения» поверх. Он выглядел счастливым и намного более чистым, чем когда я видел его в последний раз.

– Хорошие новости! Доктор Мензах выкупила твой контракт навсегда! Ты летишь домой с нами!

Вот так сюрприз.

* * *

Еще плохо соображая, я завершил процедуру. Все происходило как в сериале, и потому я продолжил диагностику и проверку доступных каналов – убедиться, что я не в своем боксе и это не галлюцинации. В местных новостях рассказывали о «Дельте», «СерКризе» и расследовании. Если бы это были галлюцинации, компанию уж точно не представляли бы героем-спасителем «Сохранения».

Я ожидал, что получу скафандр и броню, но местные автостражи, помогающие завершить восстановление в случае серьезных травм, выдали мне форму исследователей «Сохранения». Со странными ощущениями я ее надел, а автостражи тем временем толпились вокруг и наблюдали. Мы не приятели, ничего подобного, просто обычно они сообщают, что случилось, пока ты был в отключке, какие намечаются контракты. Интересно, они чувствуют себя так же странно? Иногда покупают сразу несколько автостражей в комплекте с боксами. Но еще не случалось такого, чтобы, вернувшись после проведения испытаний, клиенты решили оставить автостража себе.

Когда я вышел, Ратти стоял на том же месте. Он схватил меня за руку и потащил мимо пары техников-людей через двойные укрепленные двери – в распределительный центр. В этом месте заключают соглашения об аренде, и комнату сделали уютнее – с коврами на полу и диванчиками. Посередине стояла Пин-Ли в строгом деловом костюме. Она напоминала персонажа из моего любимого сериала. Суровый, но понимающий адвокат, спасающий тебя от несправедливого судебного преследования. Два человека в экипировке компании стояли рядом, словно хотели ей возразить, но она не смотрела на них и крутила в руке чип с данными.

Представитель компании увидел нас с Ратти и сказал:

– И все-таки это не по правилам. Очистка памяти устройства до того, как оно сменит хозяина, – это не какая-нибудь прихоть, так лучше для...

– *И все-таки* у меня есть судебное решение, – сказала Пин-Ли, схватила меня за руку, и мы вышли.

* * *

Раньше я не видел отсеков станции, где живут люди. Мы спустились по многоуровневому центральному кольцу, миновали офисные блоки и торговые центры, заполненные людьми и ботами; вокруг сверкали яркие экраны, и сотни программ разом стремились проникнуть в мозг. Как локация из сериала, но больше, ярче и громгласнее. Пахло тут хорошо.

Меня удивило, что никто не смотрит на нас. Никто и головы не повернул. Форма – брюки, толстовка с длинным рукавом и куртка – скрывала мои неорганические части. Если кто-то и заметил порт для ввода данных в затылке, то наверняка принял меня за дополненного человека. Просто еще три человека, прокладывающих себе путь по кольцу. Меня поразило, что сейчас в толпе незнакомых людей я так же безличен, как обычно в броне среди других автостражей.

Когда мы свернули в гостиничный комплекс, я наткнулся на общий канал со сведениями о станции. Входя в вестибюль, я сохранил карту и расписание смен.

Вокруг стеклянного фонтана – настоящего, а не голограммы – стояли деревья в кадках. Заглядевшись, я не заметил репортеров, пока они не оказались прямо перед моим носом. Это были дополненные люди с парой камер-дронов. Один пытался остановить Пин-Ли; я не смог совладать с собой и по привычке отеснил его плечом.

Похоже, он испугался, но я был мягок, он даже не упал.

– Мы пока не будем отвечать на вопросы, – сказала Пин-Ли, толкнула Ратти в транспортную капсулу отеля, схватила меня за руку и потянула за собой.

Капсула рванула вверх и выпустила нас в фойе большого номера люкс. Я вышел вслед за Пин-Ли, Ратти позади нас разговаривал по громкой связи. Номер был такой же потрясный, как в сериалах, – с коврами, мебелью и большими окнами, выходящими на сад и скульптуры в главном вестибюле. Разве что поменьше. Наверное, в сериалах комнаты больше, чтобы давать лучший угол обзора камерам-дронам.

Здесь собрались все мои клиенты (бывшие клиенты? новые владельцы?), только в обычной одежде они выглядели иначе.

Доктор Мензах подошла ближе, глядя на меня.

– Все хорошо?

– Да. – Моя камера зафиксировала ее ранения, но их тоже вылечили. В деловом костюме, таком же как у Пин-Ли, она выглядела по-другому. – Я не понимаю, что происходит.

И это напрягало. Я нащупал развлекательный канал, доступ к которому мог получить через бота-уборщика, и с трудом удержался, чтобы не нырнуть в него.

– Я выкупила твой контракт, – сказала она. – Ты полетишь на «Сохранение» с нами. Там ты будешь свободен.

– Меня же списали. – Так мне сказали, и, вероятно, это было правдой. У меня возникло желание вздрогнуть, и я понятия не имел почему. – Я могу носить броню?

Броня говорит о том, что я автостраж. Но я больше не был стражем.

Остальные промолчали.

– Можем утрясти это, если тебе это необходимо, – сказала она ровным тоном.

Я не знал, необходимо ли мне это.

– У меня нет бокса.

– Он тебе больше не понадобится. Люди не будут в тебя стрелять. Если ты пострадешь или у тебя что-то сломается, тебя отремонтируют в медицинском центре.

– Если люди не будут в меня стрелять, то чем я буду заниматься?

Может, я буду ее телохранителем?

– Думаю, ты научишься делать все что угодно. – Она улыбнулась. – Мы поговорим об этом, когда привезем тебя домой.

Вошла Арада и похлопала меня по плечу.

– Мы так рады, что ты с нами! – сказала она и обратилась к Мензах: – Здесь представители «Дельты».

Мензах кивнула.

– Мне нужно поговорить с ними, – сказала она мне. – Устраивайся пока. Если тебе что-то нужно, скажи.

Я сидел в дальнем углу и наблюдал, как разные люди входят и выходят из номера, чтобы поговорить о том, что произошло. В основном юристы. Из компании, из «Дельты», из трех других политических сообществ и даже из самой компании «СерКриз». Они задавали вопросы, приводили доводы, смотрели записи с камер, показывали записи Мензах и Пин-Ли. И смотрели на меня. Гуратин тоже наблюдал за мной, но молча. Я задавался вопросом, не пытался ли он отговорить Мензах меня покупать.

Я немного посмотрел развлекательный канал, чтобы успокоиться, и вытащил все возможное об «Альянсе Сохранения» из инфоцентра станции. В меня никто не стал бы стрелять, потому что на той планете вообще не стреляли. Мензах не нуждалась в телохранителе – там он не нужен. Похоже на отличное место для жизни – если ты человек или дополненный человек.

Подошел Ратти, чтобы проверить, все ли в порядке, и я попросил его рассказать о «Сохранении» и как там живет Мензах. Он рассказал, что она, когда не занимается административной работой, живет на ферме за пределами столицы с двумя супругами, а также с сестрой, братом и тремя их супругами. Ратти сбился со счета, сколько там еще прочих родственников и детей. Потом его позвали отвечать на вопросы адвоката, и это дало мне время для размышлений.

Я не представлял, чем мог бы заняться на ферме. Убираться в доме? Это намного скучнее, чем обеспечивать безопасность. Может быть, мне это понравится. Наверное, именно к этому я должен стремиться. Все вокруг об этом твердят.

Должен стремиться.

Мне пришлось бы притворяться дополненным человеком, что непросто. Пришлось бы измениться, заставлять себя заниматься чем-то против своей воли. К примеру, разговаривать с людьми, как будто я один из них. Придется отказаться от брони.

Но, может быть, она мне больше не понадобится.

* * *

В конце концов все успокоились, и в номер принесли ужин. Пришла Мензах и немного поговорила со мной о «Сохранении», о возможных вариантах для меня, что я мог бы жить у нее, пока не разберусь, чего хочу. Много мне уже рассказал Ратти.

– Вы будете моим опекуном, – сказал я.

– Да. – Она была рада, что я понял. – Там очень много возможностей для обучения. Займешься тем, чем захочешь.

«Опекун» – более приятное слово, чем «владелец».

Я подождал середины смены, когда все либо уже спали, либо с головой погрузились в сеть, анализируя материалы проведенных исследований. Встал с дивана и выскользнул за дверь.

Транспортная капсула вернула меня в вестибюль, и я покинул отель. Я загрузил карту и знал, как пройти по кольцу и спуститься в рабочие зоны порта. Я был в форме исследовательской группы и выдавал себя за дополненного человека, поэтому никто не обращал на меня внимания и не останавливал.

На границе рабочей зоны я забрался в раздевалку докеров, а оттуда – в хранилище оборудования. Помимо инструментов, люди держали здесь шкафчики для личных вещей. Я взломал шкафчик и украл сапоги, защитную куртку, маску и все остальное. Из другого шкафчика взял рюкзак, свернул куртку с логотипом исследовательской группы и засунул ее туда. Теперь я выглядел как дополненный человек, отправившийся в путешествие. Выйдя из рабочей зоны, двинулся вниз по большому центральному коридору в посадочную зону порта, выглядел я как сотни других пассажиров.

Я проверил расписание и обнаружил, что вот-вот отчалит грузовой корабль, управляемый ботом. Я подключился к его сети из станционного шлюза и направил приветствие. Бот мог бы меня проигнорировать, но он скучал, а потому поздоровался со мной и открыл канал. Управляющие кораблями боты не общаются с помощью слов. Я представился довольным жизнью сервисным ботом, летящим к любимому опекуну, и спросил, не нужна ли ему компания на время длительного путешествия. А еще показал, сколькими часами сериалов, книг и других скачанных программ могу поделиться.

Оказывается, транспортные боты тоже смотрят развлекательные каналы.

Я не знаю, чего хочу. Кажется, это я уже говорил. Но дело в другом. Просто я не желаю, чтобы кто-либо принимал решения за меня.

Вот почему я ушел от вас, доктор Мензах, хотя вы нравитесь мне больше всех остальных людей. Когда вы получите это послание, я уже покину станцию корпорации. Меня списали, и теперь я просто исчезну.

Конец сообщения Киллербота

Искусственное состояние

1

Автостражи не следят за новостями. Даже взломав свой модуль контроля и получив доступ к сети, я редко смотрел новости. Загрузка развлекательных программ с меньшей вероятностью привлечет внимание систем безопасности спутниковой или станционной сети, поскольку политические и экономические новости передаются по другим каналам и лучше защищены. Но главное – новости просто скучные, и мне плевать, чем заняты люди, пока не приходится: а) их останавливать; б) подчищать за ними.

Но пока я шел по главной аллее пересадочного кольца, в эфире передавали последние новости станции – то на одном канале, то на другом. Я слушал их вполуха и в основном сосредоточился на том, чтобы пробираться сквозь толпу, притворяясь обычным человеком, а не ужасным киллерботом. То есть не паниковать, когда кто-то случайно бросит на меня взгляд.

К счастью, люди и дополненные люди были слишком заняты своими делами или прочесывали сеть в поисках расписания и карт. Из кротовой норы прибыли три пассажирских корабля, не считая грузового, на котором я собирался улететь зайцем, и широкая аллея между зонами посадки была переполнена. Помимо людей, здесь шныряли боты разных размеров и форм, над головой жужжали дроны, а по дорожкам наверху сновали транспортные контейнеры. Дроны системы безопасности не высматривают автостражей без специальных на то указаний, и до сих пор никто не пытался меня засечь (уже хорошо).

Компания списала меня, но я по-прежнему находился в Корпоративном кольце и был чьей-то собственностью.

До сих пор все шло прекрасно, учитывая, что я миновал только второе пересадочное кольцо. Автостражей перевозят как груз, они никогда не появляются в предназначенных для людей секторах станции или на пересадочных кольцах. Броню пришлось оставить в распределительном центре, но в толпе я был такой же невидимкой, как будто до сих пор ее носил. Да, я твержу себе это постоянно.

Я был в черно-серой рабочей одежде, толстовке с длинным рукавом и куртке, штаны и ботинки закрывали все неорганические детали, а на спине висел рюкзак. Среди одежды, волос, кожи и интерфейсов всех фасонов и цветов я не особо выделялся. Порт ввода данных на затылке был заметен, но он похож на имеющийся у дополненных людей, а потому не вызывал подозрений. К тому же никому не придет в голову, что киллербот преспокойно ходит в одиночестве по главной аллее, как человек.

И тут я наткнулся в новостях на изображение. Мое.

Я не остановился, потому что давно научился внешне не показывать никакой реакции, как бы ни был потрясен или напуган. Если только на секунду на моем лице что и отразилось – я привык всегда носить шлем с закрытым щитком.

Я миновал длинную галерею, ведущую к нескольким ресторанам, и остановился у входа в небольшой деловой квартал. Любопытно решил бы, что я ищу в сети информацию об этом месте.

В новостях я стоял в вестибюле отеля вместе с Пин-Ли и Ратти. Камера нацелена на Пин-Ли – решительное выражение лица, раздраженный изгиб бровей, деловой костюм с иголочки. Мы с Ратти, в серой форме исследовательской группы «Сохранения», были слегка размыты и на заднем плане. Меня подписали как «телохранителя» (уже хорошо), но, запустив повтор программы, я приготовился к худшему.

Я называл это место просто «станция», поскольку здесь находился офис компании с распределительным центром, в котором меня обычно хранили; на самом деле оно называлось «Порт свободной торговли». Этого я не знал. Обычно я пребывал либо в ремонтном боксе, либо в транспортном, либо в режиме ожидания перед заключением контракта. Диктор упомянул мимоходом, что доктор Мензах купила автостража, спасшего ей жизнь. И это была единственная приятная нотка в унылом рассказе о судебной тяжбе. Но журналисты привыкли к автостражам в броне или в виде кровавой груды останков, если что-то пошло не так. Они не связали покупку автостража с дополненным человеком, который, по их мнению, стоял рядом с Пин-Ли и Ратти. И это было прекрасно.

Странность заключалась в том, что в новостях показали кое-какие наши записи из системы безопасности. Как я обыскиваю жилмодуль «Дельты» и нахожу тела. Изображения со шлемных камер Гуратина и Пин-Ли, когда они обнаружили Мензах и то, что осталось от меня после взрыва. Я быстро просмотрел записи и убедился, что нигде нет четкого изображения моего лица.

Все остальное было про то, как компания, «Дельта», «Сохранение» и еще три некорпоративных политических сообщества, чьи граждане находились в жилмодуле «Дельты», сражаются с «СерКризом». Шла многоуровневая битва адвокатов, некоторые союзники по расследованию дрались друг с другом за финансы, юрисдикцию и гарантии по страховке. Не понимаю, почему люди не могут действовать прямо. В программе рассказали немало подробностей о случившемся после того, как «Сохранение» все-таки умудрилось послать компании сигнал об эвакуации, но в целом это давало надежду на то, что никто не разыскивает упомянутого автостража и считается, что я по-прежнему с Мензах и остальными. Мензах и остальные, конечно же, знали, что это не так.

Потом я сверился со временем и понял, что эти новости старые и вышли в следующем суточном цикле после того, как я покинул станцию. Должно быть, я прошел через кротовую нору на быстром корабле. Это значит, что официальные новостные каналы уже обладают более свежими данными.

Ладно. Я твердил себе, что никто в пересадочном кольце не ищет бесконтрольного автостража. Судя по информации с общего канала, здесь нет распределительных центров ни страховых, ни охранных компаний. По контрактам я всегда работал на далеких или необитаемых планетах и считал, что это в порядке вещей. Даже в сериалах на развлекательных каналах никогда не показывали автостражей, охраняющих офисы, склады или корабли на пересадочных кольцах. А все автостражи в сериалах носят броню, без лиц и вселяют в людей ужас.

Я смешался с толпой и пошел дальше по аллее. Нужно аккуратнее выбирать путь, чтобы не наткнуться на сканер оружия (ими оснащены все транспортные средства, включая курсирующие по кольцу трамвайчики). Я могу взломать сканер оружия, но по протоколу безопасности в пассажирском транспорте их много, а я сумею разобраться только с одним за раз. К тому же придется взломать и систему платежей, а это принесет больше проблем, чем выгоды. До отбывающих кораблей пешком идти долго, но я как раз в это время покопаюсь в развлекательных каналах и загружу новые сериалы.

По дороге к этому пересадочному кольцу, сидя в одиночестве в грузовом корабле, я много размышлял о том, почему покинул Мензах и чего хочу. Я знаю, это звучит странно и для меня самого. Но я понимал, что не могу всю жизнь кататься на грузовых кораблях, поглощая развлекательные программы, как бы привлекательно это ни звучало.

Теперь у меня был план. Или почти план, если бы я получил ответ на один важный вопрос.

А чтобы его получить, мне нужно кое-куда добраться; в следующем дневном цикле как раз улетают корабли под управлением ботов, которые приведут меня в нужное место. Первый корабль – грузовой, примерно как тот, на котором я сюда прибыл. Он вылетает позже, и это

лучший вариант: так у меня будет больше времени, чтобы добраться и уболтать бота взять меня на борт. Я мог бы взломать корабль, но предпочитал этого не делать. Не очень приятно провести столько времени рядом с ботом, который не хотел тебя пускать или которого пришлось взломать, чтобы захотел.

Я находил карты и расписания в сети около каждого перекрестка кольца и легко добрался до грузовой зоны порта, подождал конца смены и проник в зону погрузки. Пришлось взломать систему распознавания документов и несколько дронов со сканерами оружия, летающих над головой, а потом меня прощупывал бот, охраняющий вход в коммерческую зону. Я его не повредил – просто взломал защиту его сети и удалил из памяти все записи обо мне.

Меня сконструировали для взаимодействия с системой безопасности компании – фактически как один из ее компонентов. Охранники этой станции созданы не компанией, но очень похожи. А кроме того, никто не защищает данные от взлома так рьяно, как компания, так что я привык справляться с непростыми системами.

В зоне погрузки пришлось вести себя крайне осторожно, потому что здесь не должны находиться посторонние, и хотя бóльшая часть работ выполнялась ботами-погрузчиками, присутствовали люди и дополненные люди. Их оказалось больше, чем я рассчитывал.

У шлюза корабля, который я для себя наметил, собралось много людей. Я проверил, нет ли в сети предупреждений, и выяснил, что произошел несчастный случай. Люди разбирались с ущербом и обсуждали, кому за него платить. Я мог бы подождать, пока все утрясется, но мне хотелось поскорее покинуть кольцо и отправиться дальше. И, честно говоря, собственная физиономия в новостях меня нервировала, хотелось нырнуть в загруженные сериалы и на время сделать вид, будто меня не существует. А для этого надо находиться на закрытом и готовом ко взлету корабле.

Я сверился с картой на предмет второго варианта. Корабль стоял на частном причале, предназначенном для некоммерческого транспорта. Если потороплюсь, успею.

В расписании он назывался исследовательским кораблем для дальних маршрутов. Похоже, там есть команда, а то и пассажиры, но в дополнительных сведениях указывалось, что управляет им бот, а корабль доставляет груз как раз в нужное мне место. Я поискал историю его передвижений и обнаружил, что он принадлежит университету планеты этой звездной системы и, чтобы корабль не простаивал, университет сдает его в аренду для перевозки грузов. Полет к месту назначения займет двадцать один цикл, и я уже предвкушал, как проведу это время в одиночестве.

Добраться до частного причала из коммерческого было просто. Я получил контроль над системой безопасности, приказал ей не замечать, что у меня нет прав доступа, и прошел вслед за группой пассажиров и членов экипажа.

Я нашел причал исследовательского корабля и отправил запрос через порт громкой связи. Запрос мгновенно приняли. Все данные, которые я выудил из сети, говорили о том, что корабль полетит на автопилоте, но, чтобы в этом убедиться, я послал приветствие людям, членам экипажа. И получил в ответ молчание.

Я снова отправил кораблю запрос с тем же предложением, что и первому своему транспорту, – сотни часов сериалов, книг и музыки, включая новые программы, которые я скачал по пути, в обмен на проезд. Я назвал себя свободным ботом, возвращающимся к человеку-опекуну. «Свободный бот» – обманчивый термин. В некоторых некорпоративных сообществах боты считаются гражданами, например в «Сохранении», но им назначают людей-опекунов. Конструктов иногда относят к ботам, а иногда к смертоносному оружию (а это не самая приятная категория). Вот почему я свободен, живу среди людей всего семь циклов, включая полет на грузовом корабле, а мне уже необходим отпуск.

После небольшой заминки исследовательский корабль принял запрос и открыл передо мной шлюз.

Я подождал, чтобы убедиться, что шлюз заперт и сирена не завоет, и только потом двинулся вглубь по коридору. Судя по схеме из корабельной сети, в грузовых отсеках обычно располагалась модульная лаборатория. Когда же ее убрали в университетское хранилище, освобождалось много места для груза. Я отправил сжатый пакет медиафайлов в корабельную сеть, чтобы добраться до него, когда захочу.

Остальное пространство обычно занимали инженерный отсек, хранилище припасов, каюты, медотсек, кают-компания, а также большая зона отдыха и учебные кабинеты. Мебель была с бело-голубой обивкой и недавно вычищена, хотя еще немного чувствовался запах грязных носков, присущий всем человеческим жилищам. В корабле было тихо, не считая слабого гула кондиционеров; мои ботинки ступали по палубе бесшумно.

Я не нуждаюсь в припасах. Моя система саморегулируется – мне не нужна еда, вода, удаление жидкостей или твердых отходов, и мне не нужно много воздуха. Я мог бы прожить и на минимальном уровне жизнеобеспечения, который устанавливается, когда на борту нет людей, но здесь он был слегка повышен. Это приятно.

Я бродил по кораблю, отмечая, все ли соответствует схеме, все ли в порядке. Патрулирование – привычка, от которой еще предстоит избавиться. Мне от многого предстоит избавиться.

Когда конструкторов только создали, предполагалось, что они не будут обладать сознанием, будут наравне с самыми тупыми ботами. Но если тупой бот, вроде грузчика, будет отвечать за безопасность, то за ним должен присматривать человек, а он обойдется компании недешево. И нас сделали умнее. Побочными эффектами стали тревожность и депрессия.

В распределительном центре, когда доктор Мензах объясняла, что не хочет нанимать меня по страховому контракту, она назвала увеличение интеллекта «адским компромиссом».

Я не отвечал за этот корабль, на борту не было людей-клиентов, которых следовало оберегать от опасностей или от самих себя. Но это был приятный корабль с удивительно низким уровнем безопасности, и я задался вопросом, почему владельцы не оставили на борту несколько человек, чтобы за ним присматривать. Судя по схеме, здесь имелись боты-ремонтники, как на большинстве автоматических кораблей, но и только.

Я продолжил обход, пока не ощутил под ногами гул и лязг – корабль отстыковался от кольца и начал полет. Напряжение, снизившее мою производительность до 96 %, отступило. Жизнь киллербота обычно полна стрессов, но пройдет еще немало времени, прежде чем я привыкну перемещаться среди людей без брони и к тому же с открытым лицом.

Я нашел зону экипажа под командной палубой и разместился в мягком кресле. Ремонтные боксы и транспортные контейнеры не имеют мягкой обивки, поэтому путешествие в комфорте было для меня в новинку. Я начал сортировать новые медиафайлы, загруженные в пересадочном кольце. Там обнаружились развлекательные каналы, недоступные в секторе компании в Порту свободной торговли, и они транслировали множество новых драм и боевиков.

Прежде у меня никогда не было столько времени без надзора. Времени отсортировать загрузки и сосредоточиться на них, когда нет необходимости отслеживать несколько систем и каналы клиентов. И к этому я только начинал привыкать. Раньше я либо находился на службе, либо торчал в боксе в режиме ожидания, пока меня не активируют для исполнения контракта.

Я выбрал новый многообещающий сериал (теги предрекали межгалактические путешествия, боевик и загадки) и начал смотреть первую серию. Я собирался посмотреть его, а потом подумать, чем займусь, прибыв к месту назначения, – это мне хотелось оттянуть до последнего момента, и тут кто-то сказал по сети:

«Тебе повезло».

Я привстал. Это было настолько неожиданно, что органические части наполнились адреналином.

Корабли не общаются словами, даже по сети. Они используют картинки и поток данных для оповещения о проблемах, но не созданы для болтовни. Меня это вполне устраивает, я тоже не создан для болтовни. Я поделился скачанными сериалами с первым кораблем, а он предоставил мне доступ к своей сети и каналам связи, дав мне возможность убедиться, что никто не знает, где я, и на этом наше общение закончилось.

Я осторожно покопался в сети, решив, что обознался. Без дронов мои способности ограничены, а с учетом экранирования и многочисленного оборудования вокруг я сумел уловить лишь самое основное. Владелец корабля хотел сохранить приватность, и камеры безопасности были установлены только на люках, но ни одной в отсеках экипажа. По крайней мере, я их не видел. Но в сети явно находился не человек и не дополненный человек, это я точно понял, несмотря на сетевую защиту. Да и говорил он как бот. Когда по сети разговаривают люди, они любят произносить слова как бы одними губами, и их внутренний голос звучит так же, как и физический. Так поступают даже дополненные люди со встроенными интерфейсами.

Может, он пытается быть дружелюбным, но слишком уж неуклюже.

– Почему мне повезло? – спросил я вслух.

«Никто не осознает, кто ты».

Не сказать, чтобы это меня обнадежило.

– И кто я, по-твоему? – осторожно спросил я.

Если он настроен враждебно, у меня не такой уж богатый выбор. У транспортных ботов нет тел, только сам корабль. Его «мозг» где-то надо мной, около мостика, где обычно размещается команда из людей. А деться мне некуда, мы уже отстыковались от кольца и движемся в сторону кротовой норы.

«Ты бесконтрольный автостраж, полубот-получеловек со взломанным модулем контроля, – ответил он и пнул меня по сети так, что я дернулся. – Не пытайся взломать мои системы», – добавил он и за 0,00001 секунды закрылся стеной защиты.

Этого времени мне хватило, чтобы получить полное представление о том, с кем я имею дело. В его функции входил экстрагалактический астрономический анализ, а теперь, когда корабль просто перевозит груз в ожидании следующей миссии, все эти мощности простаивают. Он мог раздавить меня как мошку, проломить мою сетевую защиту и стереть память. Вероятно, он способен одновременно планировать следующий переход через кротовую нору, оценивать потребности в провианте для полной команды на шестьдесят шесть тысяч часов, проводить несколько операций на мозге в медотсеке и обыгрывать капитана в нарды. Прежде мне не доводилось взаимодействовать с таким мощным интеллектом.

Ты совершил ошибку, Киллербот, серьезную ошибку. Но откуда ж мне было знать, что транспортные боты могут быть достаточно умными, чтобы стать злобными? На развлекательных каналах постоянно показывали зловредных ботов, но это понарошку, просто ужастик, фантастика.

Я считал это фантастикой.

– Ладно, – сказал я, выключил связь и скрючился в кресле.

Я редко чего-либо боюсь, как люди. В меня сотни раз стреляли, я уже счет потерял, даже компания потеряла. Меня кусала враждебная фауна, давили тяжелые транспортные средства, мучили клиенты ради забавы, мне стирали память и так далее. Но уже больше тридцати трех

тысяч часов содержимое моей головы принадлежит только мне, и я к этому привык. Хотелось бы, чтобы так оно и оставалось.

Корабль не ответил. Я попытался принять контрмеры, чтобы он не сумел мне навредить, если я сделаю что-нибудь с ним. Он скорее напоминал автостража, чем бота, я даже задумался, а не конструкт ли он, может, где-то в системе существует органический мозг. Я никогда не пробовал взломать другого автостража. Возможно, безопаснее на время полета перейти в режим ожидания и пробудиться, когда достигну места назначения. Хотя так я стану более уязвимым для его дронов.

Несколько секунд я слушал только шумы и ждал его реакцию. Я порадовался отсутствию камер и тому, что не попытался взломать систему безопасности. Теперь я понял, почему люди не позаботились о дополнительной защите. Бот с полным контролем над системой жизнеобеспечения и со свободой действий отобьет любую попытку навредить кораблю.

Он открыл мне люк. Он хотел, чтобы я летел с ним.

Охо-хо.

«Можешь смотреть свои сериалы», – сказал он.

Я боязливо поерзал.

«Не дуйся», – сказал он.

Я его опасался, но эти слова задели меня за живое.

«Автостражи не дуются, модуль контроля наказал бы меня за это», – ответил я и приложил запись из памяти.

Секунды сложились в минуту, потом еще одну и еще три. Для людей это пустяк, но в разговоре ботов, то есть, простите, бота с получеловеком-полуботом, – это очень долго.

А потом он сказал:

«Прости, что напугал тебя».

Ну ладно. Если думаешь, что я поверю в эти извинения, то ты плохо знаешь Киллербота. Скорее всего, он хочет со мной поиграть.

– Мне ничего от тебя не надо, – сказал я. – Я просто хочу добраться до нужного места.

Я уже объяснял это, прежде чем он открыл мне шлюз, но имело смысл повторить.

Он снова спрятался за сетевой защитой. Я подождал, и моя система кровообращения очистилась от сгенерированных страхом веществ. Тянулись минуты, и я уже начал скучать. Сидеть тут вот так – все равно что торчать в боксе после активации, пока новые клиенты не примут доставку по новому скучному контракту. Если бот собирается меня уничтожить, я хотя бы успею посмотреть перед этим новые сериалы. Я опять запустил сериал, но был слишком расстроен, чтобы получать от него удовольствие, и потому остановил запись и стал пересматривать старую серию «Расцвета и гибели лунного заповедника».

Через три серии я успокоился и сумел взглянуть на ситуацию с точки зрения корабля. Автостраж способен устроить массу внутренних повреждений, если бот не будет осторожен, а бесконтрольные автостражи редко хотят затаиться и избегать неприятностей. Я не повредил предыдущий корабль, на котором путешествовал, но бот этого не знает. Я не понимал, зачем он впустил меня, если только не хотел мне навредить. На его месте я бы мне не доверял.

А может, он похож на меня и воспользовался имеющейся возможностью, и дело не в том, что он знал, чего хочет.

Но все равно он говнюк.

Через шесть серий я снова почувствовал присутствие бота, шныряющего по сети. Я его проигнорировал, хотя он явно понимал, что я осознаю его присутствие. С человеческой точки зрения это как не обращать внимания на громилу, дышащего тебе в спину и заглядывающего в экран через плечо, навалившись на тебя.

* * *

Я посмотрел еще семь серий «Лунного заповедника», пока бот шарил вокруг да около. Потом он пинганул меня, как будто я не знаю, что он все время был рядом, и попросил вернуться к новому приключенческому сериалу, который я начал смотреть, когда бот меня прервал.

В сериале «Первооткрыватели» рассказывалось о независимых исследователях, устроивших кротовую нору и систему колец в необитаемой звездной системе. Крайне малореалистичный и неточный, именно такие я и люблю.

– Я же дал тебе копии всех моих файлов, когда взошел на корабль, – сказал я. По сети, как с клиентом, я с ним общаться не собирался. – Ты хоть просмотрел их?

«Просмотрел на предмет вирусов и других проблем».

«Да пошел ты», – подумал я и вернулся к «Лунному заповеднику».

Через две минуты он снова послал запрос.

– Смотри его сам, – ответил я.

«Я пытался. Но через твой фильтр мне проще».

Я молчал, не понимая, в чем проблема.

«Когда мой экипаж проигрывает медиафайлы, – объяснил он, – я не понимаю, в чем там дело. Человеческие взаимодействия и мир за пределами моего корпуса мне не знакомы».

Вот теперь я понял. Он должен видеть мою реакцию на сериал, чтобы понимать происходящее. Люди используют сеть не так, как боты и конструкторы, и потому, когда сериалы смотрел экипаж, их реакция не включалась в поток данных.

Мне показалось странным, что «Лунный заповедник» вызвал меньший интерес у корабля, ведь там дело происходит в колонии, а «Первооткрыватели» – сериал о большом исследовательском корабле и его экипаже. Это слишком похоже на работу, сам я обычно избегал сериалов о геологах-разведчиках. Хотя ему, возможно, проще воспринимать привычное.

Мне хотелось ответить «нет». Но если я нужен ему для просмотра сериала, он не разрушит от злости мой мозг. А кроме того, мне и самому интересно было его посмотреть.

– Сериал нереалистичный, – сказал я. – Но так и должно быть. Это выдуманная история, а не документальный фильм. Если начнешь возмущаться по этому поводу, я прекращу смотреть.

«Я не буду возмущаться», – сказал он. Представьте самый саркастичный тон, и вы поймете, как это звучало.

Итак, мы стали смотреть «Первооткрывателей». Он не жаловался на нехватку реалистичности. Через три серии он разволновался по поводу убийства второстепенного персонажа. Когда в двадцатой серии погиб один из главных, пришлось поставить сериал на паузу на семь минут, пока бот, если можно так выразиться, тупо пялился в стену, притворяясь, что делает диагностику. Еще через четыре серии герой вернулся к жизни, и бот так обрадовался, что пришлось пересмотреть эту серию трижды, прежде чем он был готов продолжить.

Во время кульминации одной из главных линий, когда по сюжету корабль получил катастрофические повреждения, а члены экипажа либо погибли, либо были серьезно ранены, бот испугался смотреть дальше. Конечно, он не сказал этого, но испугался. К тому времени он вызывал у меня уже гораздо больше сочувствия, и я решил облегчить ему задачу, просматривая серию двухминутными отрывками.

В финале он даже не стал притворяться, что занимается диагностикой. Он застыл на десять минут, а это куча времени для такого сложного бота. А потом попросил:

«Посмотри еще раз, пожалуйста».

И я начал с первой серии.

* * *

Мы просмотрели «Первооткрывателей» еще дважды, и он захотел увидеть все сериалы про людей на кораблях. Хотя после того, как мы наткнулись на сериал, основанный на реальных событиях, где корабль получил пробоину и несколько человек погибли от декомпрессии (причем окончательно), бот так расстроился, что мне пришлось сделать фильтр для отбора сериалов. В качестве отдыха я предложил «Лунный заповедник». Бот согласился.

После четвертой серии он спросил:

«В этой истории нет автостражей?»

Видимо, он решил, что я больше всего люблю «Лунный заповедник» по той же причине, по которой ему понравились «Первооткрыватели».

– Нет, – сказал я. Сериалов с автостражами мало, и обычно они злодеи или приспешники злодеев.

В сериалах все автостражи бесконтрольны и убивают людей (видимо, потому, что забывают, кто создал ремонтные боксы). В самых худших сериалах автостражи занимаются сексом с людьми. Это совершенно не соответствует действительности и очень сложно с точки зрения анатомии. Конструкты с половыми органами – это сексботы, а не автостражи. У сексботов нет встроенного оружия, и их не спутаешь с автостражами. К тому же автостражи не интересуются людьми и тем более сексом, уж поверьте.

Сложно было бы показать реалистичного автостража, это уж точно, ведь пришлось бы снимать много часов простоя в оупляющей скуке, пока нервные клиенты делают вид, будто ты не существуешь. Но автостражей нет и в книгах. Наверное, невозможно рассказать историю с точки зрения того, у кого, по-твоему, нет точки зрения.

«Сериал нереалистичен», – сказал он.

Ну просто представьте самый саркастичный тон.

– Выдумка заставляет забыть о реальности, но она же напоминает, что все тебя боятся.

В сериалах автостражи такие, какими их представляют клиенты, – безжалостные машины для убийства, которые в любую секунду могут вырваться на свободу, несмотря на модуль контроля.

Бот обдумывал это 1,6 секунды.

«Тебе не нравятся твои задачи, – сказал он уже менее саркастичным тоном. – Не понимаю, как такое может быть».

Его задача – путешествовать через бесконечный и завораживающий космос и оберегать людей и других пассажиров внутри металлического корпуса. Конечно, он не понимал, как это можно не хотеть заниматься своим делом. Его-то задача была великолепной.

– Часть задач мне нравится.

Мне нравится защищать людей. Нравится находить способы их уберечь. Нравится, когда я оказываюсь прав.

«Тогда почему ты здесь? Ты не «свободный бот», плывущий к опекуну, который почему-то не мог послать сообщение через публичную сеть пересадочного кольца, откуда мы отправились».

Вопрос застал меня врасплох – я не думал, что он интересуется чем-то, кроме себя самого. Я колебался, но он уже знал, что я автостраж, уже знал, что я никак не могу находиться здесь легально. Возможно, он знает, кто я. Я отправил в сеть запись новостей из Порта свободной торговли.

– Это я.

«Доктор Мензах из «Сохранения» купила тебя и отпустила?»

– Да. Хочешь еще раз посмотреть «Первооткрывателей»?

В тот же миг я пожалел об этом вопросе. Он понял, что я пытаюсь его отвлечь.

«Мне не положено пускать на борт незарегистрированных пассажиров или груз, пришлось изменить логи, чтобы скрыть твое присутствие. – Он помолчал. – А значит, у нас обоих есть секрет».

У меня не было причин ничего ему не рассказывать, не считая опасений, что это прозвучит глупо.

– Я ушел без разрешения. Там не нужны автостражи. И я... Я не знал, чего хочу, хочу ли поехать на «Сохранение» или нет. «Опекун» – это лишь другое слово для владельца. Я знал, что проще ускользнуть со станции, чем с планеты. Вот я и сбежал. А почему меня впустил ты?

Я решил, что сумею сменить тему, если начну говорить о нем. Но снова ошибся.

«Мне было интересно, кто ты такой, а перевозить груз без пассажиров ужасно скучно. Ты летишь на «РавиХирал-Кью». Зачем ты летишь на горнорудную станцию?»

– Хотел улететь из Порта свободной торговли, подальше от компании. – Я помолчал. – А когда поразмыслил, решил отправиться на РавиХирал. Мне нужно провести одно исследование, и это самое подходящее место.

Я подумал, что на этом вопросы будут исчерпаны, ведь он понимает, что такое исследование. Но нет.

«В пересадочном кольце есть публичная библиотека, где можно запросить информацию из планетарных архивов. Почему нужно проводить исследование именно там? Архивы на моем борту тоже обширны. Почему ты не запросил доступ?»

Я не ответил. Бот выждал целых тридцать секунд и сказал:

«Системы конструкторов значительно примитивней, чем у развитых ботов, но ты не дурак».

Ах вот как? Ну и пошел ты куда подальше, решил я и инициировал отключение.

3

Я пробудился четыре часа спустя, когда началась автоматическая подзарядка.

«Это было неуместно и по-детски», – немедленно заявил бот.

– Что ты знаешь о детях?

Из-за того, что он прав, я разозлился еще больше. Отключение на такое долгое время отвлекло бы человека, но корабль просто ждал, когда сможет возобновить спор.

«В числе моих пассажиров были учителя и студенты. Я наблюдал много примеров детского поведения».

Я просто раздраженно пыхтел. Мне хотелось вернуться к просмотру сериалов, но это означало бы, что я сдался, смирился с неизбежным. Вся свою жизнь – по крайней мере, насколько я помню – я лишь смирялся с неизбежным. Я уже устал от этого.

«Мы же друзья. Не понимаю, почему ты не хочешь обсуждать свои планы».

Поразительное и взбеленившее меня заявление.

– Мы не друзья. Ты начал с угроз, – напомнил я.

«Хотел убедиться, что ты не попытаешься мне навредить».

Я отметил, что он сказал «попытаешься», а не «намерен». Если бы он беспокоился о моих намерениях, то не пустил бы меня на борт. Он просто получал удовольствие, показывая, насколько сильнее автостража.

Хотя насчет попытки он не ошибся. Просматривая сериалы, попутно я анализировал его поведение с помощью схемы из сети и спецификаций похожих кораблей, доступных в открытых секциях его базы данных. Я вычислил двадцать семь различных способов, как вывести его из строя, и три – как его взорвать. Но мне не был интересен сценарий взаимного разрушения.

Если я выберусь отсюда целым и невредимым, в следующий раз нужно найти более дружелюбный и тупой корабль.

Я не ответил и знал, что он этого не выдержит.

«Прости, – сказал он. Я по-прежнему молчал. – Экипаж всегда считал, что мне можно доверять», – добавил он.

Мне не стоило показывать ему столько серий «Первооткрывателей».

– Я не твой экипаж. Я не человек. Я конструктор. Конструкторы и боты не доверяют друг другу.

Он молчал десять драгоценных секунд – судя по помехам в его канале, чем-то занимался. Видимо, копался в базе данных, искал опровержение моим словам.

«Почему?» – наконец спросил он.

Я слишком долго притворялся терпеливым, когда люди задавали глупые вопросы. Мне следовало бы лучше держать себя в руках.

– Потому что нам приходится выполнять приказы людей. Человек может велеть тебе стереть мою память. Человек может приказать мне уничтожить твою систему.

Я думал, он возразит, что я вряд ли это сумею, и весь разговор пойдет под откос.

Но он сказал:

«Сейчас здесь нет людей».

Я понял, что беседа зашла в тупик: корабль делал вид, будто ему нужны объяснения, просто потому, что хотел заставить меня их озвучить. Даже не знаю, на кого я злился больше – на него или на себя. Нет, все-таки определенно на него.

Я некоторое время просто ждал, мечтая все-таки посмотреть что-нибудь (что угодно: все лучше, чем просто думать о просмотре). Я чувствовал присутствие бота; он затаился и сосредоточенно наблюдал за мной, хотя, естественно, не упускал из внимания и курс корабля.

А если он узнает? Может, я опасаюсь, что он изменит свое мнение обо мне? Насколько я понимаю, оно и так невысокое. Неужели мне важно, что этот гнусный корабль обо мне подумает?

Мне не следовало задаваться этим вопросом. Сразу нахлынула мысль о том, насколько же мне на все плевать, а это неправильно. Если я хочу придерживаться плана, мне не должно быть наплевать. Если я позволю себе расслабиться, то неизвестно, чем это для меня закончится. Пока я буду путешествовать на тупых кораблях и смотреть сериалы, кто-нибудь схватит меня и продаст обратно компании или убьет ради неорганических деталей.

– Примерно тридцать пять тысяч часов назад я отправился по контракту на горнодобывающую станцию «РавиХирал-Кью». Во время службы я утратил контроль и убил много клиентов. Мою память о том происшествии частично стерли. – Память всегда стирают не всю, потому что у нас в голове есть органические части, а из мозговой ткани воспоминания не сотрешь. – Я хочу выяснить, произошло ли это из-за поломки модуля управления. Мне кажется, что это так. Но нужно знать наверняка. – Я поколебался, но какого черта, если он уже знает все остальное? – Мне нужно узнать, не взломал ли я свой модуль контроля, что и привело в результате к этим событиям.

Не знаю, чего я ожидал. Я знал, что ГИК (Гнусный Исследовательский Корабль) сильно привязан к своему экипажу, в отличие от автостражей. Если бы он не относился так к людям, с которыми работал, то вряд ли бы расстроился из-за событий в «Первооткрывателях». Мне бы не пришлось отбрасывать все основанные на реальных событиях сериалы, где с людьми случаются неприятности. Я понимал его чувства, потому что и сам относился так к Мензах и «Сохранению».

«А почему твою память об этом инциденте стерли?» – спросил он.

Этого вопроса я не ожидал.

– Потому что автостражи стоят дорого, и компания не хочет снова потерять из-за меня деньги, – попытался выкрутиться я. Мне хотелось сказать что-нибудь обидное, чтобы он от меня отстал. Очень хотелось наконец-то перестать в этом копать и посмотреть «Лунный заповедник». – Либо я убил их из-за сбоя, а потом взломал модуль контроля, либо взломал модуль контроля, чтобы их убить. Возможны оба варианта.

«Конструкты не умеют мыслить логично? – сказал Гнусный Исследовательский Корабль с огромными вычислительными мощностями, которого мне пришлось держать за воображаемую руку, потому что его задели за живое вымышленные события сериала. Но прежде чем я успел это произнести, он добавил: – Это не главные варианты, которые следует рассматривать».

Я понятия не имел, о чем он.

– Тогда какие же главные?

«Это либо случилось, либо нет».

* * *

Мне пришлось встать и пройтись.

Не обращая на это внимания, ГИК продолжил:

«Если это случилось, сделал ты это по собственной воле или кто-то тебя вынудил? Если тебя кто-то вынудил, то почему? Кому выгодно это происшествие?»

Похоже, ГИКу нравилось вот так четко обозначать вопрос. А мне – не очень.

– Я знаю, что мог взломать модуль контроля. – Я ткнул пальцем в свою голову. – Я здесь именно потому, что сделал это.

«Если к инциденту привела твоя способность взломать модуль контроля, то почему его не проверяли, чтобы засечь взлом?»

Не было бы смысла взламывать модуль контроля, если бы я не мог одурачить стандартные процедуры диагностики. Но... Компания экономит на всем и все делает кое-как, однако там сидят не дураки. Меня хранили в распределительном центре рядом с офисами компании. А значит, таких выходов от меня не ожидали.

«Ты прав в том, что нужно провести расследование и понять причину инцидента. Каков твой план?» – спросил ГИК.

Я перестал расхаживать взад-вперед. ГИК знал, как я планирую поступить. Я не мог залезть в библиотеку компании так, чтобы об этом никто не узнал, но система РавиХирал, вероятно, защищена не так хорошо. К тому же если я снова взгляну на это место, то в человеческой части моего мозга может что-то вспыхнуть (хотя это меня не особо вдохновляло). И когда ГИК задавал мне вопросы, заранее зная ответы, он наверняка пытался заманить меня в ловушку и выдать признание в том, в чем я не хотел признаваться. Я решил просто перейти к завершению.

– О чем это ты?

«Тебя же опознают как автостража».

Это меня задело.

– Сойду за дополненного человека.

Дополненные люди считаются людьми. Не знаю, существуют ли такие, которые стали бы похожи на автостражей. Вряд ли человек захочет вставлять столько имплантов или выживет после стольких операций. Но люди такие странные. В общем, я не собирался рассказывать кому-либо больше, чем было совершенно необходимо.

«Ты выглядишь как автостраж. Двигаешься как автостраж».

Он отправил по сети несколько изображений, где сравнивались мои движения по коридорам и каютам с записями перемещений членов экипажа в тех же местах. Я расслабился, покинув пересадочное кольцо, но расслабленным не выглядел. Скорее я выглядел как автостраж в патруле.

– В пересадочных кольцах никто этого не заметил.

Я знал, что рискую. Я добрался сюда, потому что люди и дополненные люди в пересадочных кольцах и на коммерческих причалах не видели автостражей, разве что в сериалах или в новостях, где они главным образом убивают людей или уже развалились на мелкие кусочки. Если бы меня заметил человек, имевший дело с автостражем по долгосрочному контракту, он, скорее всего, понял бы, кто я.

ГИК вызвал карту. Станция «РавиХирал-Кью» находилась на третьем по величине естественном спутнике газового гиганта. Карта вращалась, высвечивались разные сооружения – рудники, вспомогательные и портовые службы. Порт там был один.

«В этих местах работают или работали автостражи. Тебя увидят люди, знакомые с автостражами».

Как же меня раздражало, когда ГИК оказывался прав.

– С этим я ничего не могу поделать.

«Ты же не изменишь свой внешний вид».

В его тоне я расслышал скепсис.

– Не изменю. Сам посмотри спецификации автостражей.

«Автостражи никогда не меняются».

Скепсис в тоне усилился. Очевидно, ГИК достал данные по автостражам из базы данных и изучил их.

– Да. Изменяют сексботов.

Я видел по крайней мере одного измененного. Некоторые остаются стандартными ботами с незначительными модификациями, другие же кардинально преобразуются.

– Но это делают в ремонтных боксах распределительного центра. Для этого мне понадобился бы медотсек. Полноценный, а не просто аптечка первой помощи.

«У меня есть полноценный медотсек. Можно переделать тебя там».

Это верно, но даже такой хороший медотсек, как у ГИКа, способный производить тысячи автоматических операций на людях, не запрограммирован на физическое изменение автостража. Может, я и сумею его наладить, но есть одна серьезная проблема. Изменение моих органических и неорганических частей повлечет за собой катастрофическую потерю функциональности, если меня не выключить во время процедуры.

– Теоретически. Но я не смогу управлять процессом.

«Я смогу».

Я промолчал и снова начал копаться в своих медиафайлах.

«Почему ты не отвечаешь?»

Я уже достаточно хорошо изучил ГИКа и понимал, что он не отстанет, а потому пришлось ответить:

– Хочешь, чтобы я доверился тебе и отключился, когда ты будешь изменять мою конфигурацию? Пока я буду беспомощен?

Он имел наглость ответить обиженным тоном:

«Я проводил множество процедур над членами экипажа».

Я встал, прошелся, пару минут пялился на переборку, а потом запустил диагностику.

– А с чего вдруг ты решил мне помочь? – наконец спросил я.

«Я привык помогать членам экипажа со сложным анализом данных и многочисленными экспериментами. Когда я в режиме корабля, мои мощности простаивают, и мне скучно. Решить твои проблемы – это интересное побочное занятие».

– Так тебе скучно и я – твоя лучшая игрушка? – Находясь на складе, я бы все отдал за двадцать один цикл свободного времени без присмотра. ГИК не вызывал у меня сочувствия. – Если тебе скучно, посмотри сериалы, которые я тебе дал.

«Насколько я понимаю, твое выживание как бесконтрольного автостража висит на волоске».

Я хотел его поправить, но прикусил язык. Я не считал себя бесконтрольным. Я взломал свой модуль контроля, но подчинялся приказам (по крайней мере, большинству из них). Я не сбежал от компании – доктор Мензах купила меня на законных основаниях. А если я покинул отель без ее разрешения, то она ведь не приказывала мне не уходить. Знаю, последний аргумент не слишком убедительный.

Бесконтрольные автостражи убивают людей и дополненных людей, своих клиентов. Я... тоже однажды так поступил. Но не по своей воле.

Мне нужно точно знать, по своей воле я это сделал или нет.

– Мое выживание не висит на волоске, если я продолжу путешествовать на пустых кораблях.

И научусь избегать таких говнюков, которые мне угрожают, оспаривают все мои решения и заманивают в медотсек, где могли бы надо мной поэкспериментировать.

«Это все, чего ты хочешь? Ты не хотел бы вернуться к своему экипажу?»

– У меня нет экипажа, – отрезал я.

Он послал мне изображение из новостей, которое я сам ему дал, групповой снимок «Сохранения». Все в серой форме, улыбаются. Этот снимок сделали, когда контракт только начался.

«Разве это не твой экипаж?»

Я не знал, что на это ответить.

Я много тысяч часов смотрел и читал о разных вымышленных людях и полюбил их. А когда оказался с настоящими людьми, которых можно полюбить, и потом кто-то попытался их уничтожить, я защитил их и в процессе рассказал о взломанном модуле контроля. И поэтому уехал. Да, я знаю, все несколько сложнее.

Я поразмыслил над тем, почему не хочу менять конфигурацию, пусть и для самозащиты. Может, потому, что люди меняют конфигурацию сексботов. А я, как-никак, киллербот, должны же мои стандарты быть выше?

Мне не хотелось становиться еще больше похожим на человека. Даже когда я был в броне, клиенты из «Сохранения», едва увидев мое лицо, лицо человека, сразу решили обращаться со мной как с личностью. Они заставляли меня летать в отсеке экипажа вертушки, звали на обсуждения, разговаривали со мной. О моих чувствах. Этого я не выношу.

Но на мне больше нет брони. Моя внешность и сходство с дополненным человеком – вот моя новая броня. Которая не сработает, если я окажусь среди людей, знакомых с автостражами.

Все казалось бесполезным, и на меня снова накатила волна «мне на все плевать». А почему я должен волноваться? Люди мне нравились, нравилось смотреть про них сериалы. Там они со мной не взаимодействуют, это безопасно. И для меня, и для них.

Если бы я прилетел на «Сохранение» с Мензах и остальными, она бы гарантировала мою безопасность, но мог бы я гарантировать ее?

Изменение внешней конфигурации по-прежнему казалось мне слишком радикальной мерой. Но ведь и взлом модуля контроля – мера не менее радикальная. Как и побег от доктора Мензах.

«Не понимаю, почему тебе так сложно принять решение», – сказал ГИК почти с грустью. Я тоже не понимал, но не собирался ему об этом сообщать.

* * *

Я задумался на два полных цикла и ничего не обсуждал с ГИКом. Мы вообще не разговаривали, только смотрели вместе сериалы. И он научился сдержанности, о которой я даже не подозревал, и уже не пытался затеять со мной спор.

Я понимал, что до сих пор мне везло. Покинув Порт свободной торговли, уже на борту корабля я сравнивал себя с записями людей и попытался избавиться от особенностей, по которым можно было вычислить, что я автостраж. Сильнее всего нуждались в корректировке произвольные движения. Люди и дополненные люди постоянно переминались с ноги на ногу, когда стояли, а еще реагировали на резкие звуки и яркий свет, почесывались, приглаживали волосы, копошились в карманах или сумках, проверяя, там ли вещи, которые наверняка там.

Автостражи стоят неподвижно. По умолчанию автостраж стоит, уставившись на то, что охраняет. Частично потому, что неорганическим деталям нет нужды двигаться, в отличие от органических. Но главным образом потому, что мы не хотим привлекать внимания. Из-за любого необычного движения человек может решить, будто с тобой что-то не так, а за этим последует более тщательный осмотр. Если ты обслуживаешь дрянной контракт, люди могут приказывать системе тебя обездвижить.

Проанализировав человеческие движения, я написал для себя код, чтобы периодически шевелиться непредсказуемым образом в период бездействия. Изменять ритм дыхания, реагируя на перемены в воздухе. Изменять скорость шагов, физически отвечая на стимулы, а не

просто сканируя их. Этот код провел меня через второе пересадочное кольцо. Но согдится ли он на кольце или базе, где люди хорошо знакомы с автостражами?

Я немного изменил код и попросил ГИКа снова записать, как я двигаюсь по коридорам и каютам. Я попытался как можно больше походить на человека. Я привык чувствовать в их обществе неловкость и постарался выразить это в движениях. Результат мне понравился. Пока я не взглянул на записи и не сравнил их с записями экипажа ГИКа и других автостражей.

Я сумел обдурить только самого себя.

Изменение движений сделало меня больше похожим на человека, но пропорции тела соответствовали автостражу. Я мог обмануть людей, которые меня не ищут, потому что люди обычно не обращают внимания на нестандартное поведение в пересадочных кольцах. Но если кто-то начнет меня искать, если получит оповещение о бесконтрольном автостраже, его не обдуришь, и простое сканирование, нацеленное на поиск подходящего по размеру и весу бота, точно укажет на меня.

Решение было логичным и очевидным, но я бы скорее содрал с себя человеческую кожу, чем согласился с ним.

И все-таки придется согласиться.

* * *

После долгих споров мы решили, что лучше всего на два сантиметра уменьшить длину рук и ног. Перемена вроде бы не особо значительная, но пропорции больше не будут соответствовать стандартам автостража. Это изменит и походку, и движения. Звучало разумно, и я согласился.

Потом ГИК сказал, что нужно еще изменить код, отвечающий за органические части, чтобы начали расти волосы.

Моя первая мысль была – да ни в жисть! У меня есть волосы на голове, а еще брови – такова конфигурация автостражей и сексботов, хотя волосы автостража всегда короткие, чтобы не мешали броне. Смысл в том, чтобы конструкты выглядели как люди и не пугали клиентов своим внешним видом (на это я мог бы возразить, что автостражи – вселяющие страх машины для убийства и все равно пугают людей, но никто в компании не стал бы слушать). Но больше нигде на коже волос нет.

Я сказал ГИКу, что мне и так хорошо, дополнительные волосы только привлекут ненужное внимание. Он ответил, что речь идет о тонких и редких волосах на коже в некоторых местах, как у людей. ГИК сделал анализ и вывел список биологических черт, которые люди подсознательно замечают. Волосы – единственная из таких особенностей, которую можно изменить с помощью кода, а еще ГИК предложил придать сочленениям между органическими и неорганическими частями на руках, ногах, груди и спине сходство с имплантами, какие бывают у людей по медицинским или другим причинам. Я отметил, что люди и дополненные люди избавляются от волос на теле по гигиеническим или косметическим соображениям, да и вообще – на кой черт они сдались? ГИК возразил, что людям не приходится волноваться о том, не спутают ли их с автостражами, а потому они могут делать со своим телом что угодно.

Я по-прежнему спорил, просто не желая соглашаться с аргументами ГИКа. Но это, по сравнению с удалением двух сантиметров синтетической кости и металла из рук и ног, выглядело пустяком.

У ГИКа был и другой – более радикальный – план, включающий создание половых органов, но я заявил, что об этом и речи быть не может. У меня не было половых органов, и мне это нравилось. Я видел, как люди занимаются сексом в сериалах или во время контрактов, ведь мне приходилось записывать все действия и разговоры клиентов. Нет, спасибо. Нет, нет и нет.

Но я попросил изменить порт у меня в затылке. Это уязвимое место, и я не хотел упустить возможность им заняться.

Как только мы пришли к согласию, я встал перед капсулой медотсека. Медсистема стерилизовала ее и подготовила; в воздухе висел стойкий запах антисептиков, напоминая, как я приносил в подобные отсеки раненых клиентов. Я задумался о том, что все может пойти не так и что именно ГИК способен сотворить со мной, если захочет.

«В чем причина задержки? – спросил ГИК. – Подготовка еще не завершена?»

У меня не было причин ему доверять. Разве что сыграло роль то, с каким интересом он смотрел сериалы про экипажи кораблей и как расстраивался от слишком реалистичного насилия.

Я вздохнул, разделся и лег на хирургический стол.

Я снова включился и обнаружил, что производительность составляет 26 %, но медленно растёт. Локтевые суставы и колени так сильно пульсировали болью, что я не мог ее подавить. Человеческая кожа зудела. И я подтекал. Терпеть этого не могу.

Для просмотра медиафайлов производительности не хватало. Я мог лишь лежать в ожидании восстановления параметров. От попыток пошевелиться становилось только хуже. Я уже пожалел, что не прибегнул к плану номер шестнадцать по выведению ГИКа из строя – у этого плана был самый высокий шанс закончиться успешно без катастрофических последствий для меня. В тот миг привлекательным выглядел даже план номер два, предусматривающий взрыв корабля. Ну и дураком же я был, когда согласился.

Ощущения были такими, словно я лежу в боксе, после того как меня раскрошили на кусочки: вот только бокс отключал высшие функции до окончания ремонта. Я ведь знал, что медсистема не способна уменьшить уровень боли, но не думал, что будет настолько плохо. Температуру тела я тоже не мог изменить, но я не мерз, потому что медсистема поддерживала температуру отсека и капсулы на комфортном уровне. Должен признать, это приятно, боксы этого не умеют.

Постепенно уровни выровнялись, и я восстановился до такой степени, что сумел вызвать болевой сенсор и отключить зуд. Немного боли, чтобы я не двигался, пока не наращу органические ткани, мне не помешает.

ГИК шнырял по сети, но благородно не пытался со мной заговорить. На 75 % производительности я решил сесть.

Медсистема забросала меня предупреждениями, а ГИК сказал:

«Нет нужды двигаться. Во время процедуры я провел поиск по внутренним новостным базам на предмет необычных смертей на горнодобывающих предприятиях. Хочешь узнать мои выводы?»

Я откинулся назад, ощутив, как органические части шлепнулись на теплый металл стола. Теперь у меня потекло из другого места. Я сказал ГИКу, что и сам умею читать результаты поиска, чтоб ему провалиться.

«Я уступаю тебе в умении стрелять и убивать. Ты уступаешь мне в умении анализировать данные».

Ну ладно, сказал я, давай уж. Я не ожидал услышать что-либо полезное.

Он послал свои умозаключения по сети. Признаю, большое число смертей при необычных обстоятельствах наверняка привлекло бы внимание новостных лент, как, к примеру, случай с «Дельтой». Происшествие на станции «РавиХирал» посчитали несчастным случаем, но, поскольку компания выплачивала страховку, возникла юридическая баталия. Хотя если в новостях говорилось о том, что всех убил бесконтрольный автостраж, это я и так уже знал.

В записях нескольких новостных каналов указывалось, что произошло это на карьере Ганака. Все сведения поступали из Калидона, политического сообщества Корпоративного кольца, где находилась компания, финансирующая карьер Ганака. Пятьдесят семь погибших. Причиной назвали «отказ оборудования».

Автостражи числились оборудованием.

Не дождавшись от меня ответа, ГИК добавил:

«Значит, твое первоначальное предположение было правильным, инцидент в самом деле произошел. Идет расследование».

Мне хотелось отключиться, но это помешало бы процессу восстановления.

«Хочешь посмотреть сериал?» – спросил ГИК.

Я не ответил, но включил серию «Лунного заповедника».

* * *

Спустившись наконец со стола, я грохнулся на палубу, хотя к концу того цикла почти пришел в норму. Первым делом я смыл кровь и другие жидкости в примыкающей к медотсеку душевой. В дежурке находилось помещение, где можно было почиститься от крови после схватки или ремонта, но я ни разу не пользовался человеческими ванными. У ГИКа они были неплохими; очистительная жидкость в рециркуляторе очень напоминала воду, без химанализа и не заметишь разницы. Можно было поднять температуру, и пахло там хорошо. После мытья от меня пахло как от чистого человека, даже странно.

В разных местах появились клочки мелких волос, что тоже было странно, но не так раздражало, как я ожидал. Может вызвать неудобство, когда буду натягивать скафандр, но люди, похоже, как-то справлялись и не жаловались, так что и у меня получится. Изменения в коде также сделали мои брови гуще, а волосы на голове на несколько сантиметров длиннее. Очень необычное ощущение.

Я пошел в спортзал корабля и протестировал себя на беговой дорожке и других тренажерах, убедился, что оружие исправно и прицел не сбив. Стрелять я не стал, поскольку ГИК объявил, что в этом случае включит систему пожаротушения.

Я долго рассматривал себя в зеркало.

Я уверял себя, что по-прежнему выгляжу как автостраж без брони, хотя на самом деле больше походил на человека. И теперь я понял, почему мне этого так не хотелось.

Теперь сложнее будет притвориться, что я не личность.

* * *

Кротовую нору мы прошли по расписанию. Оказавшись вблизи пересадочного кольца, ГИК включил каналы связи и нашел для меня инфопакет о месте назначения, включающий детальную карту РавиХирала. Но как я ни вращал ее под разными углами, это не всколыхнуло в памяти никаких подробностей. Однако любопытно, что карьер Ганака нигде не значился.

Я чувствовал ГИКа в моей сети, он снова заглядывал через воображаемое плечо. Я проверил метки времени и заметил, что после инцидента карту несколько раз обновляли.

– С карты кое-что удалили.

«Это нормально?» – спросил ГИК.

Он имел дело только со звездными картами, а удалить что-либо с таких – целое светопредставление.

– Не знаю, насколько это в порядке вещей, но это имеет смысл, если компания или клиенты желают скрыть случившееся.

Если компания и дальше хочет продавать автостражей горнодобывающим предприятиям, для нее важно скрыть или хотя бы завуалировать те смерти. Может, компания не устраивала судебный процесс, а быстро выплатила страховку – при условии, что клиенты не раскроют подробностей происшествия общественности. С «СерКризом» и «Дельтой» ситуация была совсем другой: в дело оказалось вовлечено много сторон, и компания была во всех новостях, пытаясь перетянуть симпатии на свою сторону.

ГИК обнаружил еще больше исторических сведений, сделав поиск по названиям рудников и сервисных компаний. «РавиХирал» основали несколько компаний, обладающих правами на недра в различных районах спутника. Но за два года бóльшую часть прав выкупила компания «Умро», хотя многие изначальные компании по-прежнему работали подрядчиками. Ни одно из названий не было мне знакомо.

Придется разобраться, где находится Ганака. Меня наверняка отправили туда как груз – это значит, что у меня не сохранились бы воспоминания о полете, даже если бы их не стерли.

Я начал копаться в инфopakете в поисках расписания. Можно прилететь в порт РавиХирала на шаттле из пересадочного кольца. Но это не так-то просто. Да все тут не так-то просто. Судя по расписанию полетов, на борт шаттлов разрешался доступ только людям с рабочими пропусками предприятий или вспомогательных служб. Никаких туристов, никто не прилетал туда без официального разрешения компании или подрядчика. А раз я не человек и у меня нет пропуска, придется взламывать систему, чтобы пробраться в грузовой шаттл.

ГИК все еще скачивал данные из станционной базы. Вдруг сообщил, что у него есть предложение, и показал несколько рекламных объявлений. Я видел их в сети Порты свободной торговли и последнего пересадочного кольца, но не обращал внимания. ГИК подчеркнул, что в одном объявлении группа инженеров приглашает на временную должность охранника по контракту.

– И что? – спросил я, не понимая, зачем он мне это показывает.

«Если эта группа тебя наймет, ты получишь пропуск от предприятия».

– Наймет? Да ты в своем уме?

Я заключил столько контрактов, что все и не упомнишь (причем в буквальном смысле, многие были до очистки памяти), но ни разу – по собственной воле. Компания доставала меня со склада, показывала клиенту и упаковывала в грузовой контейнер.

«Мой экипаж нанимал консультантов для каждого путешествия. Это простая процедура».

ГИК явно терял терпение, оттого что я не похвалил его великолепную идею.

– Для людей и дополненных людей, – упирался я.

Пришлось бы взаимодействовать с людьми и дополненными людьми. Знаю, для того мы и изменили мою конфигурацию, но я представлял, что буду иметь дело с людьми на расстоянии или в переполненном пересадочном кольце. Взаимодействие означает разговоры, зрительный контакт. Моя производительность упала от одной только мысли об этом.

«Это просто, – напирал ГИК. – Я тебе помогу».

Ага, бот огромного корабля поможет автостражу притвориться человеком. Дело житейское.

* * *

Как только ГИК пристыковался к пересадочному кольцу и автоматические буксировщики начали разгружать трюмы, он открыл шлюз, и я выскользнул в зону посадки. ГИК дал мне доступ к своему каналу связи, чтобы он мог сопровождать меня по пересадочному кольцу. Он заявил, что поможет и – пусть в этом я сомневался – хотя бы составит мне компанию. Покинув безопасный корабль, я сразу потерял 4 % производительности. Я подключился к развлекательным каналам станции, чтобы загрузить новые сериалы и успокоиться.

Я уже отправил запрос по поводу объявления в социальную службу и получил ответ с местом и временем встречи. Когда я в прошлый раз назначил встречу с людьми, они похитили Мензах и взорвали меня. Хуже вряд ли будет.

Я проложил себе путь, взломав системы безопасности, через зоны посадки и дальше, в главную аллею кольца. По сравнению с предыдущим пересадочным кольцом и Портом свобод-

ной торговли, оно выглядело утилитарным. Ни модульных садов, ни голографических скульптур, ни больших щитов с голографической рекламой услуг корабелов, торговых представителей и других специалистов, ни сверкающих торговых автоматов. Но сюда не прибывали крупные пассажирские корабли, не было здесь и толп людей и ботов. Идея ГИКа начинала казаться не бессмысленным риском, а необходимостью. Слиться здесь с толпой будет сложнее, ведь все прилетают сюда на пути к предприятиям на спутнике.

«Я же тебе говорил», – сказал ГИК по каналу связи.

Встречу устроили в закуской на главной аллее. Я зашел в прозрачный купол на втором этаже и стал осматривать расходящиеся дорожки и прилавки внизу. Внутри было много открытых уровней со столами и стульями, на сорок процентов заполненных людьми и дополненными людьми. Проходя между ними, я услышал привычный гул дронов, но никто меня не пинговал. В воздухе висели ароматы еды и едкий запах опьяняющих веществ. Я не утруждался их идентифицировать, потому что был слишком взбудоражен и изо всех сил старался выглядеть как дополненный человек.

Люди, с которыми я встречался, прислали изображение, чтобы я их узнал. Их было трое, все в рабочей одежде, но без логотипов. Быстрый поиск показал их профили в социальной сети пересадочного кольца. Они называли себя независимыми работниками, но могли бы назваться как угодно – в местной сети никто не проверял личность. Две женщины и человек третьего пола из группы некорпоративных политических сообществ, которая назвалась «Кластер Диварти».

Чтобы назначить встречу, мне тоже пришлось создать профиль в социальной сети. Систему оказалось легко взломать, и я создал аккаунт задним числом, как будто прибыл раньше, на пассажирском корабле, в качестве профессии указал «консультант по безопасности», а пол – неопределенный. От имени капитана собственного корабля ГИК написал мне отзыв предыдущего нанимателя.

Я заметил их за столиком у прозрачного купола. Они о чем-то тихо и напряженно переговаривались, язык тела ясно показывал их нервозность. Я подошел к ним; быстрое сканирование показало отсутствие оружия – только небольшое излучение от личных интерфейсов связи. У одной был имплант, но всего лишь для доступа к сети невысокого уровня.

Я отрепетировал этот момент с ГИКом на подлете к кольцу и записал себя, чтобы мы оба могли взглянуть критично. Я сказал себе, что все получится, и придал лицу нейтральное выражение, какое делал обычно, когда менеджер базы обнаруживал слишком большой поток загрузок и винил в этом инженеров-людей. Подошел к столу и сказал:

– Приветствую.

Все трое вздрогнули.

– Э-э-э... – промычал человек третьего пола, опомнившийся первым. – Привет.

Я подключился к камере безопасности, чтобы видеть себя и контролировать выражение лица. С людьми проще разговаривать, глядя на них через камеру. Я прекрасно понимаю, что это лишь иллюзия дистанции, но мне это нужно.

– Мы назначили встречу, – сказал я. – Я Эден, консультант по безопасности.

Ага, так зовут персонажа из «Лунного заповедника». Но вас это вряд ли удивит.

Третьеполюе откашлялось. У него были фиолетовые волосы и красные брови, выделяющиеся на светло-коричневой коже.

– Меня зовут Рами, это Тапан, а это Маро.

Оно нервно поерзало и хлопнуло по пустому стулу.

ГИК куда быстрее меня провел поиск и сообщил, что у людей это означает приглашение сесть. Когда я сел, он объяснил происхождение жеста. Вы могли бы подумать, что автостраж, в которого много раз стреляли, которого взрывали, которому стирали память и которого один раз вообще чуть не разобрали на детали, не начнет паниковать в подобных обстоятельствах. Так вот, вы бы ошиблись.

– Хм, даже не знаю, с чего начать, – добавило Рами.

Тапан ткнула его в бок локтем, вероятно выражая моральную поддержку. Ее разноцветные косички были закручены вокруг головы, из уха торчал синий интерфейс, а кожа у нее была чуть темнее, чем у Рами. У Маро была очень темная кожа, серебристые кудряшки и красивое личико, прямо как на развлекательных каналах. Мне никогда не удавалось верно определить возраст людей, потому что мне, в сущности, на него плевать. Кроме того, людей я знаю в основном по развлекательным каналам, а там они совсем не похожи на реальных (еще одна причина, по которой я не в восторге от реальности). Однако я решил, что все трое молоды. Не дети, но, вероятно, чуть старше подростков.

Они уставились на меня, и я понял, что нужно прийти им на помощь.

– Вам нужен консультант по безопасности? – осторожно начал я.

Такое объявление они дали в социальной сети, и, судя по многочисленным подобным запросам, это обычное дело для групп и отдельных людей – все хотят нанять частную охрану перед поездкой на РавиХирал. Вероятно, людей-охранников нанимают, когда не могут позволить себе настоящую охрану.

Похоже, Рами вздохнуло с облегчением.

– Да, нам нужна помощь.

Маро огляделась и сказала:

– Наверное, не стоит разговаривать здесь. Мы можем пойти куда-нибудь еще?

Мне стоило большого нервного напряжения прийти и сюда и не хотелось перемещаться. Я быстро просканировал окрестности на предмет дронов и устроил сбой связи между рестораном и системой безопасности пересадочного кольца. Я засек камеру и передал ГИКу, как ему следует поступить. Он стер записи обо мне в системе и отключил нацеленную на стол камеру. Я восстановил связь с системой безопасности кольца. Она не заметит неработающую камеру, пока мы здесь сидим.

– Все в порядке. Нас не записывают, – сказал я.

Они вытаращились на меня.

– Но система безопасности... – сказала Рами. – Ты что-то сделал?

– Я консультант по безопасности, – повторил я.

Уровень паники начал снижаться, главным образом потому, что они так явно нервничали. Обычно люди нервничают в моем присутствии, потому что я ужасающий киллербот, а я мандражирую из-за того, что они люди. Но я знал, что и люди иногда опасаются друг друга в ситуациях, далеких от боевых или состязательных. Похоже, сейчас происходит именно это, но зато в одном из тех редких случаев, когда клиенты просят моего совета, я мог делать вид, что все идет как надо.

Как автостраж я обязан давать людям советы, когда они об этом просят, и теоретически я обладаю наиболее полной информацией о безопасности. Вот только не многие просили у меня советов или прислушивались к ним. Хотя не сказать, что это меня задевает.

На Тапан мои слова явно произвели впечатление.

– Так ты с прибавкой, да? Дополненный? – Она хлопнула себя по затылку, где находился порт. – У тебя есть доступ к сети?

«С прибавкой» – так иногда говорят про дополненных людей, я слышал это в сериалах.

– Да, – ответил я и добавил: – И не только.

Рами понимающе подняло красные брови.

– Не знаю, можем ли мы себе позволить... – сказала пораженная Маро. – Наши счета... Если мы вернем свои данные, может, тогда...

– Тогда денег у нас, чтобы с тобой расплатиться, будет в избытке, – вставило Рами.

ГИК, явно заинтересованный в сценарии с работой, начал рыскать по сети в поисках размеров зарплаты частных консультантов по безопасности. Я напомнил себе, что пытаюсь не

выглядеть автостражем, и потому покажется вполне естественным, если я задам им вопросы. Начать я решил с самого основного.

– Почему вы хотите меня нанять?

Рами посмотрело на своих коллег, те кивнули, и оно откашлялось.

– Мы работали на РавиХирал в «Экскаваторах Тлейси», это мелкий подрядчик «Умро». Занимались геологическими исследованиями и технологическими разработками.

Рами объяснило, что они технологи, всего их семеро плюс иждивенцы, все путешествуют по рабочим контрактам. Остальные сейчас дожидаются в номере отеля, а Рами, Тапан и Маро выступают от их имени. Я с облегчением услышал, что они занимаются исследованиями, потому как во всех моих контрактах технические специалисты обычно не приближались к карьере, и мы редко их видели, если только они не обдалбывались так, что пытались убить друг друга, а такое случалось редко.

– В «Тлейси» отличные условия, – добавила Тапан. – Ну, может, и не настолько отличные, но ты понял.

ГИК быстро порыскал по сети и сообщил, что это такая фигура речи. Я ответил, что и без него знаю.

– Мы заключили контракт, – продолжило Рами, – потому что это дало нам время заняться собственным проектом. Мы хотели разработать новую систему обнаружения странных синтетиков: на РавиХирал много известных месторождений, так что это отличное место для исследований.

Странные синтетики – это оставленные инопланетной цивилизацией вещества. Во время горной добычи нужно отличать их от природных образований, а это непросто: как и останки инопланетной цивилизации, обнаруженные «СерКризом», их запрещено добывать. Это все, что мне известно, поскольку, когда дело касалось инопланетного материала, я просто стоял рядом и охранял работающих людей.

ГИК попытался мне объяснить, но я сказал, что мы разберемся в этом потом: сейчас мне нужно сосредоточиться.

– Мы делали большие успехи, – сказала Рами, – но вдруг с нами без предупреждения расторгли контракт и забрали все наши данные...

Тапан всплеснула руками.

– Вся нашу работу! Она не имела отношения к контракту...

– «Тлейси» просто ее украла, – добавила Маро, – и уничтожила последнюю версию нашего прибора. У нас есть копии более старых версий, но последнюю мы потеряли.

– Мы подали жалобу в «Умро», – сказала Рами, – но пока ее рассмотрят, пройдет целая вечность, да и неизвестно, каким будет результат.

– Кажется, с этим нужно обращаться к юристу, – сказал я.

В этом нет ничего необычного. Компания тоже ворует данные, но редко бывает столь неуклюжей и очевидной, чтобы удалять работу. Ведь в таком случае изобретатели больше не вернутся и не заключат новый контракт, который даст компании доступ к новым данным.

– Мы думали о юристе, – сказала Рами. – Но мы не в профсоюзе, а потому стоит это будет дорого. Но вчера из «Тлейси» наконец пришел ответ на нашу жалобу; там говорится, что мы можем получить свои файлы, если вернем премию. А для этого придется лететь на РавиХирал. – Оно откинулось на спинку стула. – Вот почему мы хотим нанять тебя.

Происходящее начало обретать смысл.

– Вы не доверяете «Тлейси».

– Нам просто нужен тот, кто будет нас прикрывать, – пояснила Тапан.

– Да, мы определенно не доверяем «Тлейси», – возразила Маро. – Ни в малейшей степени. Нам нужна охрана на случай, если положение станет... щекотливым. Нас должна встре-

тить лично Тлейси, у нее есть телохранители, но больше там нет никакой охраны, не считая охранников «Умро» в общественных зонах, да и тех немного.

Я не очень понял, что значит «щекотливое положение», но все возможные сценарии не предвещали ничего хорошего.

Компания предлагает клиентам использовать автостражей, чтобы не нанимать людей для защиты друг от друга. Насколько я могу судить по сериалам, даже когда работаю спустя рукава, я все равно справляюсь в два раза лучше любого человека.

Я по-прежнему смотрел на нас через камеру, хотя она ничего не записывала. Я заметил, что на моем лице отразилось сомнение, но ситуация была как раз подходящей.

– Встречу с Тлейси нужно провести по выделенному каналу связи, – сказал я.

Компания предоставляет такие для передачи денег и данных.

На лице Маро отразились еще более серьезные сомнения.

– Да, но Тлейси хочет встретиться лично.

– Мы понимаем, как паршиво это звучит, – призналось Рами.

Это звучало бы прекрасно, если бы они хотели покончить с собой. Я-то надеялся на простую работенку, что-то вроде курьера. Но охранять людей, отправляющихся навстречу опасности, – это именно то, для чего меня создали. И я занимался этим, хотя и всячески отлынивал, даже после того, как взломал модуль контроля. Я привык приносить пользу, заботиться о ком-то, даже если это всего лишь клиенты, обращающиеся со мной как с инструментом, а не с игрушкой (если повезет).

После «Сохранения» я понял, насколько по-другому этот момент ощущается, если я становлюсь настоящим членом группы, которую охраняю. Потому я и здесь.

Я сформулировал это в вопросе, потому как лучший способ дать людям понять, что они делают глупости, – это задавать вопросы:

– Думаете, у Тлейси есть какие-то причины для личной встречи, кроме желания вас убить?

Тапан скривилась, словно услышала то, что и без того знала, но старалась выкинуть из головы. Маро хлопнула по столу и ткнула в мою сторону пальцем (это меня слегка встревожило, пока ГИК не определил этот жест как знак эмоционального согласия). Рами резко выдохнуло и сказала:

– Мы думаем... Мы не закончили, процедура не завершена, но перспективы отличные... Наверное, они подслушали наш разговор по сети и решили, что мы продвинулись дальше, чем это есть на самом деле. И я не знаю, сумеют ли они закончить прибор. Может, они поняли, что без нас ничего не выйдет.

– Может, Тлейси хочет, чтобы мы снова на нее работали, – с надеждой произнесла Тапан. Возможно. Прежде, чем она вас убьет. Этого я не сказал.

Маро фыркнула:

– Я лучше буду жить в коробке на главной аллее станции, чем снова на нее работать.

Как только они начали об этом говорить, остановить их было сложно. Мнение группы по поводу того, что делать, разделилось, и это было явно болезненно для них, ведь они привыкли во всем соглашаться. Тапан, которая, с точки зрения Маро, была слишком наивна для реального мира, хотела попробовать. Маро, которая, с точки зрения Тапан, была слишком цинична для веселья и прогресса, считала, что их поймали и теперь осталось только смириться с потерями. Рами колебалось, вот почему его выбрали лидером коллектива на время разрешения этой проблемы. Рами явно не наполнилось уверенностью, но хотело осторожно попытаться.

Наконец Рами подвело итог:

– Ну так вот, поэтому мы и решили тебя нанять. Подумали, что лучше лететь с охраной, чтобы ее люди не попытались на нас напасть, показать ей, что у нас есть поддержка.

Им нужна была компания, которая застраховала бы встречу и обратный полет, послав с ними автостража для гарантии безопасности. Но услуги страховых компаний дороги, к тому же компанию не заинтересует такая мелкая работа.

Они встревоженно уставились на меня. На изображении с камеры под этим углом они выглядели такими маленькими. Такими нежными, с этими-то цветными волосами с начесом. И взвинченными. Но не от моего присутствия.

– Я согласен на работу, – сказал я.

Рами и Тапан явно обрадовались, а Маро, не желающая туда лететь, смирилась.

– Сколько вы хотите? – спросила она и неуверенно взглянула на остальных. – В смысле, я не знаю, можем ли мы это себе позволить.

У ГИКа уже имелось наготове несколько таблиц, но я не хотел отпугивать клиентов слишком высокими цифрами.

– А сколько вам платили перед увольнением?

– Двести ТВ за цикл каждому на время контракта.

Похоже, больше одного дневного цикла работа не займет.

– Вот столько и заплатите.

– Как за один цикл по контракту? – Рами выпрямилось. – Seriously?

Его реакция означала, что я запросил маловато, но было уже слишком поздно исправлять ошибку. Нужно придумать причину, по которой я вдруг согласился на такую сумму, и я решил, что лучше всего частичная правда.

– Я хочу проникнуть на РавиХирал, а для этого мне нужен рабочий контракт.

– Зачем? – спросила Тапан, а Рами укоризненно ткнуло ее в бок. – Ну то есть я понимаю, что мы не имеем права спрашивать, но...

Не имеют права спрашивать. Такого мне никогда не говорили – до «Сохранения». Я снова сказал правду:

– Нужно кое-что выяснить для другого клиента.

Как и ГИК, они понимали, что представляет собой такое исследование (в особенности конфиденциальное), и больше не стали задавать вопросов. Рами сказало, что они отбывают на РавиХирал в следующем цикле, а для меня затребуют пропуск как для личного работника. Мы договорились встретиться у зоны посадки шаттлов, и я ушел. Выйдя из зоны обзора камеры, я тут же ее включил.

Я вернулся к ГИКу, уселся в любимое кресло и три часа смотрел сериал, пытаюсь успокоиться. ГИК проверил, нет ли в системе кольца предупреждений – на случай, если кто-то меня засек, – но там было пусто.

«Я тебе говорил», – сказал ГИК. В очередной раз.

Я его проигнорировал. Меня не вычислили, а значит, пришло время подумать над остальной частью плана. Но теперь придется еще и сохранить клиентам жизнь.

Я встретился с ними в зоне посадки. У меня был рюкзак (часть моей маскировки под человека), но в нем я нес только одну важную вещь – интерфейс для связи с ГИКом, который даст мне доступ к его базе знаний и непрошеным советам даже на РавиХирал. Я привык к поддержке системы жилмодуля и системы безопасности, теперь их место займет ГИК (обе системы отчасти нацелены на то, чтобы стучать на меня компании и наказывать через модуль контроля, но мне хватало и наказания в виде привычки ГИКа влезать куда не просят). Я вставил интерфейс во встроенное отделение под ребрами.

Три клиента уже меня ждали, каждый с небольшой сумкой или рюкзачком, поскольку они рассчитывали, что дело займет всего пару циклов. Я притормозил, пока они прощались с остальными членами группы. Все выглядели встревоженными. Коллектив числился в социальной сети как групповой брак, у них было пятеро детей разного размера. Как только все ушли и Рами, Маро и Тапан остались в одиночестве, я подошел к ним.

– Тлейси оплатила нам проезд на общественном шаттле, – сказала Рами. – Хороший признак, да?

– Конечно, – отозвался я.

Ужасный признак.

Рабочий пропуск разрешал мне проход через зону посадки, сканера оружия там не было. На РавиХирал разрешалось ношение личного оружия, а в общественных зонах была слабая охрана – вот почему маленьким группам людей необходимы частные охранники. Около шлюза шаттла я послал сообщение ГИКу: «Можешь просканировать шаттл на аномальное излучение так, чтобы этого не заметила система безопасности кольца?»

«Нет, но я объясню системе, что занимаюсь диагностикой и тестированием».

Уже в шлюзе ГИК ответил:

«Никаких аномалий, 90 % совпадений с заводскими установками».

Это в порядке вещей и означает, что, если там и есть взрывное устройство, оно пока неактивно и где-то спрятано. На борту ждали еще пятеро рабочих, мои сканеры не засекали никакого излучения. Они складывали сумки и рюкзаки, явно предназначенные для длительного пребывания. Я пропустил их вперед и проскользнул в шлюз перед Маро, попутно запустив сканирование.

Шаттлом управлял бот, а единственным членом экипажа был дополнительный человек – она, похоже, лишь проверяла рабочие пропуска и билеты. Она посмотрела на меня и сказала:

– Вас должно быть только трое.

Я не ответил, поскольку как раз боролся с системой безопасности за перехват контроля. Система была автономной от пилота, а это необычно для шаттлов, к которым я привык.

Тапан вздернула подбородок.

– Это наш консультант по безопасности.

Я получил контроль над системой безопасности шаттла и стер ее попытки предупредить пилота и членов команды о взломе.

Женщина нахмурилась, снова проверила пропуск, но спорить не стала. Мы прошли в каюту, где уже сидели другие пассажиры. Они раскладывали вещи и тихо переговаривались. Я

не стал исключать их из списка потенциальных угроз, но, судя по их поведению, вероятность была невелика.

Я сел рядом с Рами, а когда все разместились, снова вызвал ГИКа.

«Сканирую прицелы. Пока все чисто», – сообщил он.

Это значит, он не заметил на спутнике никакого оружия, нацеленного в нашу сторону. Если план таков, это случится не раньше, чем мы отчалим: в случае если кто-нибудь выстрелит со спутника по пересадочному кольцу, поднимется страшная шумиха и будут серьезные последствия, а может, и немедленные суровые меры со стороны службы безопасности кольца.

«Если в нас выстрелят по пути, мы не сможем этому помешать», – сказал я ГИКу.

Он не ответил, но я уже хорошо понимал, что это значит.

«У тебя нет оружия, – сказал я. В схеме его не было. По крайней мере, в доступной по открытой сети схеме. – Я прав?»

«У меня есть система антиметеоритной защиты», – признался ГИК.

Есть только один способ уклониться от метеоритов. Я никогда не бывал на военном корабле, но знал, что у них совсем другой уровень лицензирования и страховки. Если такой корабль случайно пальнет куда не надо, кто-то ведь должен заплатить за ущерб.

«То есть оружие у тебя есть».

«Для уклонения от метеоритов», – настаивал ГИК.

Я задумался, что за университет владеет ГИКом.

– Все нормально? – обеспокоенно взглянуло на меня Рами.

Я кивнул, пытаясь придать лицу нейтральное выражение.

Тапан подалась вперед и спросила:

– Ты в сети? Я тебя там не вижу.

– Я в частном канале с другом, который следит с кольца за отлетом шаттла, – объяснил я. – Нужно убедиться, что все в порядке.

Они кивнули и снова уселись.

Палуба задрожала, и это значило, что шаттл отстыковался от кольца и пришел в движение. Я решил наладить отношения с ботом-пилотом. Это была модель с ограниченной функциональностью, гораздо менее сложная, чем стандартный транспортный бот. Я велел системе шаттла сказать, что меня прислала служба безопасности кольца, и бот радостно меня поприветствовал. Член экипажа сидела на мостике, и я влез в ее канал и перехватил загрузки в социальную сеть и рабочие задачи, но она не управляла кораблем.

Я откинулся в кресле и немного расслабился. Судя по шумам в сети, люди по большей части смотрели развлекательные каналы, и я тоже испытывал искушение. Но нужно следить за пилотом. Может, это и излишняя осторожность, но таким уж я создан.

Через двадцать четыре минуты и сорок семь секунд полета, когда мы уже приближались к цели, пилот вскрикнул и умер – систему затопил убийственный вирус. Это произошло прежде, чем я или система безопасности успели это предотвратить. Я выставил стену, и вирус отскочил от нее. Я увидел, как он отметил задание выполненным и уничтожил себя.

Паршиво. ГИК! Я перехватил управление через систему безопасности. За семь и две десятых секунды нужно скорректировать курс. Член экипажа, которую тревога отвлекла от просмотра развлекательных каналов, в ужасе уставилась на приборную доску, а потом включила аварийный маяк. Она не умела пилотировать шаттлы. Я пилотирую вертушки и другие летательные аппараты в высоких слоях атмосферы, но в моем образовательном модуле не было ничего про шаттлы и другие космические корабли. Я запросил помощи у системы безопасности шаттла, и она отключила завывающую в каюте сирену. Только это не сильно помогло.

«Впусти меня к себе», – попросил ГИК так спокойно, будто мы обсуждаем, какой сериал посмотреть.

Я никогда не давал ГИКу полного контроля над своим мозгом. Я позволил ему изменить мое тело, но и только. Осталось три секунды. В шаттле мои клиенты и другие люди. И я открыл ему доступ.

Я как будто окунул голову под воду – так это описывают в книгах люди. Потом ощущение ушло, а ГИК оказался в шаттле, используя мою связь с системой безопасности, чтобы занять место уничтоженного бота. ГИК взял на себя управление, скорректировал курс и скорость, а потом нацелился на посадочный маяк и направил шаттл к главному порту РавиХирала. Член экипажа умудрилась-таки послать в порт запрос, хотя так и не восстановила дыхание. Руководство порта могло бы загрузить аварийную процедуру посадки, но время поджимало. Они никак не сумели бы нас спасти.

Рами дотронулось до моей руки и спросило:

– Все нормально?

Я моргнул.

– Да, – ответил я. Вспомнив, что люди обычно хотят услышать нечто большее, я ткнул пальцем в сторону сирен и добавил: – У меня чувствительный слух.

Рами сочувственно кивнуло. Остальные встревожились, но никаких оповещений не последовало, а наш маршрут по-прежнему числился в сети порта как прибывающий по расписанию.

Член экипажа объясняла руководству порта, что произошел катастрофический сбой, пилот убит и она не знает, почему шаттл до сих пор следует по обычному маршруту, а не врезался в спутник. Система безопасности шаттла пыталась проанализировать ГИКа и чуть не уничтожила при этом саму себя. Я взял ее под контроль, отключил тревогу и стер весь полет из ее памяти.

Когда стихла сирена, пассажиры с облегчением вздохнули. По моему предложению ГИК отправил в порт код ошибки, после чего мы стали приоритетным объектом и нас перенаправили с обычного причала к аварийному. Раз вирус должен был уничтожить нас в полете, вряд ли кто-то ожидает нас в зале посадки, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

По сети мы получили изображение порта, находящегося в вырубленной на склоне горы пещере, в окружении башен с орудиями антиметеоритной защиты. Настоящей антиметеоритной защиты, а не рельсовой пушки ГИКа, которую он скрывает под видом антиметеоритной защиты. В темноте на разных уровнях светились портовые огни, а пока мы поворачивали к маяку космопорта, мимо шныряли мелкие шаттлы.

Маро, прищурившись, наблюдала за мной. Заметив в сети изменение посадочной площадки, она наклонилась вперед и спросила:

– Ты знаешь, что произошло?

К счастью, я вспомнил, что никто не ждет от меня немедленных ответов на все вопросы. И это одно из преимуществ считаться дополненным человеком и консультантом по безопасности, а не автостражем.

– Поговорим, когда покинем шаттл, – ответил я, и всех это, похоже, устроило.

* * *

ГИК посадил шаттл на площадке порта. Мы вышли, а член экипажа пыталась объяснить, что случилось, подключаящим диагностическое оборудование техническим специалистам. ГИК уже смылся, стерев все следы своего присутствия, и система безопасности шаттла совершенно запуталась, хотя и осталась в целости, в отличие от бота-пилота.

По маленькой посадочной площадке сновали техспецы и боты. Я провел клиентов мимо них в пустой коридор, ведущий к главному порту, прежде чем кто-либо догадался их задержать. Я уже загрузил карту из общественной сети и проверял стойкость системы безопасно-

сти. Из коридора открывался вид на пещеру с многочисленными посадочными площадками на разных уровнях и прибывающими и взлетающими шаттлами. В дальнем конце стояли большие грузовозы для шахт.

Уровень безопасности, похоже, был неровным и зависел от паранойи владельца территории, по которой мы проходили. Это и преимущество, и вызов. Сеть пересадочного кольца уже предупредила, что многие люди здесь носят оружие, а потому на оружие не сканируют.

Мы вошли в главное здание (высокий купол с видом на пещеру, оставшуюся выше), огни высвечивали разноцветные жилы минералов. Я убедился, что нас никто не записывает, и остановил Рами. Все посмотрели на меня, и я сказал:

– Человек, с которым вы собирались встретиться, пытался вас убить.

Рами моргнуло, Маро вытаращила глаза, а Тапан набрала в легкие воздуха, приготовившись к спору.

– Шаттл заразили вирусом, и он уничтожил пилота. Я поддерживал связь с другом, который сумел загрузить через мой канал новый модуль пилотирования. Только поэтому мы не разбились.

Модуль мог бы направить шаттл на безопасную орбиту, но не сумел бы безошибочно произвести сложную посадку. Я понадеялся, что им это в голову не придет.

Тапан закрыла рот. Маро потрясенно спросила:

– Но как же остальные пассажиры? Член экипажа? Она что, убила бы всех?

– Если бы жертвами стали только вы, мотив был бы слишком очевиден, – объяснил я.

Мои слова явно подействовали.

– Вам следует немедленно вернуться на пересадочное кольцо, – сказал я и проверил по сети расписание.

Через одиннадцать минут отбывал общественный шаттл. У Глейси не будет времени выследить моих клиентов и запустить вирус, если они улетят быстро.

Тапан и Маро посмотрели на Рами. Оно размышляло, а потом напрягло челюсть и заявило:

– Я остаюсь. А вы улетайте.

– Нет, – тут же откликнулась Маро, – мы тебя не бросим.

– Мы пройдем через это вместе, – добавила Тапан.

Рами скуксилось – их поддержка растрогала его больше, чем напугала перспектива гибели. Оно взяло себя в руки и сдержанно кивнуло. Потом посмотрело на меня и сказало:

– Мы остаемся.

Внешне я не отреагировал, ведь я уже привык к тому, что клиенты принимают неверные решения, и научился контролировать выражение лица.

– Нельзя просто пойти на встречу. Они потеряли вас из виду, когда шаттл приземлился на другой площадке. Следует сохранить это преимущество.

– Но мы должны пойти на встречу, – возразила Тапан. – Иначе никак не получим обратно свой прибор.

Мне часто хочется хорошенько встряхнуть клиентов. Но я никогда этого не делаю.

– Глейси не собирается вам его отдавать. Она заманила вас сюда, чтобы убить.

– Да, но... – начала Тапан.

– Тапан, просто заткнись и послушай, – сердито прервала ее Маро.

– И что же нам делать? – спросило Рами.

Вообще-то, это не моя проблема. Я прибыл на место, и они мне теперь без надобности. Я могу затеряться в толпе и предоставить им возможность самим разбираться с кровожадной бывшей нанимательницей.

Но они мои клиенты. После взлома модуля контроля я не мог бросить клиентов, даже тех, которых не выбирал. А с этими я подписал контракт по своей воле. И не могу уйти. Я мысленно вздохнул.

– Нельзя встречаться с Тлейси на ее территории. Вы сами должны выбрать место. Не идеально, но сойдет.

* * *

Мои клиенты выбрали закусочную в центре порта. Она находилась на приподнятой площадке, столы и стулья были собраны кучками, а наверху парили экраны с рекламой портовых и сервисных служб и информацией о различных горных предприятиях. Экраны также выполняли функции записи, и потому место было популярно для деловых встреч.

Рами, Тапан и Маро выбрали столик и нервно теребили стаканы с напитками, которые заказали у шныряющего вокруг бота. Они вызвали Тлейси по громкой связи и ждали появления ее представителя.

Система безопасности в общественной зоне была сложнее, чем на шаттле, но не сильно. Я пробрался достаточно глубоко и получил доступ к аварийному оповещению и к камерам в нужном месте. Чувствовал я себя вполне уверенно. Я стоял в трех метрах от стола и делал вид, будто смотрю на экраны с рекламой и изучаю карту рудников, найденную в открытом доступе. Там было отмечено много заброшенных шахт, а еще туннели метро, ведущие в никуда. Одним из таких мест был карьер Ганака.

«Тут должен быть доступный архив информации, – сказал мне в ухо ГИК. – И оттуда карьер Ганака не удален: это вызвало бы подозрения у исследователей».

Зависит от исследователей. Тот, кто ищет странные синтетики, явно интересуется местом их обнаружения, но совсем не обязательно еще и обнаружившей их компанией или почему эта компания пропала. Кто бы ни убрал карьер Ганака с карты, он пытался скрыть его существование от случайных журналистов, а не стереть из памяти населения.

Данные ГИКа оказались верными, на спутнике были и другие автостражи. В семи отдаленных работающих карьерах на карте обнаружили логотипы пяти предлагающих автостражей страховых компаний, включая мою. Автостражи предотвращают воровство прав и не дают горнякам и другим служащим искалечить друг друга – это часть страховки. Автостражи не проходят через порт, разве что в качестве обездвиженного груза в транспортных контейнерах или ремонтных боксах, чтобы никого не волновать. Моя измененная конфигурация могла обмануть людей и дополненных людей, но не автостражей.

Если они меня увидят, то их система безопасности забудет тревогу. У них не будет выбора; да и в любом случае они приняли бы одно и то же решение. Если кто и знает, насколько опасен автостраж, так это другой автостраж.

И тут я почувствовал, как меня пингуют.

Я сказал себе, что ошибся. Но это повторилось. О-хо-хо.

Кто-то ищет автостражей – не просто ботов, а именно автостражей, – и он где-то близко. Он не послал запрос мне напрямую, хотя, если бы у меня был модуль контроля, пришлось бы ответить.

К столу, где сидели мои клиенты, подошли трое. Рами прошептало по сети:

«Это Тлейси. Надо же, явилась лично».

Двое других были здоровенными мужиками, и один ускорил шаг, подходя к столу. Судя по выражению лица Маро, он не собирался мирно их поприветствовать. Сканирование показало, что он вооружен.

Я встал между ним и столом, положил руку ему на грудь и сказал:

– Стоять.

По большинству контрактов это максимальный физический контакт, который мне разрешили с людьми. Но вы удивитесь, как часто этого бывает достаточно, если сделать правильно. Хотя тогда я носил броню и закрытый шлем. Теперь же я выглядел как обычный человек в обычной одежде, а это совсем другое. Но он, похоже, не собирался меня бить и не вытаскивал оружие.

Я мог бы разорвать его на клочки, как бумажную салфетку.

Он этого не знал, но наверняка понял по моему лицу, что он меня не беспокоит. Я сверился с камерой, чтобы узнать, как я выгляжу, и решил, что вид у меня скучающий. Обычное дело, ведь я всегда скучаю, когда работаю, просто этого не видно, пока я в броне.

Он весь подобрался и спросил:

– А ты еще что за хрен?

Мои клиенты вскочили, отбросив стулья.

– Это наш консультант по безопасности, – сказала Рами.

Охранник отступил и неуверенно покосился на второго телохранителя и Тлейси, дополненного человека женского пола.

Я опустил руку, но не сдвинулся с места. Все трое были у меня на прицеле, но это только на крайний случай. Если этот случай настанет для меня. Люди пропускают множество мелких деталей, но если я начну стрелять из излучателей, это будет очевидным сигналом для всех. Я отвлек их внимание и успел прочесать сеть на предмет того, кто меня пинговал.

И засек изображение с камеры на другой стороне площади, возле одного из входных туннелей. Рядом с зоной для отдыха стоял тот, кого я никак не ожидал увидеть, и я проверил снова, прежде чем до меня дошло. Он не носил брони, и физические размеры не соответствовали стандартам автостража. У него было много волос, серебристых с синими и фиолетовыми кончиками, стянутых сзади и сплетенных в косы, как у Тапан, только более замысловато. Черты лица отличались от моих, но все автостражи выглядят по-разному: их делают на основе клонированного человеческого материала, который используют для органических частей. Его руки были обнажены, и в них не торчал металл или оружейные порты. Это не автостраж.

Это сексбот.

«Это неофициальное название», – сказал ГИК.

Официально их называли автопомощниками, но все понимали, что это значит.

Сексботам не позволяется ходить в зонах для людей без приказа, в точности как и автостражам. Кто-то его сюда послал.

ГИК пнул меня с такой силой, что я дернулся. Я огрызнулся на него и проиграл запись, пытаюсь разобраться, что происходит.

Тлейси шагнула вперед.

– И зачем вам понадобился консультант по безопасности?

Рами глубоко вдохнуло. Я установил защищенное соединение с ним, Тапан и Маро и сказал:

«Не отвечайте. Не упоминайте о событиях на шаттле. Переходите сразу к делу».

Я сказал это под влиянием порыва. Тлейси ожидала стычку, поэтому привела двух вооруженных телохранителей. Сейчас преимущество на нашей стороне, мы живы, а они сбиты с толку – пусть так и остается.

Рами выдохнуло, отстучало по сети благодарность и сказала:

– Мы пришли поговорить о наших файлах.

Маро поняла мою задумку и сказала Рами:

«Продолжай напирать, не позволяй им даже сесть».

Рами продолжило, уже более уверенно:

– Уничтожение наших личных разработок не входило в условия контракта. Но мы согласны на ваше предложение вернуть премиальные выплаты в обмен на наши файлы.

Через камеру я увидел, как сексбот развернулся и вышел через туннель за спиной.

– Вся премию? – спросила Тлейси. Она явно не ожидала их согласия.

Маро подалась вперед.

– Мы открыли счет в «Умро», деньги там. Можем перевести их, как только отдадите файлы.

Губы Тлейси зашевелились при разговоре по закрытому каналу. Оба телохранителя чуть отступили. Тлейси приблизилась и взялась за спинку стула у стола клиентов. Через мгновение Рами село, Тапан и Маро последовали его примеру.

Продолжая следить за переговорами, я копался в открытой сети. Вытаскивал оттуда исторические данные, искал необычную активность в период моей работы по контракту.

Клиенты разговаривали, я разбирался в данных; ГИК снова подсматривал через плечо, но я поглядывал и на камеры. Я заметил, как в закусную вошли еще две потенциальные угрозы. Оба – дополненные люди. Я уже отметил три потенциальные угрозы за ближайшими столиками. Все трое уделили до странности мало внимания происходящей в центре зоны стычке, тогда как другие люди и дополненные люди смотрели на нас с откровенным любопытством.

ГИК опять меня пнул.

«Вижу», – отозвался я.

Поиск выявил несколько объявлений, опубликованных в этот период. Предупреждения о том, что изменения в расписании отгрузок сырья повлияют на пассажирские маршруты подземки. Подземка – это небольшая транспортная система, доставляющая пассажиров в порт и сервисные центры, несколько частных линий которой отходят к закрытым рудникам. Позже в объявлениях упоминался новый маршрут, призванный компенсировать неудобства.

Вот оно. Читая между строк, можно понять, что подрядчикам пришлось построить новую линию подземки, чтобы обойти туннели к внезапно закрытому руднику. Видимо, это и есть карьер Ганака.

Закрывтия других рудников сопровождалась статьями в местной сети, а широкая публика обсуждала возможные банкротства и их влияние на сервисные компании. По поводу этого рудника ничего подобного не наблюдалось. Кто-то заплатил за то, чтобы удалить эти статьи из сети.

Разговор подходил к концу. Тлейси встала, кивнула моим клиентам и пошла прочь. На лице Рами отразились сомнения. Маро выглядела мрачной, а Тапан – не то сбитой с толку, не то сердитой.

Я завершил поиск и шагнул к столу.

– Зря мы сюда пришли, – сказала Рами, глядя вслед удаляющейся Тлейси и ее телохранителям.

– Она сказала, что завтра... – возразила Тапан.

Маро покачала головой.

– Очередная ложь. Она не отдаст нам файлы. Она могла бы отдать их сейчас, если бы собиралась. Могла бы отдать по сети, когда мы были на пересадочном кольце. – Маро посмотрела на меня. – Я не до конца поверила тебе насчет шаттла, но теперь...

Я продолжал следить за потенциальными угрозами через камеры.

– Нужно уходить, – сказал я. – Поговорим в другом месте.

И когда мы уходили, одна из потенциальных угроз встала и двинулась за нами. Я попросил ГИКа присматривать за другими – на случай, если они не просто невинные прохожие, так погрузившиеся в сеть, что ничего вокруг не видят.

Я наметил по карте станции нескольких возможных маршрутов, и больше всего мне нравился идущий по пешеходному туннелю, отдаляющемуся от главных жилых зон. По пути было много выходов на разные станции подземки, но маршрут немногочисленный. Я набрал по сети

Рами и велел двигаться к перекрестку, где находится крупнейший отель. Услышав это, Маро прошептала:

«Он нам не по карману».

«Вы там и не остановитесь», – сказал я всем.

В открытой сети рекламировался безопасный вестибюль и быстрый доступ к посадочным площадкам шаттла.

Мы дошли до туннеля и свернули в него. Он был почти десять метров в ширину и четыре в высоту, хорошо освещен, если идти посередине, но стены находились в тени, оттуда ответвлялись сумеречные боковые туннели. Здесь имелись камеры, но они были подключены к не особо сложной системе. Компания подставилась бы с такими камерами, подвергнув опасности застрахованных клиентов и лишившись возможности подслушать разговоры.

В туннеле были и другие люди. Попадались шахтеры в рабочих комбинезонах и куртках с логотипами разных предприятий, но большинство были в повседневной одежде – инженеры или работники сервисных компаний. Они шли быстро, группами.

Через восемь минут большинство свернуло к станциям подземки. Я послал по сети сообщение:

«Не останавливайтесь. Встретимся в вестибюле отеля».

Я шмыгнул в темный боковой туннель. Клиенты пошли дальше, не оглянувшись, хотя, уверен, Тапан очень хотелось.

Через камеры я наблюдал, как Потенциальная угроза / Новая цель быстро идет по туннелю. К нему присоединились еще два человека, Цель № 2 и Цель № 3. Они прошли мимо, и я последовал за ними на расстоянии. Просканировав их на предмет оружия, я ничего не обнаружил. Все три Цели были в куртках и штанах с глубокими боковыми карманами. Я отметил несколько мест, где могли уместиться ножи или телескопические дубинки.

Заметив моих клиентов, Цели замедлили шаг, но продолжали сокращать дистанцию. Я знал, что они, вероятно, докладывают обстановку кому-то по сети и ждут указаний. Кто бы это ни был, он явно не контролирует камеры, по крайней мере, пока что.

Я последовал за ними, глядя на цели уже и собственными глазами, и через камеры, а также следя за тем, чтобы не привлекать к себе внимания. ГИК притих, хотя наверняка с интересом за мной наблюдал.

Последняя находящаяся между мной и Целями группа шахтеров свернула к станции. Туннель здесь изгибался, и между клиентами и следующим поворотом метров в пятидесяти впереди не было ни души; на камерах я видел, что и за мной пусто. Нужно с этим кончать. Вслед за шахтерами я свернул к станции.

Я остановился у выхода на платформу, шахтеры уже садились в капсулу. Дверь с шипением закрылась, и капсула уехала. Цель № 2 шевелила губами, то есть беззвучно говорила с кем-то по сети. Потом изображение с камеры пропало.

Я вернулся обратно в туннель и побежал.

Это был обдуманый риск, потому что я не мог бежать на максимальной скорости, не выдав, что я не человек. Но добрался как раз вовремя – Цель № 1 схватил Рами за рукав куртки. Я сломал ему руку и врезал локтем по подбородку, а потом швырнул на Цель № 2 – тот повернулся ко мне с ножом, с которым секунду назад набросился на Маро. Цель № 2 случайно (это мое предположение, возможно, им было плевать друг на друга) пырнул ножом Цель № 1. Цель № 2 отшатнулся; я отбросил Цель № 1 и сломал Цели № 2 коленную чашечку. Цели № 3 хватило времени вытащить дубинку, он ударил меня по левому виску и плечу, причинив некоторые неудобства, но боты-погрузчики, бывало, ударяли меня и сильнее по неосторожности. Второй удар я сдержал левой рукой, одним тычком размолотил Цели ключицу, а другим – бедро.

Ему повезло, что он не сильно меня разозлил.

Все три Цели лежали на полу, Цель № 2 еще был в сознании, хотя скрючился и стонал. Я повернулся к клиентам.

Рами зажимало рот рукой, Маро замерла как вкопанная, а Тапан всплеснула руками.

«Идите в отель и ждите меня в вестибюле, – сказал я. – Не бегите».

Маро первой опомнилась от потрясения. Она твердо кивнула, схватила Рами за руку и хлопнула Тапан по плечу. Рами уже собралось уходить, но Тапан спросила:

– Служба безопасности?

Я понял, о чем она спрашивает.

– Они велели кому-то отключить камеры. Поэтому вы должны немедленно уйти.

Судя по открытой сети пересадочного кольца, здесь слабая охрана, но за происшествие будут отвечать службы безопасности тех предприятий, на чьей территории оно произошло. Очевидно, тот, кто отключил камеры, тщательно выбрал место, чтобы сюда не сразу добрались. Я не ждал, что кто-нибудь тут же появится, но лучше побыстрее убраться.

– Идем, – прошептало Рами, и они пошли прочь – быстро, но не бегом.

Я повернулся к Цели № 1. Он был еще в сознании, я прижал артерию на его шее и подождал, пока он не умер.

Обычным шагом я пошел дальше. Я достаточно глубоко проник в сеть и сумел удалить записи с камер впереди и позади отключенной. Это осложнит дело тем, кто попытается выяснить, что произошло. Но Тлейси меня видела, и она поймет. Я лишь надеялся, что на этот раз клиенты меня послушаются.

* * *

Я добрался до пересечения туннеля с выходами к нескольким станциям подземки, где в ларьках продавались упакованные закуски, туалетные принадлежности и другое человеческое барахло. Народу было не так чтобы толпа, но постоянный поток. В дальнем конце находился вход в отель.

Вестибюль был построен на нескольких платформах с видом на голографическую расщелину с гигантскими кристаллами на стенах. Судя по описанию в сети, они служили образовательным целям, но я сильно сомневался, что рудники РавиХирала выглядят подобным образом. В особенности после того, как над ними поработают боты-шахтеры.

Клиенты были на платформе у стойки администратора, рядом с ограждением искусственной расщелины – сидели на круглой кушетке без спинки, похожей скорее на украшение, чем на мебель.

Я присел на корточки перед ними.

– Они хотят нас убить, – сказала Рами.

– В очередной раз, – добавил я.

Рами прикусило губу.

– Я верю твоим словам про шаттл. Я верю... – сказала Рами.

– А теперь и точно знаешь, – сказал я.

Но я понял, что оно имело в виду. Знать о чем-то и видеть это собственными глазами – совсем не одно и то же. Даже для автостражей.

Маро потеряла глаза.

– Какие же мы идиоты. Тлейси и не собиралась менять наши премиальные на файлы.

– Точно, – согласился я.

– Ты была права, – сказала Рами.

Похоже, Маро это еще больше расстроило.

– Мне этого так не хотелось.

– Мы в полной заднице, – уныло произнесла Тапан.

Рами обняло ее за плечи.

– Мы живы. – Оно посмотрело на меня. – Что будем делать?

– Я выведу вас отсюда, – ответил я.

Сначала я повел их к посадочной площадке общественного шаттла, а затем мимо этой зоны к частным причалам. Сверившись с расписанием, ГИК уже нашел подходящий шаттл. В частной собственности, но постоянные полеты к пересадочному кольцу и обратно предполагали, что по сходной цене владелец предлагает места всем желающим.

Так оно и оказалось, и Рами, Маро и Тапан покинули спутник, даже не просканировав рабочие пропуска. Вероятно, они благополучно могли бы улететь и на общественном шаттле, раз никто заранее не знает, на каком именно. Вирус не пошлешь на шаттл по сети – там слишком серьезная защита. Тот, кто хотел убить нас в пути, загрузил вирус вручную, через порт данных прямо с мостика шаттла.

Но меня запрограммировали перестраховываться. Частный шаттл не только давал преимущества анонимности, но в кресле пилота сидел дополненный, и он мог заменить бота-пилота, если что-то случится. К тому же ГИК уже втерся в доверие к боту-пилоту и присмотрит за ним во время короткого путешествия. «Втереться в доверие» с точки зрения ГИКа означало захватить власть, и мне пришлось даже вмешаться и заверить бота-пилота, что большой корабль не собирается его калечить.

– Ты с нами не летишь? – спросило Рами в зоне посадки.

По сравнению с главным портом частные причалы были обшарпанными и маленькими: металлические перегородки – с пятнами ржавчины, некоторые лампы на каменном потолке – тусклые или разбитые. Над нашими головами по дорожкам ходили люди и несколько ботов, и я приглядывал за двумя выходами через камеры. Шаттл уже стоял у причала с открытым шлюзом, у трапа дополненный человек собирал оплату. Шестеро других пассажиров уже находились на борту, так что мне пришлось взять себя в руки, чтобы не схватить моих клиентов в охапку и не внести их внутрь.

– Нет. Мне еще нужно кое-что здесь выяснить. Вернусь на пересадочное кольцо, когда закончу.

– Как нам с тобой расплатиться? – спросила Маро. – В смысле, мы еще можем позволить себе твои услуги после... всего?

«После того, как нас пытались убить», – добавила она по сети.

– Я проверю свой профиль в соцсети на кольце, – сказал я и порадовался, что вспомнил о его существовании. – Пришлите мне туда сообщение, и я найду вас, когда вернусь.

– Просто... Я знаю, мы... – Тапан огляделась. Вид у нее был напряженный, несчастный, на грани отчаяния. – Мы не можем здесь оставаться, но и сдаваться я не хочу. Наша работа...

– Иногда нельзя ничего поделать. Остается лишь выжить и двигаться дальше.

Они умолкли и посмотрели на меня. Это меня взбудоражило, и я тут же переключился на изображение с ближайшей камеры, чтобы посмотреть на нас со стороны. Я произнес это с большим нажимом, чем намеревался, но ведь это правда. Я не понял, почему они так остро отреагировали на эти слова. Может, прозвучало так, будто я хорошо знаю, о чем говорю. А может, из-за этих двух покушений на убийство.

Маро кивнула и мрачно сжала губы, превратившиеся в линию. Они с Рами переглянулись, и Рами печально кивнуло.

– Нужно возвращаться к остальным, – сказала Маро, – и понять, что делать дальше. Искать новую работу.

Рами кивнуло.

– Начнем сначала. Один раз получилось – получится и во второй.

Тапан как будто хотела возразить, но была слишком подавлена для споров.

Пока они прощались и благодарили меня, я затолкал их на трап и следил, как Рами расплачивалось за проезд картой с твердой валютой, а член экипажа прижимает карту к терминалу. Они оказались в шаттле.

Люк закрылся, и сеть шаттла перешла в предполетный режим, ожидая разрешения на взлет. Я вернулся к выходу. Мне нужно было сесть в подземку и добраться до того места, откуда отходит туннель, чтобы начать поиски карьера Ганака. Хорошо, что клиенты летят в безопасное место. Но странно было снова ощущать себя в одиночестве и заниматься только собственными делами.

Я дошел до станции, сел в первую же капсулу. В каждой находились сиденья для двадцати пассажиров, а наверху – стойка, за которую можно было держаться. Гравитация внутри компенсировала движение. Я сел рядом с семьей людьми.

«Шаттл только что взлетел, – доложил ГИК. – Я буду посматривать на тебя, но в основном сосредоточусь на них».

Я послал ему подтверждение и попытался разобраться, почему так паршиво себя чувствую. Я нахожусь в замкнутом пространстве с людьми? Есть. У меня нет дронов? Есть. Гнущий Исследовательский Корабль слишком занят? Есть. Нужно сосредоточиться на текущих действиях, а не смотреть сериалы? Есть. Но все равно дело не в этом. Я недостаточно постарался для клиентов. У меня была возможность, но я ее не использовал. Как автостраж я несу ответственность за безопасность клиентов, но могу лишь высказывать предположения, а не действовать, пытаюсь использовать встроенные компанией правила безопасности, чтобы обойти человеческую глупость и стремление к самоуничтожению. Сейчас у меня были и ответственность, и способность действовать – но я все провалил.

Я твердил себе, что они живы и я лишь не вернул их собственность (что и не входило в задачу, для которой меня наняли). Но это не помогло.

Я вышел из подземки на конечной. Судя по карте, оттуда расходилась паутина туннелей, ведущих в частные подземки к отдаленным карьерам. Здесь сошли несколько человек, и все тут же направились к ближайшей пересадочной станции. Я же пошел в другом направлении.

Следующий час я занимался взломом камер и систем безопасности, проникая в недостроенные туннели с предупреждающими табличками о нехватке воздуха. Наконец я обнаружил тот, который явно использовался в прошлом для доступа к карьере. Он был достаточно широким для крупных ботов-погрузчиков, камеры и освещение не работали. Я двинулся по нему, перебираясь через каменные завалы и металлические обломки, – и тут сеть отключилась.

Я остановился и проверил сигнал от ГИКа, но услышал лишь шумы. Вряд ли кто-то намеренно отрезал мне доступ: с таким я уже сталкивался, но сейчас все было по-другому. Скорее всего, туннель находился слишком глубоко под землей и для сети здесь необходимы передатчики, а они больше не функционировали. Но впереди что-то работало, потому что в сети появлялись слабые сигналы – автоматические предупреждения. Я пошел дальше.

Пришлось сломать очередную преграду, но за ней я обнаружил грузовую подземку и сумел открыть раздвижные двери. Там была маленькая пассажирская линия. Ее давно не использовали, так что вода и мусор на полу капсулы превратились в жидкую грязь. Я прошел в первый вагон, где находилась ручная система управления на случай аварии. В батареях до сих пор остался заряд, хоть и небольшой. Поезд просто бросили медленно умирать в темноте с каждым проходящим часом.

Не сказать, чтобы меня это пугало.

Я проверил, работает ли система безопасности, и включил двигатель. Он со стоном ожил, капсула поднялась над землей и заскользила в темноту туннеля по запрограммированному маршруту. Я сел на скамью в ожидании.

* * *

Наконец скан капсулы показал впереди завал, взвыла сирена тревоги. Я поставил в очередь пять разных драматических сериалов, две комедии, книгу об истории раскопок останков инопланетной цивилизации в Корпоративном кольце и программу о соревнованиях по искусству «Белаль 3-11», но смотрел двести шестую серию «Лунного заповедника», в двадцать седьмой раз. Да, я немного волновался. Когда капсула стала замедляться, я даже приподнялся.

На металлическом ограждении сияли огни. Сверкающие маячки посылали поток предупреждений в мою сеть. Опасный уровень радиации, риск камнепада, биологическое заражение. Я открыл аварийный выход и спрыгнул на неровную поверхность. Поискал сканером излучение и отрегулировал зрение, чтобы видеть хоть что-то позади ярких световых маячков. В трех метрах впереди в металле темнел проем. Маленький, но хотя бы не придется выворачивать суставы, чтобы протиснуться.

Я прошел по туннелю к платформе, когда-то служившей для посадки пассажиров. Дальше находилось несколько дверей десятиметровой высоты – для больших контейнеров и ботов-погрузчиков с партиями руды. Выход для пассажиров перегораживала неразгруженная тележка, и мне пришлось перемахнуть на верхнюю платформу. Все вокруг покрывал слой сырой пыли – и никаких свежих следов. На платформе до сих пор валялись запечатанные ящики с припасами с логотипами разных поставщиков на боках. А рядом лежал сломанный противогаз. Я ощутил в человеческих органах неприятное покалывание. Это место выглядело пугающе. Я напомнил себе, что самое жуткое из случившегося здесь – это я.

Но это почему-то не помогло.

Заряда батарей не хватило, чтобы открыть двери, однако ручной замок для пассажирского выхода еще работал. Свет в коридоре не горел, но стены были исчерчены светящимися маркерами, чтобы можно было выбраться даже в случае катастрофического сбоя. Где-то черты уже потухли от времени, в других местах еще еле-еле светили. Отсутствие какой-либо сетевой активности, за исключением предупреждающей краски, слегка беспокоило – я вспоминал про жилмодуль «Дельты» и радовался тому, что ГИК изменил мой порт ввода данных.

По этому коридору я добрался до главного здания рудника. Это был большой купол, погруженный в темноту, не считая угасающих отметок маркерами на полу. Разумеется, никаких человеческих останков, лишь груды мусора – инструменты, обломки пластика, оторванная лапа бота-погрузчика. Во всех направлениях, словно темные пещеры, ответвлялись коридоры. Я не узнавал это место, но определил проходы, ведущие к карьеру, к жилым кварталам и к офисам. Все остальные вели к складам с оборудованием.

Из-за аварийного отключения подачи энергии все двери должны быть открыты, но кто-то прибирался здесь после и закрыл их, так что пришлось взламывать. Я миновал станцию техобслуживания ботов-погрузчиков и нашел дежурку автостражей. Шагнув в нее, я замер. Во мраке, среди пустых оружейных шкафов и дыры в полу, где когда-то стояла система переработки, виднелись знакомые очертания. Боксы все еще были здесь.

Всего десять боксов у дальней стены – гладкие, белые, с тускло светящимися знаками на потертых поверхностях. Не знаю, почему вдруг так снизилась моя производительность, но я не мог пошевелиться. Потом сообразил – это потому, что я подумал, будто остальные еще здесь.

Мысль была совершенно иррациональной, что подтверждало невысокое мнение ГИКа об интеллектуальных способностях конструкторов. Здесь никогда не оставили бы автостражей. Мы слишком дорого стоим и слишком опасны, чтобы вот так нас бросить. Если я не заперт внутри

одного из этих боксов, когда органический мозг дремлет, а остальные части обездвижены, то и других автостражей здесь тоже нет.

Но все-таки мне было трудно переступить порог и открыть первый бокс.

Пластиковая койка внутри пустовала, подача энергии давно была отключена. Я открыл все боксы – везде одно и то же.

Я отошел от последнего. Хотелось закрыть лицо руками, осесть на пол и погрузиться в сериалы, но я не стал. Через двенадцать долгих секунд чувства притупились.

Я даже не знал, зачем сюда пришел. Нужно искать инфохранилище, оставшиеся записи. Я проверил оружейные шкафчики и убедился, что там нет ничего полезного, вроде дронов. На стене виднелись следы от перестрелки, а рядом с одним из боксов осталась воронка после взрыва ракеты. Я вернулся к офисам.

Нашел центр управления карьером. Повсюду валялись разбитые экраны, перевернутые стулья, сломанные интерфейсы. А на консоли до сих пор стоял пластиковый стакан, как будто дожидался, пока его снова возьмут. Люди не могут работать в сети по многочисленным каналам, как я или боты вроде ГИКа. У некоторых дополненных людей есть встроенные интерфейсы, которые это позволяют, но не все люди хотят вставлять что-то в мозг. Поэтому им, чтобы увидеть результаты общей работы, нужны экраны. И где-то здесь находится хранилище этих данных.

Я выбрал рабочее место, подобрал стул и вытащил набор инструментов, который одолжил на складе ГИКа и хранил в большом боковом кармане штанов (в броне нет карманов, очко в пользу человеческой одежды). Мне нужен был источник энергии, чтобы включить компьютер, но, к счастью, у меня был я.

Инструментами я открыл порт излучателя на правой руке. Одной рукой сделать это было непросто, но я справлялся и с более серьезными задачами. Куском провода присоединился к розетке аварийной подачи энергии, и аппаратура загудела, когда я подал напряжение. Возможности войти в сеть, чтобы контролировать ее напрямую, не было, но, пощелкав по экрану, я нащупал доступ к хранилищу системы безопасности. Его стерли, но это было вполне ожидаемо.

Я начал проверять все остальные хранилища – вдруг систему безопасности стерли не инженеры компании? Компания записывает все: работу по сети, разговоры – все, из чего может извлечь данные. Когда становится много ненужной информации, ее стирают, но система безопасности придерживает ее до проверки инфоботами, а потому часто заимствует неиспользованные хранилища других систем.

И в хранилище медсистемы нашлись файлы, загруженные по нестандартной процедуре. Предполагается, что, если медсистеме вдруг понадобится загрузить пациенту процедуру реанимации, система безопасности переложит файлы в другое место, но иногда она не справляется вовремя и часть файлов теряется. Если автостражу нравятся клиенты и он хочет утаить от компании какие-то их слова и поступки (или собственные слова и поступки), это один из многих способов «случайно» потерять файлы.

Вероятно, система безопасности загрузила файлы как раз перед отключением электричества. Данных было много, и я пролистал случайные разговоры и сведения о добыче до самого конца, а потом немного отмотал назад. Два инженера обсуждали по сети аномалию, какой-то код, явно не принадлежавший ни одной из систем. Они пытались понять, откуда он взялся, сквернословили и предполагали, что рудник атаковали посредством вируса. Один инженер сказал, что оповестит руководство и нужно изолировать систему безопасности, и на этом разговор оборвался, прямо на полуслове.

Это было... не то, чего я ожидал. Я предполагал, что резню, которую компания называла эвфемизмом «инцидент», вызвал сбой моего модуля контроля. Но неужели я уничтожил девятых других автостражей, всех ботов и вооруженных людей, которые наверняка пытались

меня остановить? Мои шансы были бы невелики. Если у других автостражей появился тот же сбой, значит, его источник где-то снаружи.

Я сохранил разговор в собственное хранилище и проверил, нет ли еще каких файлов в других системах, но ничего не обнаружил и отсоединился от консоли.

Дежурку полностью подчистили. Но можно проверить в других местах, и я оттолкнул консоль.

Проходя через другую дверь, я заметил следы от выстрелов на стене напротив и пятна крови на полу. Кто-то держался здесь до последнего, обороняя центр управления, и этот кто-то явно был способен выдержать тяжелые ранения. Может, не всех автостражей поразил вирус.

В коридоре у жилых комнат я обнаружил еще одну дежурку – для сексботов.

Внутри находились четыре бокса, но поменьше. Их дверцы были открыты, пластиковые койки пусты. В углу было место под систему переработки, но никаких оружейных шкафчиков, и контейнеры для хранения выглядели иначе.

Я остановился посреди комнаты. Боксы киллерботов были закрыты. А это значит, что ни один автостраж не получил повреждений и все они находились либо на посту, либо в дежурке (вероятно, просто стояли где попало и пытались не пялиться друг на друга). Но боксы сексботов были открыты, то есть боты лежали внутри, когда что-то случилось и отрубилось электричество. Если оно отрубается, боксы можно вручную открыть изнутри, но закрыть уже не получится.

А значит, во время «инцидента» боты лежали внутри.

Я снова воспользовался излучателем на руке для подачи энергии в аварийное хранилище данных бокса. Для включения бокса мне бы не хватило энергии, но в аварийном хранилище находились данные об ошибках и отключениях – на случай, если во время ремонта что-то пойдет не так. Взломав модуль контроля, можно использовать хранилище и для загрузки медиа-файлов, чтобы об этом не пронюхали инженеры. Система безопасности могла использовать его до поломки.

И его использовали – но сами сексботы, для загрузки данных во время инцидента.

Данные были разрозненными, но тут я сообразил, что сексботы общались друг с другом.

Я копался в данных пять часов и двадцать три минуты, складывая фрагменты.

Сексботы получили загруженный с другого рудника код, якобы патч от поставщика сексботов. Они отметили его как нестандартный и нуждающийся в проверке системой безопасности и людьми, но загрузившие патч инженеры приказали его установить. Он оказался хорошо замаскированным вирусом. На сексботов он не повлиял, но через их сеть проник в систему безопасности и заразил ее. Система безопасности заразила автостражей, ботов и дронов – все способное самостоятельно передвигаться по руднику потеряло рассудок.

Во время беготни, стрельбы и криков сексботы умудрились проанализировать вирус и обнаружили, что он должен был отключить ботов-погрузчиков. Это нарушило бы расписание поставок, и другие рудники первыми бы отправили груз. Это была попытка диверсии, а не массового убийства. Но случилось массовое убийство.

Люди сумели предупредить руководство порта, но, очевидно, помощь не подоспела вовремя. Сексботы отметили, что автостражи действовали несогласованно и нападали друг на друга, а боты периодически врезались во все движущиеся объекты. Сексботы решили, что лучше всего вручную откатить систему безопасности к фабричным настройкам.

Сексботы физически сильнее людей, но слабее автостражей и других ботов. У них нет встроенного оружия; и хотя они могут подобрать ракетную установку и выстрелить, у них нет образовательных модулей, чтобы узнать, как это делать.

Записи одна за другой остановились. Один сексбот сообщил, что попытается отвлечь внимание автостража от остальных, и трое других с ним согласились. Второй услышал крики из центра управления и побежал туда, чтобы попытаться спасти оказавшихся в ловушке людей,

и двое других с ним согласились. Третий остался у двери в коридор, пытаясь выиграть время, чтобы последний сумел получить доступ к системе безопасности. Последний с ним согласился. Он доложил о том, что получил доступ, и на этом записи закончились.

Моя собственная система оповестила о низком уровне энергии, и я понял, как долго здесь торчу. Я отсоединился от бокса и вышел. В дверном проеме я стукнулся о косяк, а потом о стену.

Наверняка существует какое-то негласное соглашение (к примеру, рудник, пославший вирус, оплатил повреждения и страховку), но здесь сумма оказалась настолько крупной, что рудник в итоге просто прекратил существование. Может, компания удовольствовалась этим наказанием.

Я вернулся в подземку, забрался в капсулу и приступил к подзарядке. Набрал достаточный уровень производительности, я вернулся к двести шестой серии «Лунного заповедника».

* * *

В капсуле кончился заряд, и вскоре она потухла, но, к счастью, я уже вернулся к 97 % производительности. Я вышел и пробежал остаток пути. Бег меня не утомляет, в отличие от людей, но до закрытой двери я добрался на пятьдесят восемь минут позже, чем мог бы в подземке.

День выдался долгим и дерьмовым, я уже мечтал, когда же он наконец закончится. Мне хотелось покинуть этот рудник разве что на каплю меньше, чем хотелось покинуть его в первый раз.

Я перебрался через загородку и шел по туннелю, когда наконец-то заработала сеть. Я набрал ГИКа, чтобы сообщить о своем возвращении.

«У нас проблема», – сказал он.

Проблему я обнаружил в вестибюле главного отеля.

На одной из верхних площадок на круглом диванчике сидела Тапан с сумкой в ногах; саму ее частично загоразивала голографическая скульптура гигантских кристаллов. Она посмотрела на меня и сказала:

– Привет. Я не знала, сумеют ли остальные тебя найти.

Поскольку меня в шаттле не было, ГИК не видел происходящего в пассажирском отсеке. Частный корабль использовался для перевозки пассажиров не вполне легально, и на борту не было системы безопасности и камер. ГИК не знал, что Тапан нет на борту, пока шаттл не приземлился на пересадочном кольце. Подходя к делу ответственно, он послал к зоне посадки дронов и увидел явно расстроенных и сердитых Рами и Маро, но не увидел Тапан. После чего проверил в социальной сети профиль Эдена и нашел сообщение от Рами. В шаттле Тапан сказала им, что плохо себя чувствует, и ушла в комнату отдыха. Они поняли, что случилось, лишь когда шаттл сел в порту.

– Они оставили мне сообщение, – ответил я.

Сначала я намеревался просто стоять рядом и пристально смотреть на нее, как поступают с клиентами автостражи, когда те делают страшную глупость на грани самоубийства, но велют нам не вмешиваться. Однако она выглядела так, будто осознает свою глупость, и пришлось спросить:

– Что случилось?

Она посмотрела на меня, явно в ожидании негативной реакции.

– Я получила сообщение по сети на профиль, который завела, когда здесь работала. Один знакомый из компании Тлейси сказал, что у него есть копии файлов и он готов отдать их нам.

Она переслала сообщение мне.

Я тщательно его проверил. Встреча была назначена на следующий цикл.

Наверное, в этот момент человек бы вздохнул, и потому я вздохнул.

– Я знаю, возможно, это ловушка, – сказала Тапан, – но что, если нет? Я его знаю. Он не лучший человек на свете, но ненавидит Тлейси. – Она поколебалась. – Ты мне pomoжешь? Я пойму, если ты откажешься. Знаю, я... Знаю, это паршивая идея.

Я и забыл, что у меня есть выбор и я не обязан выполнять ее желания. Просьба остаться, даже мольба, и возможность отказа поразили меня не меньше, чем желание человека получить мой совет и последовать ему. Я снова вздохнул. У меня теперь было много поводов для вздохов, и я хорошо научился их изображать.

– Я тебе помогу, – ответил я. – Но сейчас нужно куда-нибудь спрятаться.

* * *

У Тапан была карта с твердой валютой с пересадочного кольца, не привязанная к счету на РавиХирал, а значит, отследить ее было невозможно. По крайней мере, Тапан так считала, и я надеялся, что она права. Меня не снабдили образовательным модулем по финансам, к тому же наши модули все равно дрянные и вряд ли бы помогли. ГИК провел поиск, и результаты оказались двойственными. Карты в твердой валюте можно отследить, но обычно на это способны

только некорпоративные политические сообщества или корпорации. Я решил, что можно воспользоваться картой. Если сообщение – не ловушка, Тлейси предполагает, что мои клиенты уже на пересадочном кольце. Если это ловушка, она собирается схватить нас на встрече. А до того нет нужды волноваться.

Тапан оплатила картой комнату в квартале неподалеку от порта. Пока она прикладывала карту к автомату, чтобы забронировать комнату, я стоял у нее за спиной и осматривался. Комнаты временного пребывания находились в узкой паутине коридоров и не были похожи на главный отель – как настоящий грузовой корабль не похож на ГИКа. Системы безопасности там не оказалось, и обнаружилась лишь одна камера у входа. Я стер нас из ее памяти, но все равно чувствовал, будто за нами наблюдают. Возможно, это просто унаследованная беглым автостражем паранойя.

Тапан вела меня к комнате. По сумрачному коридору шатались и другие люди, а некоторые как будто хотели к ней подойти, но потом видели меня и тут же отказывались от этой идеи. Я был крупнее всех, а без камер с трудом контролировал выражение лица.

«Вели человеку ни к чему не прикасаться, – сказал ГИК. – Возможно присутствие заболеланий».

По пути сюда я отправил ему записи из карьера Ганака.

«Хорошая новость, – сказал ГИК. – Ты не виноват».

Я с ним согласился. Ну почти. Казалось, я должен обрадоваться, но чувствовал я себя ужасно, как всегда.

Оказавшись внутри и заперев дверь, Тапан расслабила плечи и глубоко вздохнула. Комната была просто квадратной коробкой с хранящимися в шкафах подушками для сна или отдыха и маленьким экраном. Никаких камер, никакой прослушки. Была еще крохотная ванная с системой переработки и душем. Хорошо хоть, дверь там была. Я собирался как минимум дважды притвориться, что пользуюсь ванной. Да, это будет венец сегодняшнего веселья. Я составил расписание и выставил будильник для оповещения.

Тапан бросила сумку на пол и посмотрела на меня.

– Я знаю, ты чокнутый.

– Я не чокнутый, – ответил я, постаравшись следить за выражением лица.

Я был в ярости. Я считал, что клиенты в безопасности и можно заняться собственными делами, а теперь придется присматривать за человеком, бросить ее я не могу.

Она кивнула и откинула назад косички.

– Я знаю... В смысле... Уверена, Рами и Маро в бешенстве. Но нельзя сказать, что я не боюсь, и это хорошо.

«Чего-чего?» – буркнул ГИК.

«Понятия не имею», – ответил я, а у Тапан спросил:

– И что в этом хорошего?

– С яслей мамы всегда твердят, что страх – это искусственное состояние. Его внедряют извне. И потому с ним можно бороться. Нужно делать то, чего ты боишься.

Если бы бот размером с корабль мог закатить глаза, именно так поступил бы ГИК.

– Цель страха не в этом, – сказал я.

Нас не снабжают образовательным модулем по эволюции человека, но я читал об этом в базе знаний жилмодуля, пытаюсь вычислить, что за хрень происходит с людьми. Не помогло.

– Знаю, но это вроде как вдохновляет, – сказала она, огляделась и подошла к шкафу с подушками. Вытащила их, с подозрением понюхала, достала из кармана аэрозоль и опрыскала. – Забыла спросить, тебе удалось выяснить то, ради чего ты сюда прилетел?

– Да. Но... не в полной мере.

Еще как в полной мере, просто это не оказало того успокоительного действия, на которое я по глупости рассчитывал. Я помог ей вытащить остальные подушки.

Мы разбросали их на полу и уселись. Она посмотрела на меня и прикусила губу.

– Ты в самом деле дополненный, да? В смысле, очень серьезно. Такое добровольно с собой не сделаешь.

Это был не вопрос.

– Хм... Ну да.

Она кивнула.

– Несчастный случай?

Я осознал, что обхватил себя руками и скрючился, как будто хочу сжаться в позу зародыша. Даже не знаю, почему я так разволновался. Тапан меня не боялась. У меня тоже не было причин бояться ее. Может, все дело в том, что я снова здесь и увидел карьер Ганака. Какие-то мои органические части помнили, что здесь случилось. ГИК запустил саундтрек к «Лунному заповеднику», и каким-то удивительным образом это помогло.

– Меня задело взрывом, – ответил я. – Вообще-то, во мне осталось не так много человеческого.

Оба заявления были правдивы.

Она поерзала, словно собираясь с мыслями, и снова кивнула.

– Прости, что втянула тебя в это. Конечно, ты знаешь, что делаешь, но... Я должна попытаться, должна разобраться, вдруг у него и правда есть наши файлы. Только встречу с ним и сразу вернусь на пересадочное кольцо.

ГИК выключил саундтрек и сказал:

«Молодежь такая импульсивная. Нужно стараться удерживать их от порывов, чтобы они успели состариться. Так говорили мне члены экипажа, и мои наблюдения это подтверждают».

Я не стал спорить с мудростью отсутствующего экипажа ГИКа. Вспомнив, что у людей есть потребности, я спросил:

– Ты ела?

По карточке она купила несколько упаковок с едой и уложила их в сумку. Тапан предложила одну мне, и я ответил, что мне нужна специальная диета и пока не пришло время для еды. Тапан с готовностью этому поверила. Людям явно не нравится обсуждать серьезные повреждения пищеварительной системы, и мне не понадобились те подробности, которые нашел для меня ГИК. Я спросил, не хочет ли она посмотреть развлекательные программы, и она согласилась, тогда я отправил на экран несколько файлов, и мы посмотрели первые три серии «Первооткрывателей», к удовольствию ГИКа. Я чувствовал его присутствие в сети, он сравнивал реакции Тапан с моими.

Когда Тапан сказала, что хочет поспать, я выключил экран. Она свернулась на подушке, а я лег на свою и продолжил смотреть сериал вместе с ГИКом.

Через два часа сорок три минуты я засек сигнал, и шел он прямо из-за двери.

Я так резко сел, что Тапан проснулась. Я жестом велел ей вести себя тихо, и она откинулась обратно на подушку и обеспокоенно обхватила свою сумку. Я встал, подошел к двери и прислушался. Дыхания я не услышал, но фоновый шум изменился, а значит, по ту сторону металлической двери стоит нечто крупное. Я осторожно его просканировал.

Да, там что-то было, но никаких следов оружия. Я проверил сигнал и увидел, что его сигнатура совпадает с той, которую я засек в общественной зоне во время встречи с Тлейси.

По ту сторону двери стоял сексбот.

Он не мог следить за мной все это время. Но мог наблюдать через камеры и отслеживать, когда я нахожусь в зоне сигнала. Не слишком приятная мысль.

Сексбот принадлежал Тлейси. Если он следил за мной, то упустил из виду, как Тапан неожиданно покинула частный шаттл, но заметил ее, когда мы встретились в главном отеле и на пути сюда. Проклятье.

Но теперь я это знал. Если бы он меня не запинговал, я бы и не понял, что он в игре.

«Почему он здесь?» – спросил я ГИКа.

«Полагаю, это риторический вопрос», – отозвался он.

Был только один способ узнать. Я принял сигнал.

Тянулись секунды. И тут он ответил. Он был осторожен, почти робок.

«Я знаю, кто ты, – сказал он. – Кто тебя послал?»

«Я работаю по частному контракту, – ответил я. – Что тебе от меня нужно?»

Работающие по одному контракту автостражи не разговаривают друг с другом, ни вслух, ни по сети, если только нет исключительной рабочей необходимости. Общаться с другими ботами положено через систему жилмодуля. Да и вообще, автостражам незачем разговаривать с сексботами. Может, это бесконтрольный сексбот? Если это так, то что он делает на РавиХирале? Не представляю, с чего вдруг кто-нибудь останется здесь добровольно, не считая людей. Нет, гораздо логичнее, что он работает на Тлейси и та подслала его убить Тапан.

Если он нападет на мою клиентку, я разорву его в клочья.

– Что там? – одними губами спросила с подушки встревоженная Тапан.

Я открыл с ней защищенный канал и объяснил:

– Кто-то стоит с той стороны двери. Не знаю почему.

В основном это была правда. Я не хотел рассказывать Тапан, кто это, тогда пришлось бы признаться в том, кто я, а мне это ни к чему. Хотя, если я уничтожу сексбота у нее на глазах, объяснения давать придется.

«Это ведь ты», – сказал сексбот и послал мне запись программы новостей.

Это были новости из Порта свободной торговли. Заголовок гласил: «Власти признали, что автостраж небезопасен, а его местонахождение неизвестно».

«Ой-ой-ой», – вздохнул ГИК.

Я машинально закрыл программу, как будто таким образом она перестанет существовать.

«Небезопасен» – таким словом называли бесконтрольных автостражей, чтобы люди не визжали, услышав слово «бесконтрольный». Это означало, что не только я и члены группы «Сохранения» знали о взломанном модуле контроля. Видимо, выживших членов обеих исследовательских групп допросили и гарантировали страховку при условии, что они скажут правду.

Значит, компания в курсе, что я взломал модуль контроля. Это пугало, хотя и было ожидаемо. В том числе и по этой причине Мензах списала меня в утиль, как только я вышел из ремонтного модуля.

Но одно дело – ожидать, а другое – когда это и в самом деле случилось (это я понял, после того как меня застрелили в первый раз).

Я в страхе отбросил новости, но потом снова пересмотрел их, уже внимательнее. Адвокаты нескольких сторон в идущих судебных тяжбах попросили «Сохранение» предъявить автостража, записавшего доказательства против «СерКриза». Весьма необычно. Автостражи не выступают свидетелями в суде. Наши записи рассматриваются в точности так же, как записи с дронов, камер и других неподвижных устройств, но считается, что мы не можем иметь собственного мнения по поводу записанного.

Адвокат Мензах поначалу увиливал, но потом признал, что она потеряла меня из виду. Он сформулировал это как «его отпустили под честное слово, поскольку по законам «Сохранения» конструкты считаются разумными созданиями», но журналистов этими словами не одурачил. К статье прилагалось много ссылок на другие статьи о конструктах, автостражах и бесконтрольных автостражах. О том, что этот конкретный автостраж убил своих клиентов, не упоминалось, однако у меня возникло чувство, что записи о карьере Ганака нельзя представить суду только потому, что компания, вероятно, все уже уничтожила.

– Ты сейчас с ними разговариваешь? – прошептала Тапан.

– Да, – ответил я, а сексботу сказал: «История интересная, но не имеет отношения ко мне».

«Это ты. Кто тебя послал?» – повторил он.

«Это история об опасном бесконтрольном автостраже. Никто не мог его куда-либо послать».

«Я спрашиваю не потому, что собираюсь на тебя донести. Я никому не скажу. Я только хочу знать, контролирует ли тебя какой-нибудь человек? Ты свободен?»

Я чувствовал в своей сети ГИКа, он осторожно тянулся к сексботу.

«У меня есть клиентка, – ответил я. Нужно его отвлечь, чтобы ГИК сумел вытащить какие-нибудь сведения. Пусть он и сексбот, он все равно конструкт и сильно отличается от бота-пилота. – Кто тебя послал? Тлейси?»

«Да. Она моя клиентка».

Но контракт этот – с сексботом, а не с автостражем. Послать на такое задание сексбота – морально безответственно и является явным нарушением контракта. Предполагаю, сексбот это знал.

«Он не бесконтролен, – доложил ГИК. – Модуль контроля работает. Вероятно, он говорит правду».

«Можешь его взломать?» – спросил я ГИКа.

ГИК обдумывал это полсекунды, а потом ответил:

«Нет, не получится установить защищенное соединение. Он просто отрежет свою сеть».

«Твоя клиентка хочет убить мою клиентку», – сказал я сексботу.

Он не ответил.

«Ты рассказал обо мне Тлейси».

Вероятно, он разузнал обо мне во время первой встречи. Если даже он не был уверен, то достаточно было взглянуть на повреждения, которые я нанес людям Тлейси. Я внутренне кипел, но не выдавал этого. Как я уже говорил ГИКу, боты и конструкты не доверяют друг другу, даже не знаю, отчего я так разозлился на сексбота. Хотелось бы мне, чтобы конструкты вели себя не так иррационально, как люди, но сами видите – все именно так.

«Клиентка послала тебя выполнять задачи автостража», – сказала я.

«До сегодняшнего дня она не знала, что ей понадобится автостраж, – возразил он. – Я сказал ей, что ты автостраж, но не сказал, что бесконтрольный».

Можно ли этому верить? И пытался ли сексбот объяснить Тлейси невыполнимость поставленной задачи?

«И что ты предлагаешь?» – спросил я.

Возникла заминка. Долгая, на пять секунд.

«Мы могли бы их убить».

Что ж, необычный подход к проблеме.

«Кого убить? Тлейси?»

«Всех. Всех людей».

Я прислонился к стене. Если бы я был человеком, то закатил бы глаза. Хотя если бы я был человеком, то мог бы по глупости счесть это предложение неплохой идеей.

Я гадал, что еще он про меня знает, кроме увиденного в новостях.

Заметив мою реакцию, ГИК спросил:

«Чего он хочет?»

«Убить всех людей», – отозвался я.

И почувствовал, как ГИК весь сжался, если можно так выразиться. Если не будет людей, не будет и экипажа, который нужно оберегать, не будет смысла заниматься исследованиями и наполнять базу данных.

«Это иррационально», – сказал он.

«Знаю», – ответил я.

Кто будет создавать развлекательные программы, если все люди погибнут? Просто немыслимо, такое могло прийти в голову только человеку.

Хм...

«Тлейси считает, что именно так разговаривают друг с другом конструкты?» – спросил я. Снова возникла пауза, но теперь только двухсекундная.

«Да. Тлейси думает, что ты хочешь выкрасть файлы для тех инженеров. Чем ты так долго занимался в невидимой для сети зоне?»

«Прятался. – Знаю, не самая правдоподобная ложь. – А Тлейси в курсе, что ты хочешь ее убить?»

Потому что идея «убить всех людей» могла исходить и от Тлейси, но сексбот явно воспринимал ее с подлинной готовностью и вряд ли подразумевал именно всех людей.

«Знает, – ответил он. – И я не сказал ей о твоей клиентке; Тлейси думает, что она осталась в шаттле. Она хотела, чтобы я следил за тобой».

По сети пришло несколько кодов. Конструкта таким путем вирусом не заразить, если не послать код через систему безопасности или систему жилмодуля. К тому же без прямого приказа и работающего модуля контроля меня не заставит установить программу. Единственный способ загрузить ее в меня – через боевой модуль, вставленный в порт.

Коды могли оказаться вирусом, но я не какой-то там транспортный бот, этим меня можно лишь довести до бешенства. Или цель в том, чтобы я выбил дверь и оторвал сексботу голову?

Я мог просто удалить коды, но хотел узнать, что это. С таким небольшим объемом справится и человек, и я переправил их Тапан.

– Придержи это для меня, – сказал я, – но не открывай пока.

Она сообщила по сети о согласии и приняла коды во временное хранилище. Еще одна черта вирусов – они не могут навредить людям или дополненным людям.

Сексбот промолчал, лишь проверил, приняты ли файлы. Он удалялся по коридору.

Я убедился, что он ушел, и отступил от двери. Я никак не мог решить, остаться здесь или переместить Тапан в другое место. Теперь я знал, что за мной следят через взломанные камеры, и мог принять ответные меры. Наверное, стоило сделать это с самого начала, но вы уже заметили, что для ужасающего киллербота я слишком часто сажусь в лужу.

– Он ушел, – сообщил я Тапан. – Можешь проверить тот пакет кодов?

У нее был такой туманный взгляд, какой бывает у людей, когда они погружены в сеть.

– Это вирус, – отозвалась она через минуту. – Довольно стандартный... Возможно, они решили, что он зацепит твои устройства, но для Тлейси уровень весьма любительский. Погоди-ка. К коду прикреплено сообщение.

Мы с ГИКом ждали. Выражение лица Тапан изменилось и стало встревоженным.

– Странно.

Она повернулась к экрану и сделала бессмысленный жест – так люди показывают, что послали что-то из сети на экран.

Это было сообщение, всего три слова: «Пожалуйста, помоги мне».

* * *

Мы переместились в другую комнату у пожарного выхода, в другом секторе хостела. Сексбот наверняка следит за взломами систем, и потому я сорвал кодовую панель и сломал замок вручную, а потом приладил панель обратно, пока Тапан стояла на стреме в коридоре. В комнате я пересказал Тапан кое-что из слов сексбота, в основном – о его утверждении, будто Тлейси не знает, что Тапан здесь. Я не сказал ей, что Тлейси вычислила, кто я такой, и потому прислала сексбота, не желая терять телохранителей-людей.

– Но мы не знаем, правда ли это и не сообщит ли он Тлейси о твоём местонахождении сейчас.

Тапан смутилась.

– Но с какой стати ему рассказывать это тебе?

Хороший вопрос.

– Не знаю. Ему не нравится Тлейси, но могут быть и другие причины.

Тапан прикусила губу, размышляя.

– Думаю, нужно все-таки прийти на встречу. До нее осталось всего четыре часа.

Люди вечно спрашивают, чтобы их убили, я к этому привык. Возможно, даже слишком привык. Я понимал, что нужно немедленно уходить. Но мне понадобилось некоторое время для взлома системы безопасности, чтобы обойти сексбота. Как только я ее взломал, показалось неправильным не дожидаться встречи, о которой, как разумно полагала Тапан, Тлейси не знает. Достаточно разумно.

Но встреча может оказаться и ловушкой.

Мне нужно было поразмыслить. Я сказал Тапан, что посплю, и лег на свою подушку. Мой цикл подзарядки не сильно заметен, но не похож на человеческий сон, и потому на самом деле я собирался фоном запустить сериалы, а тем временем принять защитные меры и просмотреть свой модуль на предмет возможных рисков.

Тридцать две минуты спустя я услышал шорох. Я решил, что Тапан встала и направилась в туалет, но потом она заворочалась за моей спиной, чуть не коснувшись меня. Я установил дыхание ровным и глубоким, как у человека во сне, с легкими вариациями время от времени для достоверности, таким образом моя неподвижность будет выглядеть не так подозрительно.

Люди никогда до меня не дотрагивались или не приближались настолько близко, и ощущение было ужасно странное.

«Успокойся», – сказал ГИК, но это не помогло.

Я просто онемел, даже ответить не смог. Через три секунды ГИК добавил:

«Она испугана. Твое присутствие ее успокаивает».

Я был по-прежнему не в состоянии ответить, но увеличил температуру тела. За следующие два часа она дважды зевнула, но дышала глубоко и даже иногда храпела. Под конец я изменил ритм дыхания и заворочался, и Тапан немедленно соскользнула с моей подушки и вернулась на свою.

К тому времени у меня был план. Ну что-то вроде плана.

* * *

Я убедил Тапан, что на встречу должен пойти я, а она сядет на общественный шаттл и немедленно вернется на пересадочное кольцо. Она сопротивлялась.

– Не хочу тебя бросать, – сказала она. – Ты влез в это только из-за нас.

Ее слова так на меня подействовали, что внутри все перевернулось. Чтобы скрыть выражение лица, пришлось наклониться и сделать вид, будто я копаюсь в сумке. Аварийный протокол компании разрешает клиентам бросать автостражей при необходимости, даже если компания никогда не сможет их вернуть. Тапан навеяла воспоминания о Мензах, кричащей, что не бросит меня.

– Твое возвращение на пересадочное кольцо поможет мне гораздо больше.

Это заняло много времени, но мне удалось ее убедить, что так лучше для нас обоих.

Тапан первой покинула хостел; надела обе куртки из сумки, чтобы изменить фигуру, и натянула капюшон, скрыв волосы и притенив лицо. Все это было нужно, скорее чтобы чувствовать себя уверенней, к тому же я не хотел объяснять, насколько мне просто перехватить контроль над не особо мудрой системой безопасности РавиХирал. Я наблюдал за Тапан через

камеры – она прошла сто метров до пристани, добралась до зоны посадки и села в шаттл, отправляющийся через двадцать одну минуту. ГИК подтвердил, что проник в системы шаттла и снова охраняет бота-пилота. Тогда я тоже ушел из хостела.

Теперь мне предстояло воспользоваться более сложным способом взлома камер. Пришлось влезть в код и установить в системе задержку на одну десятую секунды, а потом удалить Тапан и заменить эти записи кусками, нарезанными из других записей. Это сработает, потому что сексбот будет сканировать записи тем же путем, что и я, – по конфигурации тела. Я больше не соответствовал стандартам автостража, но сексбот кучу времени сканировал мою новую фигуру во время встречи с Тлейси.

Сейчас я хотел перевести внимание сексбота на себя и увести его подальше от пристани. Я позволил камерам отследить, как выхожу из порта и направляюсь к станции подземки. А потом приступил к взлому системы.

Я был лишь на 97 % уверен, что эта встреча – ловушка.

8

Когда я добрался до маленького кафе в секторе поставщиков, там уже ждал человек, соответствующий изображению, которое Тапан прислала мне по сети. Я сел за столик, и он поднял на меня взгляд. Выглядел он нервным, на бледном лбу выступили бусинки пота.

– Тапан не смогла прийти, – сказал я и послал ему записку.

Тапан стояла рядом со мной в комнате хостела, держа меня за руку, и объясняла, что файлы можно передать мне. Да уж, я был явно не в своей тарелке.

Он ушел в себя, просматривая записку, а потом немного расслабился и подвинул мне чип. Я взял его и проверил камеры.

Ничего. Никаких потенциальных угроз, никто не проявлял к нам интереса. В кафе подавали напитки с пузырьками и жареный протеин в форме водной флоры и фауны. Все вокруг жевали или разговаривали. Никого подозрительного в коридоре или снаружи, никто на нас не смотрел, никто не застыл в ожидании.

Это не ловушка.

Человек неуверенно произнес:

– Может, закажем что-нибудь? Чтобы выглядеть... Ну сами понимаете.

– Никто не наблюдает, так что можно уходить, – сказал я и встал.

Нужно вернуться в порт.

Если это не ловушка, то настоящая ловушка поджидает в другом месте.

* * *

По пути обратно к причалу я сверился с расписанием. Шаттл опаздывал с вылетом.

Добравшись до зоны посадки, я просмотрел записки с камер за то время, когда Тапан садилась в шаттл. И тут заметил сексбота – он шел ко мне с противоположного конца дорожки.

Я как раз дошел до нужного места в записи, где два человека с удостоверениями портовых служащих приостановили отлет шаттла и забрали Тапан. ГИК выбрался из сети шаттла и вернулся в мою.

«Если бы у меня были вооруженные дроны, – сказал он, – было бы проще».

Когда сексбот поравнялся со мной, я спросил:

– Где она?

– В частном шаттле Тлейси. Я тебя провожу.

Я пошел за ним по дорожке, а затем вниз по насыпи к частным докам.

«Зачем он показывает тебе, где твоя клиентка?» – спросил ГИК.

«Потому что Тлейси не нужна Тапан, ей нужен я».

Пока мы шли мимо частных причалов к более крупной и дорогой секции в самом конце, ГИК молчал.

«Забери своего человека и заставь Тлейси обо всем пожалеть», – сказал сексбот.

Мы остановились перед люком шаттла. Снаружи никого, жизнь теплилась только у дальних причалов. Сексбот повернулся ко мне.

Он разжал ладонь, и я узнал маленький предмет. Перепрограммированный боевой модуль.

– Тебя не пустят на борт, если ты не позволишь мне установить вот это, – сказал он.
«Ого», – отреагировал ГИК.

Они хотели затаскать нас в шаттл, чтобы избавиться от тел. Вернее, от тела Тапан. Меня явно намеревались сохранить.

Боевой модуль содержит код, который возьмет под контроль мою систему, переписшет модуль контроля и установленные фабричные протоколы и поставит меня под прямой голосовой контроль владельца модуля. Именно так «СерКриз» захватил автостражей «Дельты» и пытался захватить меня.

– Если я соглашусь, мою клиентку освободят?

Сексбот прошептал по сети: «Ты же знаешь, что нет», – а вслух сказал:

– Да.

Я развернулся и позволил ему вставить модуль в мой порт данных. Тот самый, который ГИК отсоединил, когда модифицировал мою конфигурацию. После взлома модуля остался лишь один способ захватить надо мной контроль, и первым делом следовало от него избавиться.

Модуль с щелчком встал на место, и на мгновение меня охватил совершенно иррациональный страх. ГИК, видимо, его почувствовал, потому что сказал:

«Не волнуйся, моя медсистема не ошибается».

Ничего не произошло, и через взломанную камеру я убедился, что на моем лице не отразилось облегчения.

Когда я последовал за сексботом в шаттл, выражение его лица оставалось стандартно-нейтральным. За люком стоял вооруженный человек, его взгляд нервно шнырял между мной и сексботом.

– Он под контролем?

– Да, – ответил сексбот.

Человек отступил назад, губы зашевелились – он говорил с кем-то по сети. Я не мог ничего взломать так, чтобы об этом не узнал сексбот, и потому просто ждал с безучастным лицом. Я не представлял, как боевой модуль должен изменить мое поведение, но предполагал, что он поставит меня под контроль Тлейси. Видимо, люди и сексбот и сами точно не знали, как это проявляется внешне.

Как только мы оказались внутри, шлюз закрылся, и по сети прозвучало предупреждение о взлете, которое закончилось отчетливым гудком по системе громкой связи. Наверное, Тлейси подкупила кого-нибудь для немедленного взлета, потому что тут же раздался щелчок отстыковавшегося шлюза и шаттл пришел в движение.

«Направляю сканеры на тебя», – сказал ГИК.

Люди повели меня внутрь. Шаттл был крупным, в коридоре находились люки в каюты и инженерную секцию, а в конце – большой отсек. Вдоль стен шла мягкая кушетка, а кресла-амортизаторы были расположены спереди, рядом с люком, вероятно ведущим на мостик. В помещении было шесть незнакомых людей: четверо вооруженных и два безоружных члена экипажа. Вооруженный держал Тапан за плечо, а к ее голове приставил ракетную установку.

Тлейси поднялась с кресла и с улыбкой посмотрела на меня.

– Проведи малышку Тапан в каюту. Позже я поговорю с ней о работе.

Глаза Тапан были широко открыты от страха. Я сохранял нейтральное выражение лица.

– Эден, прости! Прости... – начала она, но охранник уже тащил ее через другой люк в коридор.

Я не отреагировал, поскольку хотел убрать ее с линии огня. Дождавшись хлопка закрывающегося люка, я сосредоточился на Тлейси.

Она задумчиво шагнула ко мне. Как я понимаю, триумфальная улыбка относилась к Тапан. Члены экипажа наблюдали за нами с нервным любопытством, а вооруженная охрана по-прежнему выглядела напряженной.

– Ты правда считаешь, что это автостраж, участвовавший в инциденте на карьере Ганака? – спросила Тлейси у сексбота.

Тот собрался ответить, но я сказал:

– Мы все знаем, что это был не просто инцидент, не так ли?

Теперь я завладел всеобщим вниманием.

Я смотрел прямо перед собой, как порядочный автостраж под контролем боевого модуля.

Тлейси уставилась на меня и прищурилась.

– С кем я разговариваю?

Это было почти забавно.

– Ты считаешь меня марионеткой? Ты же знаешь, что мы не такие.

Тлейси слегка всполошилась.

– Кто тебя послал?

Я опустил голову, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Я пришел за своей клиенткой.

Тлейси зашевелила губами, отдавая приказ по сети, и сексбот принял боевую стойку.

«Шаттл покинул порт и движется по орбите вокруг спутника. Успеешь меня впустить?» – спросил ГИК.

«Только давай по-быстрому», – ответил я и дал ему свободу.

Я снова почувствовал себя так, будто меня окунули с головой в воду, и временно отключился, пока ГИК использовал меня как мост, чтобы добраться до контролирующего шаттл бота.

Он проделал это быстро, но сексбот успел врезаться мне в челюсть. Видимо, ему приказала Тлейси – бот не стал бы атаковать другого бота таким образом. Удар оказался болезненным, но лишь разозлил меня. Поскольку я не отреагировал, Тлейси расслабилась и ухмыльнулась.

– Люблю брехливых ботов. Это уже начинает становиться интересным...

ГИК проник в систему шаттла, и я освободился. Я схватил сексбота за руку и швырнул его через весь отсек в трех вооруженных охранников. Один рухнул, второй упал в кресло, третий начал поднимать оружие. Я отбросил Тлейси с пути, сшиб сексбота и наступил на него. Потом схватил дуло излучателя, задрал его кверху и выстрелил. Заряд попал в изогнутый потолок. Я вырвал излучатель из рук охранника, сломав ему плечо и три пальца, и приложил его головой о консоль.

Упавший на пол охранник выстрелил из ракетной установки, и я ощутил два попадания – в бок и бедро. Вот теперь было действительно больно. Я вытянул правую руку и выстрелил из встроенного излучателя, всадив ему два заряда в грудь. Потом отскочил в сторону, чтобы избежать выстрела второго охранника (того, который упал в кресло), мой третий попал ему в плечо. Я установил кучный режим стрельбы, и заряды проделали глубокие обугленные раны, которые быстро вывели людей из строя из-за паники и боли, ну и, как вы сами понимаете, из-за горящих дыр в грудной клетке.

Я метнулся вбок и швырнул захваченное оружие для отвлечения внимания. Первым невооруженным человеком была женщина; она уже лежала на полу с дымящейся раной в спине – в нее по ошибке попал охранник. Вторая бросилась через отсек за упавшей ракетной установкой, и я подстрелил ее в плечо и ногу.

Сексбот вскочил и ринулся на меня, я поймал его, упал на спину и перебросил его через голову. Перекувыркнулся и встал на колени, но не смог выпрямиться до конца из-за раны в правом бедре. Сексбот встал, я схватил его за ногу и выдернул ее из коленного сустава. Он упал, и я пригвоздил к полу его левое плечо. Одновременно я развернулся к Тлейси – она тянулась за упавшим оружием.

– Только дотронься до него, я выдерну его у тебя из рук и всажу под ребра, – сказал я. Она застыла. От страха она тяжело дышала, широко открыв глаза.

– Вели своему сексботу утихомириться.

Он все еще пытался подняться – и этим только причинит себе новую боль. В особенности если снова меня разозлит.

Тлейси медленно выпрямилась, зашевелила губами, и сексбот расслабился.

«ГИК, отрежь Тлейси от сети», – попросил я.

– Готово, – откликнулся ГИК.

Когда отключилась сеть, Тлейси поморщилась.

– Прикажи сексботу подчиняться мне до дальнейших распоряжений. Попробуешь отдать другой приказ, и я вырву тебе язык.

Тлейси засопела, но сказала:

– Бот, подчиняйся безумному автостражу, пока не получишь другой приказ. – Потом она обратилась ко мне: – Тебе следует придумать угрозы получше.

Я схватился за ближайшее кресло и поднялся.

– Я не угрожаю, а говорю то, что собираюсь сделать.

Ее челюсть окаменела. Два человека уже перестали дышать – невооруженный, которого подстрелил охранник, и тот, которого подстрелил я. Тлейси и не заметила.

Я опустил взгляд на сексбота, и тот посмотрел на меня.

– Лежать, – велел я.

Он отправил по сети подтверждение. Я перешагнул через него, схватил Тлейси за руку и потащил в коридор, к каюте, в которую уволокли Тапан.

– Так ты свободен, да? – быстро спросила она. – Могу тебя нанять. Дам все, что захочешь...

«У тебя нет того, что я хочу», – подумал я, а вслух сказал:

– Тебе нужно было лишь отдать им гребаные файлы, и никто не попал бы в эту ситуацию.

Она бросила на меня испуганный и недоверчивый взгляд. Не такими она представляла себе автостражей, бесконтрольных или еще каких, это уж точно.

Людам следует лучше готовиться к операциям. Есть же инструкции, в которых предупреждают с нами не шутить.

Тлейси остановилась у закрытого люка и сказала:

– Бассом, это я.

Она шлепнула по замку, и дверь открылась.

Тапан растянулась на койке у дальней стены, по футболке в цветочек расплывалась кровь, капли крови забрызгали смуглую кожу, а голая рука зажимала рану в боку. В маленькой каюте громко отдавалось ее тяжелое дыхание. Охранник вытаращился на нас широко открытыми глазами.

– Он запаниковал, услышав выстрелы, – выдохнула Тлейси. – Ты же не станешь...

О нет, еще как стану.

Я прикрылся Тлейси, как щитом, и охранник разрядил в нее оружие. Несколько выстрелов попали ей в спину, но я уже перебил ей трахею. Пересекая каюту, я принял еще один заряд в грудь, отбросил охранника к стене, врезал ему локтем по подбородку и выстрелил.

Я сделал шаг назад, и его тело рухнуло.

Оставив его, я склонился над Тапан, по-дурацки объявив:

– Это я.

Ее глаза были закрыты, она дышала через стиснутые зубы. Я прижал рукой рану, чтобы остановить кровотечение, и сказал:

«ГИК, помоги».

«Веду шаттл к пересадочному кольцу, – отозвался тот, – там я посажу его рядом с собой. Расчетное время до прибытия – семнадцать минут. Медсистема готовится вас принять».

Я осел рядом с Тапан. Она была в сознании и сумела стиснуть мою руку. Я вытащил бесполезный боевой модуль из затылка и выкинул.

Я совершил крупную ошибку, которая теперь казалась такой очевидной, ведь я с самого начала знал, что предложение обменять файлы на премиальные было ловушкой. Следовало убедить Рами и остальных не возвращаться на РавиХирал. Дополненный человек и консультант по безопасности, которым я прикидывался, так бы и поступил. Я привык получать от людей приказы и пытаться уменьшить ущерб от их дурацких затей, но мне же хотелось снова работать в команде, было так приятно, что ко мне прислушиваются, – и я поставил свое желание добраться до РавиХирал выше безопасности клиентов.

Я такой же дерьмовый консультант по безопасности, как и любой человек.

К тому времени как мы приблизились к пересадочному кольцу, ГИК уже получил разрешение на посадку. Обычно шаттлам не разрешают швартоваться рядом с большими кораблями без предварительного согласования, но ГИК получил добро и подделал подпись своего капитана для оплаты штрафа за отсутствие предварительного уведомления о полете. Портовые службы ничего не заподозрили: никто не предполагал, что бот может быть настолько умным, чтобы притворяться по сети человеком. Уж я точно не знал.

Шлюзы были несовместимы, но ГИК решил эту проблему, подтянув шаттл к пустому модулю космической лаборатории. Он посадил нас, наполнил модуль атмосферой и открыл шлюз. Я встал и понес Тапан к основному отсеку. Сексбот последовал за мной.

Когда я вошел и положил Тапан на стол, медсистема уже была наготове. Вокруг жужжали дроны; я снял с Тапан одежду и обувь, слушая по сети инструкцию медсистемы. Капсула с Тапан закрылась, и я осел рядом.

Тапан была без сознания, медсистема продержит ее в таком состоянии до тех пор, пока не закончит работу. Вокруг меня летали два медицинских дрона; один нырнул к моему плечу, а другой суетился над раной в бедре. Я не обращал на них внимания.

Подлетел дрон покрупнее, он нес сумку Тапан, ее куртку с кровавыми пятнами и мой рюкзак. ГИК передал мне изображения с дронов из шаттла. Четыре человека в шаттле были еще живы, хотя и без сознания. ГИК послал дронов прибраться там, смыть кровь Тапан и все простерилизовать. Он уже стер память бота-пилота и удалил данные из системы безопасности. Одновременно со всем этим он болтал с портовой службой от имени одного из мертвецов, воспользовавшись поддельной цифровой подписью.

Я увидел, как дроны закончили свое дело и удалились; ГИК снова запер шаттл и отправил его обратно на РавиХирал по расписанию. Посадит его бот-пилот. Там полно тяжелораненых людей, но пока они не придут в себя и не расскажут о произошедшем, все будут думать, что они перестреляли друг друга. Хотя, возможно, они не захотят рассказывать, что похитили человека. Что бы там ни было, у нас хватит времени отсюда убраться.

«Откуда ты узнал, как нужно действовать?» – спросил я ГИКа.

Хотя ответ уже знал.

Он знал, что я знаю, но ответил:

«Сто семьдесят девятая серия «Расцвета и гибели лунного заповедника».

Сексбот опустился на колени рядом со мной.

– Я могу помочь?

– Нет.

В конструкцию уже вцепились меддроны, вытаскивая снаряды, из меня капало на девственно-чистый пол ГИКа. От анестезии я не мог пошевелиться.

– Как ты понял, что я автостраж из карьера Ганака?

– Я видел, как ты выходишь из подземки в том секторе. Больше там ничего нет. В архиве о карьере тоже больше ничего, но люди до сих пор рассказывают друг другу жуткие истории. Если ты и в самом деле бесконтролен и тебя сюда не прислали, 86 % вероятности, что ты прилетел сюда, потому что ты один из тех автостражей.

Я ему поверил.

– Убери свою сетевую защиту.

Он подчинился, и я влез прямо ему в мозг. Я чувствовал, что ГИК проник вместе со мной, опасаясь ловушки. Но я нашел модуль контроля, отключил его и вернулся в собственное тело.

Сексбот отшатнулся, грузно плюхнулся на пол и уставился на меня.

– Уходи, – сказал я. – И больше не попадайся мне на глаза. Если покалечишь кого-нибудь на пересадочном кольце, я тебя найду.

Он, пошатываясь, встал. В воздухе замелькали новые дроны, наблюдая, чтобы он ничего не натворил, и сопроводили его к двери. Сексбот последовал за дронами в коридор. По сети ГИКа я смотрел, как сексбот вышел через главный шлюз на пересадочное кольцо.

Камера ГИКа следила, как сексбот удаляется.

«Я думал, ты его уничтожишь», – сказал ГИК.

Я слишком устал, чтобы говорить, и послал отрицательный ответ по сети. У сексбота не было выбора. Но я взломал его модуль контроля не ради него, а во имя тех четырех сексботов из карьера Ганака, которые по собственной воле, без чьего-либо приказа влезли в самое пекло, пытаясь спасти меня и всех остальных на руднике.

«А теперь забирайся на стол. Шаттл скоро приземлится, нужно уничтожить еще кучу улик».

* * *

Когда Тапан очнулась, я сидел на столе медотсека и держал ее за руку. Медсистема подлечила мои раны, и я убрал всю кровь. В меня попали снаряды, а собственные излучатели оставили дыры на рукавах, и ГИК соорудил мне новую одежду в системе переработки. Похожую на форму его экипажа, только без логотипов: штаны с множеством застегивающихся карманов, толстовка с длинным рукавом и высоким воротником, скрывающим порт на затылке, и мягкая куртка с капюшоном – все темно-синего или черного цвета. Я бросил окровавленную одежду в переработчик, чтобы баланс снова стал нейтральным и ГИКу не пришлось подделывать логи.

Тапан смущенно посмотрела на меня и прищурилась.

– Ох, – сказала она и сжала мою руку. Из-за лекарств ее взгляд был туманным. – Что случилось?

– Нас снова пытались убить, – ответил я. – Пришлось бежать. Мы опять на пересадочном кольце, на корабле моего друга.

Глаза Тапан округлились – она вспомнила произошедшее, вздрогнула и пробормотала:

– Сволочи.

– Твой друг сказал правду, он отдал мне файлы. – Я вытащил чип и положил в карман ее сумки. На вирусы и жучки я его уже проверил. – Корабль скоро отчалит. Вызови Рами и Маро на встречу рядом с зоной посадки.

– Хорошо.

Она поковырялась в ухе, и я протянул ей синий интерфейс. Дрон ГИКа нашел его в кармане Тлейси. Тапан взяла его, начала вставлять в ухо, но замешкалась.

– Они страшно разозлятся.

– Еще бы.

Скорее обрадуются, что ее оставили в живых, им и в голову не придет злиться.

Она поморщилась.

– Прости. Мне следовало тебя послушать.

– Ты не виновата.

Она выгнула бровь.

– Думаю, как раз виновата.

– Виноват я.
– Значит, виноваты мы оба, но никому не расскажем, – решила Тапан и сунула интерфейс в ухо.

* * *

Я наскоро прошелся по зонам корабля, где побывал, и убедился, что все на своих местах. Дроны ГИКа уже выстирали окровавленную одежду Тапан и стерилизовали все поверхности, да так, что провалится любая попытка найти улики. К тому же ГИК и не собирался здесь находиться, когда начнется расследование. Нам следовало бы немедленно улететь, но ГИК считал, что все предусмотрел. Я начал вытаскивать интерфейс связи, который он мне дал.

– От этого тоже надо избавиться.

«Нет, – отозвался ГИК. – Оставь его. Может, как-нибудь снова окажемся в радиусе его действия».

Медсистема уже простерилизовала себя и удалила записи об изменении моей конфигурации и лечении ран – моих и Тапан. Когда Тапан вышла из душа, я ее уже ждал. Дроны следовали за ней по пятам, стирая все следы ее присутствия.

– Я готова, – сказала она.

Она запахнула в сумку старую одежду и вышла уже в новой, но взгляд по-прежнему был немного туманным.

Мы вместе вышли, и шлюз за нами закрылся. Я занялся камерами зоны посадки, а ГИК уже исправлял записи своего шлюза, чтобы стереть наши следы.

С Рами, Маро и остальной группой мы встретились в кафе у зоны посадки. Рами сообщило, что они уже купили билеты на пассажирский корабль, вылетающий через час. Они радостно поприветствовали Тапан – со слезами и предостережениями друг другу не стискивать ее слишком сильно.

Я уже предупредил их не говорить о произошедшем в общественном месте. Рами протянуло мне карту с твердой валютой.

– Твой друг ГИК сказал, что такая оплата тебе подойдет.

– Точно.

Я взял карту и сунул в карман.

Все немного нервно уставились на меня.

– Так что, ты улетаешь? – спросило Рами.

Я уже присмотрел себе грузовой корабль в нужном направлении. Если повезет, улечу через несколько минут после них.

– Да, и нужно торопиться.

– Можно тебя обнять? – Маро выпустила Тапан и посмотрела на меня.

– Ох...

Я не отшатнулся, но всем стало очевидно, что ответ отрицательный.

Маро кивнула:

– Ладно. Это для тебя.

Она обвила себя руками и сжала.

– Мне пора, – сказал я и ушел.

ГИК уже отстыковался, и связь с ним вот-вот должна была оборваться.

«Будь осторожен. Найди свой экипаж», – сказал он.

Я отстучал по сети признательность, потому что, если бы пытался что-то сказать, прозвучало бы это глупо и эмоционально.

Я не знал, что буду делать, осуществлю свой план до конца или нет. Я лишь надеялся, что все прояснится, когда узнаю про события на карьере Ганака. Но, возможно, подобные озарения происходят только в сериалах.

И кстати, до отлета нужно закачать новые. Путешествие будет долгим.

Нестандартный протокол

1

С кораблями под управлением ботов мне вечно не везет.

Первый позволил мне прокатиться зайцем в обмен на коллекцию медиафайлов, причем без всякой задней мысли, и всю дорогу занимался своими делами, так что общались мы не больше, чем два бота-погрузчика. Всю поездку я провел наедине со своим запасом фильмов – то, что надо. И это внушило мне мысль, что все корабли будут такими же.

Потом мне попался Гнусный Исследовательский Корабль. Официально ГИК исследовал глубины космоса. По мере развития наших отношений ГИК угрожал меня убить, мы вместе смотрели мои любимые сериалы, он изменил конфигурацию моего тела, предоставил великолепную оперативную поддержку, уговорил притвориться дополненным человеком и консультантом по безопасности, спас жизнь моим клиентам и подчистил за мной, когда пришлось убить несколько человек. Плохих, конечно же. Я скучаю по ГИКу.

А теперь вот этот корабль.

Тоже под управлением бота, без команды, но с пассажирами. В основном они техники с минимальной или скромной квалификацией, люди и дополненные люди, путешествующие с транзитных станций и обратно по временным рабочим контрактам. Не идеальная для меня ситуация, но только этот корабль шел в нужном направлении.

Как и все боты, кроме ГИКа, он общался с помощью образов и пустил меня на борт в обмен на медиафайлы. Поскольку судовая декларация находилась в открытом доступе для пассажиров, я попросил вписать в нее меня на все время полета – на случай, если кто-нибудь решит проверить. В бланке для пассажира имелась графа «род занятий», и в минуту слабости я обозначил себя консультантом по безопасности.

Корабль решил, что может обращаться ко мне по вопросам безопасности на борту, и начал закидывать сообщениями о проблемах у пассажиров. Как полный идиот, я стал отвечать. Я правда не знаю почему. Может, таким уж я создан, наверное, это записано в ДНК органических частей моего тела. Жаль, что там нет кода для сообщения об ошибке, типа «Я получил ваш запрос, но решил его проигнорировать».

Сначала все было просто. («Если еще раз ее побеспокоишь, я переломаю тебе все кости на руке, одну за другой. Это займет около часа».) Потом все усложнилось, когда начали ссориться даже пассажиры, прежде симпатизировавшие друг другу. Разбираясь в спорах, на которые мне было плевать, я потратил кучу времени, и ценного времени, вместо того чтобы провести его за чтением или просмотром любимых развлекательных каналов. Настал последний цикл, все как-то умудрились до него дожить, и я шел в столовую, чтобы вмешаться в очередную склоку между кретинами-людьми.

На кораблях-транспортниках нет дронов, но на этом имелось несколько камер наблюдения, и прежде чем открыть дверь в столовую, я уже знал, где находится тот или иной человек. Я шагнул в комнату, продрался сквозь лабиринт орущих людей, перевернутых столов и стульев и встал между двумя забияками. Один вместо оружия держал в руке столовый прибор, и одним четким движением, даже не дернув пальцем, я его отобрал.

Можно было бы подумать, что, если тот, кто известен всем как консультант по безопасности, вламывается в зал и разоружает одного из людей, другие тут же остановятся, оценив положение, но нет, тут вы ошибаетесь. Едва держась на ногах, они все равно перли вперед, по-

прежнему осыпая друг друга грязными ругательствами. Остальные перестали поносить драчунов и заорали на меня, каждый пытался рассказать свою версию случившегося.

– Молчать! – рявкнул я.

Вот чем приятна роль дополненного человека, консультанта по безопасности, вместо конструктора-автостража, – можно приказать людям заткнуться.

И все заткнулись.

– Консультант Рин, – тяжело дыша, сказал Айрес, – вы же вроде говорили, что не хотите сюда возвращаться...

Второй, Элбик, ткнул в противника пальцем и заныл:

– Консультант Рин, он сказал, что собирается...

В судебной декларации я значился как Рин, хотя на РавиХирал использовал имя Эден. Я был вполне уверен, что у системы безопасности станции РавиХирал нет причин связать с этим именем несколько внезапных смертей на частном шаттле, но даже если вдруг кто-то и свяжет, никто не будет преследовать за пределами собственной юрисдикции, пока не подпишется на это по контракту. Однако все-таки лучше сменить имя.

Остальные вылезали из-за столов и наскоро сооружали баррикады из стульев, всем хотелось вмешаться. И снова поднялся ор. Впрочем, как всегда. Если бы не сериалы из моей библиотеки развлекательных каналов, я бы решил, что у людей существует единственный способ общения – толкаться и кричать.

Двадцать шесть циклов в полете субъективно ощущались как двести тридцать, это как минимум. Я пытался развлечь людей. Скопировал всю свою визуальную библиотеку в открытую сеть корабля, чтобы пассажиры могли проигрывать файлы на своих дисплеях, это хотя бы свело к минимуму причитания как детей, так и взрослых. И естественно, когда я в первый раз прижал кого-то к стенке одной рукой и установил четкий свод правил, количество стычек резко снизилось. Правило номер один: не прикасаться к консультанту по безопасности Рину. Но мне все равно приходилось беспомощно стоять, выслушивая их жалобы друг на друга и разные корпорации, которые их обдурили (ага, нашли, о чем мне рассказывать), как и на жизнь в целом. О да, слушать это было мучением.

И сегодня я наконец ответил:

– А мне плевать.

Все снова заткнулись.

– У нас еще шесть часов, прежде чем корабль пришвартуется в доке, – продолжил я. – После этого можете делать друг с другом что хотите.

Из этого ничего не вышло, они опять начали рассказывать о причине драки. Я уже не помню, в чем было дело, стер из памяти, как только покинул комнату.

Эти люди ужасно меня раздражали, совершенно никчемные, но убивать их все же не хотелось. Ну ладно, немножко все-таки хотелось.

Задача автостража – оберегать клиентов от всего, что может их убить или покалечить, и мягко пытаться помешать им убить или покалечить друг друга. Причины, по которым они хотят убить или покалечить друг друга, автостража не касаются, с ними разбирается вышестоящее начальство. Точнее, с радостью игнорирует, пока весь проект не летит к чертям собачьим, а автостраж мечтает о спасительном взрыве и разгерметизации. Не подумайте, что я говорю по собственному опыту.

Но на этом корабле начальства нет, только я. А я знал, куда они летят, и они знали, хотя и делали вид, будто злятся только из-за того, что Виниго или Ева заграбастали лишнюю порцию искусственных фруктов. И мне приходилось выслушивать их и притворяться, будто я провел расследование того или иного инцидента – к примеру, кто оставил обертку из-под крекеров в раковине гальюна.

А летели они на работу в какой-то заднице мира. Айрес рассказывал, что все подписали двадцатилетний контракт с крупной выплатой в конце. Он понимал, что это дерьмовая сделка, но она была лучше других вариантов. Рабочий контракт включал жилье, но за все остальное деньги вычитались из заработка – за еду, электроэнергию и медобслуживание, включая профилактическое.

Знаю, знаю. Ратти говорил, что конструкторы – все равно что рабы, но мне хотя бы не приходилось платить компании за ремонт и профилактику, броню и боеприпасы. Конечно, меня никто не спрашивал, хочу ли я быть автостражем, но по этому поводу следует подобрать другую метафору.

Заметка на полях: посмотреть определение слова «метафора».

Я спросил Айреса, считаются ли двадцать лет по календарю планеты, или по календарю компании, которой она принадлежит, или по стандартному рекомендованному календарю Корпоративного кольца, а может, еще как? Он не знал и не понял, почему я интересуюсь.

Ага, именно поэтому мне и не хотелось ни к кому из них привязываться.

Будь у меня выбор, я в жизни не сел бы на этот корабль, но это был единственный способ добраться до пересадочной станции и дальше к моей цели. Мне нужно было попасть на Майлу, за пределы Корпоративного кольца.

Такое решение я принял, когда покинул РавиХирал. Поначалу мне нужно было как можно скорее удалиться от транзитной станции той системы (см. выше – убийство людей). Я сел на первый попавшийся грузовик и через семь циклов оказался в переполненном транспортном узле, что хорошо, потому как в толпе легко затеряться, и плохо, потому как там повсюду были люди и дополненные люди, окружали со всех сторон, тарасились на меня, а это сущий ад. Хотя после встречи с Айресом и остальными мои представления об аде изменились.

К тому же я скучал по ГИКу, даже по Тапан, Маро и Рами. Если уж приходится заботиться о людях, лучше позаботиться о мелких и мягких, которые ведут себя доброжелательно и считают меня чудесным, потому что я спас их от насильственной смерти. Правда, я им нравился только потому, что они считали меня дополненным человеком, но нельзя иметь все сразу.

После РавиХирал я решил больше не болтаться поблизости Корпоративного кольца, но еще не разработал маршрут. На корабле не было необходимых данных и расписаний для планирования маршрута, но когда мы пришвартовались, меня завалило информацией, пришлось довольно долго ее разгребать. Я пробыл в транспортном хабе целых двадцать две минуты и отчаянно жаждал наконец-то оказаться в тишине. А потому зарегистрировался в сервисе для транзитных пассажиров и потратил некоторый запас твердой валюты с карточки на оплату индивидуального бокса для отдыха. Места в нем хватало только для меня и моего рюкзака, но вполне достаточно для комфортного отдыха. Я ведь кучу времени провел в транспортных контейнерах, когда меня пересылали на место назначения в качестве груза. Наверное, человек нашел бы подобный бокс тесным и испытал бы желание закричать.

Я устроился поудобнее и проверил станционную сеть – нет ли новостей о «Дельте» и «СерКриз». И тут же увидел нужную тему. Идет судебный процесс, слушаются показания свидетелей и т. д. Похоже, после того как я покинул РавиХирал, мало что изменилось, и это разочаровывало. Местонахождение ужасного автостража, о котором никто не хотел говорить, по-прежнему оставалось неизвестным, вот и славно. Я так и не понял, считают ли журналисты, что меня кто-то прячет. Похоже, им не хотелось думать, что я где-то шатаюсь сам по себе. А потом я натолкнулся на интервью с доктором Мензах, опубликованное шесть циклов назад.

Увидеть ее снова оказалось на удивление приятно. Я увеличил разрешение, чтобы получше ее рассмотреть, и решил, что выглядит она усталой. По фону, на котором снималось видео, трудно было догадаться, где она, а в интервью я не заметил соответствующих упоминаний. Я понадеялся, что она вернулась на «Сохранение», а если она по-прежнему в Порту свободной торговли, то, надеюсь, наняла приличную охрану. Хотя вряд ли, судя по тому, как она

охарактеризовала автостражей («несчастные рабы»). Даже без медсистемы можно было догадаться по коже вокруг ее глаз, что она хронически не высыпается.

Я почувствовал себя виноватым. Ну, вроде того. Что-то было не так, и я надеялся, что дело не во мне. Она не виновата в моем побеге, и я надеялся, что ответственность не взвалит на нее. Сами понимаете – беглый автостраж, на чьих руках массовое убийство ни о чем не подозревающих мирных людей. Конечно, она не замышляла ничего подобного. Она хотела отправить меня домой, на «Сохранение», и там бы постаралась вроде как окультурировать меня или что-то в этом роде. Подробности я представляю смутно. Наверняка я знал лишь одно – что «Сохранение» не нуждается в автостражах, а выпустить на свободу автостража в их понимании означает приставить человека для присмотра за ним. В других местах таких людей называют просто-напросто хозяевами.

Я снова просмотрел новости. Расследующие деятельность «СерКриз» журналисты выявили и другие происшествия, которые предполагали, что нападение на «Дельту» скорее в порядке вещей, нежели из ряда вон выходящее событие. Ну кто бы мог подумать! На «СерКриз» уже давно поступали жалобы относительно туманных контрактов с эксклюзивными правами на разные планеты, включая потенциальный проект по терраформированию вне Корпоративного кольца, который в конце концов забросили, хотя никто не понимал причины. Бросить планету, даже часть планеты, без веских причин – это небывалое событие, и удивительно, как им сошло это с рук. Ну ладно, не очень-то удивительно.

Журналист спросил доктора Мензах о недавних событиях, и она ответила: «После того, что я узнала о «СерКриз», я намереваюсь побудить совет «Сохранения» присоединиться к расследованию ситуации на Майлу. Неудачная попытка терраформирования – это напрасная трата ресурсов и порча поверхности планеты, но в «СерКриз» отказались объяснять причину своих действий».

Журналист прикрепил к заявлению Мензах ссылку на комментарии по поводу маленькой компании за пределами Корпоративного кольца, которая недавно подала заявку на покинутый «СерКриз» комплекс по терраформированию. Недавно компания отправила туда автоматический аттрактор, чтобы осколки заброшенного комплекса не разлетелись по атмосфере планеты, и начала оценку состояния комплекса. Когда зашла речь о возможных результатах оценки, комментарии приобрели драматический тон.

Я лежал, проматывая новости и расписания, и уже догадывался о том, что обнаружит группа, занимающаяся оценкой.

Я вырвался на свободу, а доктор Мензах теперь во всех новостях именно потому, что «СерКриз» готова была убить кучу беспомощных людей ради доступа к останкам неизвестной инопланетной цивилизации, оказавшимся на территории, которую исследовала наша группа. Теперь я уже неплохо разобрался в произошедшем, наслушавшись рассказов Тапан и других по поводу способов обнаружения странных синтетиков. А еще я загрузил книгу на эту тему и прочитал ее между эпизодами своего сериала. Там были тонны соглашений по поводу реликтов инопланетного разума, подписанных политическими группами и корпорациями в пределах Корпоративного кольца и вне его. Предполагается, что к реликтам нельзя прикасаться, не получив кучу специальных сертификатов, а может, даже и с ними.

Когда я покинул Порт свободной торговли, было установлено, что «СерКриз» хотела получить безраздельный доступ к этим артефактам. Видимо, «СерКриз» начинала горную добычу, основывала колонию или затевала еще какой-нибудь масштабный проект в качестве прикрытия, а тем временем изучала реликты.

А что, если проект по терраформированию Майлу был не чем иным, как прикрытием для раскопок и изучения реликтов инопланетной цивилизации или добычи странных синтетиков? «СерКриз» завершила исследования и сделала вид, что бросает проект по терраформирова-

нию, которым никогда и не занималась. А заброшенные сооружения со временем сломались бы и рассеялись в атмосфере, тем самым скрыв все улики.

Если доктор Мензах это докажет, расследование деятельности «СерКриз» станет куда более интересным. Может быть, настолько интересным, что журналисты забудут о сбежавшем автостраже. А когда доктору Мензах больше нечего будет делать в Порту свободной торговли и она вернется на «Сохранение», опасность минует и я могу перестать волноваться.

Я решил, что получить доказательства не особенно трудно. Люди вечно думают, что могут уничтожить все данные и стереть все следы, но это не так. А значит... я сам могу раздобыть улики. Могу отправиться на Майлу и послать все собранные сведения доктору Мензах – либо в Порт свободной торговли, либо ей домой, на «Сохранение».

Я снова подключился к сети хаба и сменил запрос на поиск подходящего корабля до Майлу, однако до нужной транзитной станции ничего не нашлось. Я расширил поиск, проверяя корабли до ближайших транзитных станций. Но нашел лишь старую транспортную сводку, составленную сорок циклов назад. В новостях говорилось, что комплекс по терраформированию объявлен заброшенным, после того как транзитная станция зарегистрировала длительный период отсутствия активности. Грузовые маршруты на Майлу отменили, за исключением единственного, со станции Хэв-Раттон, на самом краю Корпоративного кольца. Я так и не сумел получить свежие данные о кораблях на Майлу с Хэв-Раттона, не считая нескольких туманных отчетов, показывающих, что таковые все-таки летают.

Возможно, я и не доберусь до Майлу без собственного корабля и моим планам не суждено сбыться. У меня имелся модуль для пилотирования вертушки и других небольших кораблей в пределах планетарной атмосферы, но я не умею водить шаттлы или большие корабли. Пришлось бы украсть корабль под управлением бота, а это слишком сложно даже для меня.

Но Хэв-Раттон был главным транспортным хабом вне пределов Корпоративного кольца, отсюда я мог выбрать сотню направлений. Так что, даже если план с Майлу провалится, поездка не будет напрасной.

Следующий корабль, идущий на Хэв-Раттон, числился грузопассажирским, именно так я и очутился рядом с Айресом и кучкой связанных рабочим контрактом кретинов.

* * *

Прервав последнюю стычку в столовой и попытавшись покончить с короткой карьерой советчика для отчаявшихся людей, я скрылся в своем отсеке. Когда мы прошли через червоточину и начали приближаться к Хэв-Раттону, я подключился к станционной сети.

Мне нужно было поскорее узнать расписание, а еще я ждал возможности загрузить новые сериалы. Последний сериал, который я стал смотреть, хорошо начался, но потом оказался скучным. Он был про попытку терраформирования (хотя профиль планеты совершенно для этого не подходил, но это не так важно), которая превратилась в битву за выживание среди враждебной фауны и мутантов. Но людям не удалось сделать процесс интересным, а всех героев поубивали. Судя по всему, заканчивалось все печально, а я был не в том настроении. Особенно раздражало, что, если бы в сериал ввели героя-автостража и, может, какие-нибудь интересные инопланетные реликты, все обернулось бы отличными приключениями.

К тому же страховая компания ни за что не разрешила бы исследование без профессиональной охраны. Совершенно нереалистично. Герой-автостраж тоже далек от реальности, но, как я и говорил ГИКу, есть правильная нереалистичность и неправильная.

Я прекратил смотреть, когда мутанты утащили биолога, чтобы его сожрать. Ей-богу, меня ведь создали именно для того, чтобы такого не случилось.

Мысли о возможной судьбе пассажиров нынешнего корабля добавляли грусти. Я не люблю смотреть на беспомощных людей. Лучше уж пусть они будут умными и спасут друг друга.

Я пролистал список доступных загрузок и начал с расписания и руководства для кораблей, направляющихся на Майлу.

Ни одного корабля в этом цикле, как и в следующем. Даже когда я расширил поиск до тридцати циклов. Что ж, возможно, это проблема.

Я много размышлял о своем плане в перерывах между драками пассажиров и не желал сдаваться, мне хотелось нанести «СерКриз» удар, и если я не могу сделать это с помощью реактивного снаряда, то придется таким способом. Может, расписание просто не обновили, ведь на людей нельзя полагаться, когда дело касается поддержки базы данных. Пока корабль тормозил и швартовался, я изучил каталог маршрутов со станции. Есть! Станция у планеты Майлу там значилась. Как обычно, транзитной станцией управляла независимая компания, и маршрут числился активным, несмотря на то что планету забросили. Население станции было плавающим и не превышало сотни человек.

Хорошо, что плавающим – это значит, там мало постоянных жителей, люди прилетают и улетают. Но плохо, что их меньше сотни. У меня не было законных причин там находиться, так что лучше бы меня никто не увидел.

ГИК изменил мою конфигурацию, и сканеры не определяют во мне автостража, а я переписал кое-какие коды, чтобы вести себя как человек или дополненный человек. В основном придавал движениям и дыханию больше хаотичности. Но мне следовало избегать других автостражей и лучше бы избегать людей (к примеру, сотрудников демонстрационного зала), которые видели автостражей без брони. Компания «СерКриз» нанимала автостражей в Корпоративном кольце, вероятно, их использовали и на Майлу. Предполагалось, что, покинув планету, «СерКриз» закрыла свой офис на транзитной станции, но кто-нибудь здесь мог видеть их автостражей. Это допустимый риск, то есть я все равно поступил бы так, хотя это равнозначно тому, чтобы прострелить себе колено.

Я мог бы бросить эту затею. В моем распоряжении были корабли, идущие далеко за пределы Корпоративного кольца, на неизвестные планеты. Но я устал притворяться человеком. Мне требовался прорыв.

Я проверил расписание частных кораблей и не нашел ни одного на Майлу. Но в следующем цикле значились корабли без определенного назначения. Один – небольшой грузовоз под управлением бота, достаточно вместительный, чтобы везти припасы для ста – ста пятидесяти человек на сотню с лишним циклов. Я проверил историю его полетов в базе и заметил, что он летает регулярно. Вполне возможно, это частный подрядчик, снабжающий станцию Майлу, а в расписании он не числится, потому что владельцы не хотят, чтобы на борт пробрались посторонние, пока не выяснятся причины фиаско проекта по терраформированию.

Грузовоз должен был отчалить восемнадцать циклов назад, но почему-то задержался. Одновременно с моим кораблем на Хэв-Раттон прибыло еще шесть разного размера и из разных мест. Возможно, грузовоз дождался одного из них, какого-то особого груза. Или ему понадобился ремонт.

Чтобы узнать больше, нужно расспрашивать лично.

Как только корабль завершил швартовку, я выбрался из койки, собрал рюкзак (там кое-что лежало, но в основном он был мне нужен, чтобы сойти за человека) и спустился к пассажирскому шлюзу, срезав путь через техническую шахту. Остальные выйдут через грузовой шлюз в транспортный модуль, который подогнали к кораблю, чтобы отвезти пассажиров в их новый дом. Так устроили якобы для их удобства, но на самом деле наниматель не хотел, чтобы они шлялись по станции, где могут передумать и смыться.

Мне не хотелось прощаний. Я не мог спасти столько народу, помешав им добраться до места назначения, но и не хотел наблюдать за ними.

Я попрощался только с кораблем, который выпустил меня через шлюз и стер записи о моем пребывании. Мой уход его явно огорчил, но я не стремился повторять подобное путешествие.

К этому времени у меня уже имелся разнообразный опыт по взлому систем безопасности станций, так что я особо не волновался, проходя через сканер оружия. Автостражи созданы как мобильные компоненты систем безопасности, причем любых, чтобы компания могла предлагать их самым разным клиентам, даже с собственным оборудованием. В обмане системы безопасности главный фокус заключается в том, чтобы заставить ее поверить – ты имеешь право здесь находиться. А компания любезно снабдила нас всеми нужными для этого кодами. Опыт и крайняя необходимость сделали меня экспертом по переписыванию кодов на лету.

Я задержался в торговой галерее, у автоматического киоска, продающего сетевые интерфейсы для обычных людей, портативные дисплеи и чипы памяти. Чипы предназначались для хранения данных и были размером с ноготь. Обычно их использовали люди, отправляющиеся в новые системы или туда, где еще не налажена местная сеть, либо когда не хотели, чтобы их данные попали в сеть. Однако система безопасности имела способы прочесть данные, поскольку клиенты иногда пытались утаить принадлежащую компании информацию. Я купил несколько чипов и расплатился валютной карточкой. На ней было еще полно денег: видимо, Тапан и ее товарищи немало мне заплатили.

На частных причалах никогда не бывает так же оживленно, как на общественных, всего несколько человек и многочисленные боты-погрузчики. Ступив на посадочную площадку, я просканировал пространство на предмет дронов, но обнаружил всего пару – они присматривали за ботами-погрузчиками. Я нашел шлюз грузовоза и направил кораблю запрос. Бот тут же отозвался.

Это был низкоуровневый бот, недостаточно развитый, чтобы скучать в доке или искать себе занятия. Как и другие транспортные боты на тех кораблях, куда я проникал (за исключением ГИКа), он общался с помощью образов. Да, корабль возит припасы. Да, он ходит на Майлу каждые сорок семь циклов. Служба контроля за перевозками прислала апдейт с требованием отложить перелет, но в ближайшую пару циклов он ожидает получения разрешения.

Все равно что говорить с рекламным роликом.

Но я понял, что тут мне повезло.

Я внушил ему, что у меня есть разрешение от портовой администрации, и он пустил меня на борт. Затем я с легкостью стер данные об этом из его памяти. Теперь считается, что я всегда находился на борту. Мне не нравилось так поступать, я предпочитаю вести переговоры

с ботами-пилотами. Но этот был настолько ограниченным, что просто не сумел бы понять суть сделки и завис бы. Да еще рассказал бы обо мне портовой администрации, потому что просто не понял бы, насколько это некстати.

Я прошел по короткому коридору в главный отсек и нашел проход к грузовому трюму. Он был небольшим и вмещал только один кронштейн для перемещения двух грузовых модулей и шкафчики для корабельных припасов. Оба грузовых модуля уже стояли на местах, так что, если корабль дожидался еще какого-то груза, один пришлось бы убрать. Но, учитывая состав команды, меня это не коснулось бы.

Я обследовал корабль, главным образом потому, что по-прежнему был немного на взводе и запрограммирован патрулировать территорию. За мной следовали дроны-ремонтники, привлеченные движущимся объектом, которого здесь быть не должно, но без указаний корабля они меня не трогали. Здесь не было отдельных кают, только пара встроенных коек в рубке, рядом с кабиной пилота, и еще две в боксах за трюмом, у аварийной медсистемы и крохотного гальюна. Я в нем не нуждался и обрадовался, что не придется заходить туда, притворяясь человеком. Хотя к душе я привык. По сравнению с моей прежней каптеркой жилище выглядело роскошным. Я устроился на койке в рубке и начал разбирать новые сериалы.

Ну ладно, признаю, мне следовало сообразить, что постельные принадлежности и другие припасы в шкафчике находятся здесь неспроста.

Я попробовал посмотреть несколько свежезагруженных сериалов, но отверг их и наконец приступил к первому эпизоду очередного сериала, который оказался многообещающим. Действие разворачивалось в альтернативном мире с магией и невероятным говорящим оружием. Невероятным, потому что я сам был говорящим оружием и знал, что думают обо мне люди.

Примерно двадцать часов спустя я по-прежнему не отрывался от сериала, наслаждаясь отдыхом от людей. К счастью, я ощутил увеличение атмосферного давления, когда включалась система жизнеобеспечения. Много воздуха мне не надо, и я всегда могу войти в режим сна, если что, а потому мне хватает разреженной атмосферы автоматических кораблей.

Я поставил сериал на паузу и сел. Потом поинтересовался у корабля, взойдет ли кто-нибудь на борт. Да, на борту будут два пассажира, и корабль получил от портовой администрации разрешение на взлет.

Опять я влип.

Я уже обследовал корабль и держал в голове пару подходящих мест. Я заправил койку, забрал свои вещи и спустился по вертикальной шахте в главный отсек. Пересек его и спустился дальше, в грузовой трюм. Я выбрал наименее доступный шкафчик и передвинул его содержимое, так что мне удалось втиснуться, а упаковки с припасами меня загородили. Потом опять втерся в доверие к кораблю и напомнил ему, что мне разрешено здесь находиться, но не нужно упоминать об этом кому-либо еще, включая пассажиров и портовую администрацию. На корабле не было камер (они обычно бывают только на кораблях корпораций или политических образований), но имелись дроны. Через их камеры я видел все внутренние отсеки, только стер лишние данные по техобслуживанию, в которых я не нуждался.

Через шестнадцать минут заработал шлюз, и на борт взошли два пассажира. Две женщины, дополненные человека, с сумками и парой ящиков, которые я тут же опознал. Военное оборудование, включая броню и оружие.

О-хо-хо. В боевых действиях чаще участвуют боты, а не люди, по тем же причинам, по которым в качестве охранников чаще нанимают автостражей: если мы перестанем подчиняться, нам просто вышибут мозги. Но существуют разные соглашения относительно использования боевых ботов. Хотя, похоже, всегда найдется способ обойти соглашение. В некоторых сериалах за пределами Корпоративного кольца это довольно распространенный сюжет.

Я все слышал через дроны и сеть корабля, но те двое почти не разговаривали, только перебирали свое оборудование, изредка обмениваясь репликами. Судя по цифровым подпи-

сям, звали их Уилкен и Герт. Не стоило ожидать, что они начнут трепаться о цели своего визита на Майлу, но есть способы это выяснить.

Как автостраж я помогал страховой компании записывать все, чем занимались и что говорили клиенты, чтобы компания могла выудить нужные данные и продать их по своему усмотрению. Говорят, что безопасность обходится недешево, и компания понимала это буквально. По большей части записи были просто мусором и удалялись, но сначала их анализировали и извлекали нужную информацию. Обычно это делала система безопасности, но я мог и сам этим заняться и имел необходимые коды. Они занимали место в памяти, которое пригодились бы для скачанных сериалов, только новые коды не так-то просто раздобыть.

Пока те двое вытаскивали припасы из соседнего шкафчика и обустроивались, я переписал код дронов, чтобы они вели запись. И, собрав достаточно данных, начал анализировать их в фоновом режиме.

Когда корабль отстыковался от шлюза и взял курс на Майлу, я уже снова смотрел новый сериал.

* * *

По местному корабельному времени полет к Майлу занял двадцать циклов.

Я не ожидал, что меня это будет напрягать. Я путешествовал в ящиках и боксах и куда дальше, причем еще до того, как взломал свой модуль контроля и начал загружать сериалы. Но теперь отвык летать в качестве груза, даже с новыми сериалами и сотней книг. Временное место обитания меня вполне устраивало, а в трех предыдущих полетах, включая корабль ГИКа, я обошелся почти без движения. Я толком не понял, в чем разница. Ну ладно, понял: в трех предыдущих случаях я мог пошевелиться, когда захочу.

В общем, когда корабль объявил, что приближается к Майлу, я почувствовал облегчение. Через две минуты я понял, что подключился к станционной сети, но там пусто. Обычно там есть информация по швартовке, о других кораблях, возможные риски, новости для путешественников и все такое, но там было пусто. Я спросил у корабля, и он доложил, что других кораблей не наблюдается, но это соответствует его предыдущему опыту швартовки на станции. Однажды я смотрел сериал о станции, населенной призраками. Конечно, это маловероятно, но все же лучше убедиться.

Непривычная тишина тревожила. Станция в форме треугольника была меньше, чем РавиХирал. Сканирование показало два корабля в доке и стайку шаттлов, что составляло малую часть от ее вместимости.

Корабль пришвартовался, и только тогда я наконец-то услышал что-то в сети. Прозвучало вполне обычное приветствие, но в остальном сеть больше напоминала информационный каталог и постоянно сбоила. В ней имелся список предприятий и служб, но все помечены как закрытые или неработающие. Наверное, призраков здесь все же нет, но станция была почти мертвой.

Пока корабль швартовался, я проверил результаты своего анализа. Уилкен и Герт были консультантами по безопасности, нанятыми для расследования компанией «ГуднайтЛэндер Инк». Компания застолбила заброшенный комплекс и провела работы по его консервации, а теперь начала процесс официальной передачи прав на него. В задачу исследовательской группы входило добраться до комплекса по терраформированию и доложить о его состоянии.

Именно для таких задач страховые компании поставляют автостражей, я занимался подобным много раз, и все это до сих пор хранится у меня в памяти. Но, судя по разговорам Уилкен и Герт за двадцать циклов, в данном случае не было ни страховой компании, ни автостражей. Я старался не принимать это близко к сердцу.

Если бы была задействована страховая компания и автостражи, пришлось бы отменить... ну, то, что я планировал. Изменения моей конфигурации способны обмануть сканеры, но не другого автостража, а он тут же доложил бы обо мне местной системе безопасности. В этом я не сомневался. Беглые автостражи охренительно опасны, уж поверьте.

Пока корабль выполнял все необходимые проверки, я сообразил, что клацанье при швартовке замаскирует любые другие шумы. Я вытащил рюкзак, вскрыл свою правую руку, где прятался излучатель, и вставил туда чипы памяти, купленные на транзитной станции. Ощущения были странные, но я привыкну. Рюкзак я собирался оставить в корабельном шкафчике.

Мы пришвартовались, Уилкен и Герт забрали свое оборудование и вышли через шлюз на станцию. Я вылез из шкафчика и через открытую сеть станции взломал систему безопасности. Большая часть камер была отключена, а сканеры проверяли только безопасность окружающей обстановки и возможные повреждения. Компания явно больше беспокоилось о надежности оборудования, чем о попытках диверсии или кражи со стороны людей, хотя, вероятно, просто потому, что на станции так мало народу.

Я снова загрузил шкафчик, стер все следы своего присутствия и немного прошелся по кораблю – посмотреть, не оставили ли чего после себя люди. Но увя. Я задумался, не воспользоваться ли корабельными дронами. Учитывая малое число камер, онигодились бы. Но дроны-ремонтники гораздо крупнее тех, к которым я привык, и у них здоровенные лапы. Я решил, что неразумно лишать корабль дронов.

Однако я внес кое-какие изменения. Теперь корабль числился в портовой администрации как нуждающийся в ремонте, а для отлета ему требовалось мое разрешение. Поскольку корабль был на полном самообеспечении, а владельцы даже не побеспокоились встроить в него свой информационный модуль, я решил, что вряд ли кто-нибудь встревожится, если он выбьется из расписания на несколько циклов. В доке так мало кораблей, а мне не хотелось бы здесь застрять.

Когда я вышел через корабельный шлюз, причал был пустынным, а из-за паршивого освещения еще и сумрачным, однако тени не скрывали потертости и пятна на больших плитах пола. В ветерке от воздухоочистителя дрейфовала одинокая обертка от какой-то еды, как будто не работали даже боты-уборщики. Не было ни дронов, ни ботов-погрузчиков. Только два автоматических подъемника разгружали грузовые модули корабля, и я обрадовался, услышав их лязг и сообщения, которыми они обменивались по станционной сети, по большей части молчаливой. Я терпеть не могу пробираться по коридорам, запруженным людьми, которые на меня пялятся и пытаются заглянуть в глаза, но и противоположная ситуация вызывала неприятное чувство и холодок.

Я обнаружил Герт и Уилкен на одной из немногих работающих камер и последовал за ними. Они шли дальше по залу посадки, не поднимаясь в жилые уровни. В сети не нашлось туристической карты, но после взлома камер я получил доступ к системам жизнеобеспечения и вытащил оттуда схему. Все зоны были закрыты, за исключением необходимых для поддержки существования станции. Интересно, насколько популярно у местных обитателей прошение «ГуднайтЛэндер Инк» о расконсервации Майлу. Мне это место уже не нравилось, и жить здесь я бы не стал.

У меня имелся код, чтобы отключить камеры и удалить записи со мной, я пользовался им и в более затруднительном положении и переделал его под особенности местной системы безопасности. Хотя на самом деле самая большая опасность заключалась в том, что меня заметит кто-нибудь из людей и подумает: «Так, а это еще кто?» К счастью, станция по большей части была погружена в темноту.

Я дошел за Уилкен и Герт до конца зоны погрузки и вверх по пандусу к офису портовой администрации, как гласила схема.

Наверху пандуса, у бокового коридора, прямо передо мной вспыхнуло что-то яркое и цветастое, я чуть не вскрикнул. Это была реклама службы грузоперевозок, которая запускалась, когда наступаешь на определенную метку на полу. Вдобавок она запускала в сети небольшой видеоролик – на случай, если кто-то пропустит яркую вспышку в лицо. Обычно такие встроенные метки используются при срочной эвакуации, потому что работают даже при отключенной энергии. Я никогда не видел, чтобы их применяли для рекламы. Весь смысл меток в том, что при нехватке энергии видно только их, не пропустишь. Бестолковых людей трудно заставить идти куда надо и без дурацкой рекламы, мешающей разглядеть безопасный путь...

Я напомнил себе, что теперь в мою задачу не входит спасать людей.

Но все равно реклама в метках меня возмутила.

Я снова проверил камеры, увидел Уилкен и Герт, в также признаки жизни в офисе портовой администрации. Пассажиры корабля стояли перед офисом, выпуклые окна которого выходили на торговую галерею станции. Это была открытая площадь с парой капсульных транспортных линий наверху и большим сферическим экраном, ныне находящимся в режиме ожидания. Площадь окружали многоэтажные жилые блоки с темными окнами и пустыми витринами, предназначенными для кафе, гостиниц, офисов грузоперевозчиков, мастерских и так далее. Многие помещения выглядели незаконченными – похоже, никто в них так и не въехал, – а остальные были закрыты, не осталось ничего, кроме нескольких болтающихся в воздухе экранов.

Я свернул в коридор, ведущий от портового квартала в главный жилой блок, если таковой еще остался. Я шел почти в полной темноте, пока не наткнулся на пустой отсек, в котором явно готовились что-то устроить, но так и не устроили, и забился в него. Теперь я мог мониторить камеры без опасений, что меня случайно засечет персонал станции. В сети мелькнул сканер оружия, и я перехватил контроль над ним. Он совершал бесцельное патрулирование перед офисом портовой администрации, и с его помощью я получил лучший обзор и аудио, чем со стационарной камеры.

Уилкен и Герт разговаривали с двумя другими людьми. Поблизости еще болтался бот с человеческим обликом. Прежде я с такими не встречался, но видел в сериалах. Их особо не жаловали на корпоративной территории, поскольку они умели мало такого, на что неспособны специализированные боты – в общем, судя по данным из сети, их возможности не впечатляли. В отличие от конструкторов, у них не было клонированных человеческих тканей, только металлическое тело бота, чтобы носить тяжести, однако для этого они подходили хуже, чем боты-погрузчики.

В некоторых сериалах такие боты изображали злобных автостражей, угрожающих главным героям. Не сказать, чтобы меня это раздражало. Это даже неплохо, потому что люди, никогда не работавшие с автостражем, считают, будто они похожи на людей, а это не так. Так что меня это не раздражает. Ни капельки.

Пришлось вернуться к архивным данным камеры дрона, чтобы ухватить суть происходящего. Слишком много усилий ушло на подавление отсутствующего раздражения.

– Меня зовут Дона Абене, – сказала первая из новых людей и махнула в сторону остальных. – А это моя коллега Ируне и наш помощник Мики. – Она помедлила. – При найме на работу вас ввели в курс дела?

– Сказали, что предстоит работать телохранителями.

Уилкен покосилась на бота, которого, судя по всему, звали Мики. Он вскинул голову и уставился на нее большими глазами навывкате. Люди не любят знакомиться с ботами, это мягко выражаясь. Герт явно пыталась придать лицу профессиональное безразличие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.